

Ярость Магнуса / Fury of Magnus (новелла)

Перевод в процессе: 11/26

Перевод произведения не окончен. В данный момент переведено 11 частей из 26 .

Ярость Магнуса / Fury of Magnus (новелла)

Автор	<u>Грэм Макнилл / Graham McNeill</u>
Переводчик	Lotara
Издательство	Black Library
Серия книг	Ересь Хоруса: Осада Терры / Horus Heresy: Siege of Terra
Год издания	2020
Экспортировать	PDF, EPUB

Аманде, Генри, Нику, Кристине, Кристиану, Алексу, Джованне и Джону за все, чему вы меня научили в своей компании.

И Эвану, который каждый день учит меня новому.

Содержание

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

КНИГА ПЕРВАЯ: САНКТУМ ИМПЕРИАЛИС

- 1 Время испытаний
- 2 Выжившие
- 3 Слабые возмущения
- 4 Интрига на интриге

КНИГА ВТОРАЯ: ЗАПАДНОЕ ПОЛУШАРИЕ

- 5 Возможности умножаются
- 6 Разлом
- 7 Волк и Дракон

КНИГА ТРЕТЬЯ: ЗАЛ ЛЕНГ

- 8 Главная роль
- 9 Живое пламя

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ: ПОД ДВОРЦОМ

- 10 Хищники и добыча
- 11 Мат слепого

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

XV Легион, Тысяча Сынов

Магнус Красный - Алый король, примарх Тысячи Сынов

Азек Ариман - главный библиарий

Амон - советник примарха

Менкаура - адепт Корвидов

Атрахасис - советник Аримана

VI Легион, Космические Волки

Бёдвар Бъярки - рунный жрец Тра

Свафнир Раквульф - творец скорби Тра

Ольгир Виддоусин - щитоносец

XVIII Легион, Саламандры

Вулкан - Владыка Змиев, примарх XVIII-ого Легиона

Аток Абидеми - Драконий Меч

Барек Зитос - Драконий Меч

Иген Гарго - Драконий Меч

IV Легион, Железные Воины

Пертурабо - Владыка Железа, примарх IV-ого Легиона

Имперские лица

Малкадор Сигиллит - Регент Терры

Аливия Сурека - Вечная

Промей - вирд-призрак

«Война - отец и царь всего сущего. Одних она явила богами, других - просто людьми».

- Плачущий философ.

«На востоке грохот орудий: великолепный и ужасный, как раскат грома. Яркая вспышка разрезала ночь, и вздымающаяся масса выплескивается в виде стальной тучи. Сцены сменяют друг друга снова и снова, и с диким трепетом мы прославляем праздник смерти...»

- Пётр Нэш, первый лейтенант, 77-й Европейский Высочайший.

«История пытается рассказать правду посредством самой уместной лжи».

- Хари Харр, имперский дознаватель.

КНИГА ПЕРВАЯ: САНКТУМ ИМПЕРИАЛИС

1 Время испытаний

От дыма пылающей Терры день превратился в ночь.

Хронометр доспеха показывал, что сейчас было утро, но время потеряло всякий смысл. День, ночь, утро, вечер... они сливались в один мерцающий адский свет, который окрашивал все вокруг в цвета пышущего жаром кузнечного горна.

Далекое зарево, исходившее от расплавленного камня, осветило на горизонте забытых всеми неуклюжих гигантов. Языки пламени из треснувшей горной породы стелились у самой земли, а бурлящие облака жгучего пепла дрейфовали над разрушенными руинами.

Время Испытаний было событием, которое грозило вымиранием на Ноктюрне всего живого - временем

огня и конца, когда Прометей, спутник планеты, проходил так близко, что вполне мог разорвать мир на части. Под действием столкновения гравитационных сил в глубинах коренной породы Ноктюрна пробуждались мировые змии, гнездившиеся вокруг расплавленного сердца планеты. Очнувшись от глубокого сна, удраконы ревели и бушевали в ярости от прерванных грез, сотрясая мир наверху.

Их ужасающий жар изливался наружу в виде тысячи вулканических извержений лавы, пепел которых затмевал солнце. Поступь титанических конечностей же сотрясала мир катастрофическими землетрясениями, которые меняли форму континентов Ноктюрна, а их дыхание вызывало кипящие цунами, что сокрушали берега морей. И, наконец, когда змии возвращались ко снам, а их жгучая ярость утихала, на землю обрушивалась суровая зима.

В такие времена жизнь за пределами защищенных стен городов-святынь Ноктюрна становилась невозможной. Степные стоянки, горные крепости и прибрежные поселки пустели, когда люди неистового мира покидали их в поисках хрупкой безопасности. Ворота городов были распахнуты настежь, и любому, кто просил убежища, предлагали место внутри...

Прежде чем Атока Абидеми избрали в ряды XVIII Легиона, он стал свидетелем только одного Времени Испытаний. Он был мальчишкой не старше четырех терранских лет, но живо помнил пылающее в молниях небо, в котором словно бы разыгралась битва богов и гнев мировых змий.

Еще в детстве он видел смысл в игре пламени в небесах, предзнаменование в каждом раскате грома и в каждом яростном грохоте вулкана...

Спасаясь от приближающихся огненных бурь, его родители оставили кочевую жизнь в дельте Т'аркена и искали убежища за стенами Скаротка, города Драконьего Хребта. Все, что знал Абидеми – это жизнь на равнинах да охоту на левонидов вместе с отцом и дедом. Потому, когда за ним закрылись ворота города-святыни, Аток почувствовал страшную клаустрофобию, оказавшись пойманным в ловушку в месте, откуда не мог выбраться.

И вновь тоже самое ощущение сжало его сердце в холодных тисках.

Впрочем, это был не Драконий Хребет и даже не Ноктюرن.

Это была Терра.

Это было Время Испытаний.

- Приготовиться к бою!

Крик раздался со стены, но утонул в реве клаксонов Непреклонной.

Очередной сигнал тревоги, но не для них – пока нет.

Абидеми сжал пальцы на рукояти Драукороса. Цепной клинок оружия был длиннее обычного; его покрывали зубья великого змия Ноктюрна, чье имя оно теперь и носило. Когда-то меч принадлежал Артеллу Нумеону, но с его исчезновением на горе Смертопламя честь владения перешла к Абидеми.

Прежний владелец всегда будет стоять между ними – и клинок, и Абидеми понимали, что последний был всего лишь его хранителем. Меч всегда будет принадлежать Нумеону, и Абидеми горячо надеялся, что однажды он вернет оружие в их родной огненный мир.

Эта надежда таяла с каждым днем, и, по мере того, как нестройные звуки войны возвращали его в

настоящее, трагедия, охватившая Терру, разыгрывалась вокруг с новой силой.

Белый пепел повалил, как снег. Небо полыхало огненными красками, а безжалостный барабанный бой войны наполнял воздух непрерывным грохотом взрывов и тяжелой артиллерии, которая, казалось, никогда не знала покоя.

Абидеми с двумя братьями-Саламандрами стоял на Непреклонной Стене, что возвышалась на северо-востоке Санктум Импералис – самого сердца Императорского Дворца. Более всего она походила на громадный утес высотой в тысячу двести метров, высеченный в теле гор и имеющий внутренний плац для сбора войск за защищенными и укрепленными бастионами внешней стены, которая спускалась к многоуровневым наружным укреплениям – и так, пока она не уменьшалась у разоренных окраин на западе пустоши Катабатика.

Внешние грани Непреклонной были укреплены сталью и камнем, а ее некогда великолепные барельефы демонтировали по указу лорда Дорна. Функциональность фортификаций была предельно проста: недавно возведенные башни цилиндрической формы, турельные и анфиладные орудийные установки превращали пятнадцатикилометровую полосу тлеющих руин за Стеной в поле смерти почти идеальных пропорций.

В любом обычном сражении Непреклонная могла стать неприступным барьером, но война, принесенная на Терру предателями, была далеко не обычной.

Рев боевых горнов и крики исходили от воинства, которое сейчас шло на штурм. За последние два дня они шесть раз атаковали защитников и шесть раз были отброшены назад. Их жуткие, почти звериные завывания звучали для ушей Абидеми словно кличи орды варваров из древних времен.

Дым и бурлящее оранжевое зарево окружили зубцы укреплений Непреклонной в очередной, седьмой атаке, и пятьдесят тысяч солдат вновь дали бой обезумевшему от крови врагу. Вспышки и столбы синезеленого огня вздымались далеко внизу, от основания стены, а мощные взрывы сотрясали укрепления, при каждом ударе пожирая рокрит огненными укусами.

Разрывы снарядов обрушивались на бруствер градом шрапнели, и орудийный огонь толпами скашивал солдат на огневой позиции; крики раненых же заглушали отбойные удары тяжелой артиллерии. Фрагменты снарядов разрывались над головами, кромсая плоть, камень и круша фортификации. Воздух стал густым и ядовитым от смеси фицелина, горючего и паров прометия.

Выстрелы автоматических турелей и артиллерии, установленной на потрепанных боями склонах Башни Гегемона позади ответили на рев из-за стены.

Впрочем, это мало что могло изменить – казалось, вражеское войско было бесчисленным.

Данная часть сектора обороны обозначалась как Непреклонная-Три.

«Имя Стены значит для нее тоже самое, что и для нас, – подумал Абидеми. – Возможно, если...»

Его размышления были прерваны хлопком почерневшей силовой перчатки, ударившей по наплечнику. Голос с резким акцентом жителя города-святых произнес:

– Сосредоточься, брат.

Абидеми кивнул, оторвавшись от своих мыслей, и взглянул на брата.

Барек Зитос представлял собой сплошную гору темной кожи и потрепанных боевых доспехов. Последние

каким-то образом сохранили свой темно-зеленый блеск даже среди непрекращающихся пеплопадов и смоляных клубов дыма, которые вздымались от горящих руин Главного Барбакана и разрушенной Стены Брахмапутры.

Абидеми и Зитос стояли на Непреклонной-Три в резерве с десятью тысячами солдат и двенадцатью специальными отрядами, собранными из разных подразделений. В результате интенсивных боев сотни полков Терры были фактически уничтожены, и разрозненные группы выживших быстро собирались в небольшие батальоны без названий – у них были лишь те имена, которыми они сами себя нарекли.

В честь Саламандр, находившихся в их рядах, солдаты прозвали себя «Родней Вулкана». Обычно такая фамильярность со стороны смертных рассердила бы Абидеми, но здесь, в этом месте и в это время он понимал, какую честь оказывают им эти храбрые мужчины и женщины. Когда-то их форма отличалась по стилю и цвету, но недели сражений в грязи и запекшейся крови словно облачили их всех в одинаковые серо-коричневые мундиры и окрасили измученные лица пеплом и скорбью.

Они наблюдали за сражением на бастионах со смесью гнева и ужаса, опасаясь резни, но в тоже время горя желанием продвинуться вперед и столкнуть врага со стен.

Абидеми слишком хорошо понимал это чувство.

Его воинственная душа противилась тому, что он лишь стоял и смотрел, как гибнут братья-солдаты Империиума, но ему и его родичам надлежало тратить силы только тогда, когда это давало наибольший эффект.

Чувствуя его мрачное настроение, Зитос кивнул в сторону кровопролития на стене.

- Все плохо, - сказал он. - Да, все действительно плохо.

Абидеми хмыкнул.

- Разве в штурмах хоть раз бывало что-то хорошее?

- Ты знаешь, что я имею в виду, - сказал Зитос, сцепив пальцы на драконьей морде, венчающей длинное древко из прочного адамантия на его огромном громовом молоте. Смертоносное навершие оружия с выгравированными сценами ковки покоилось у его ног. - Человек, который всегда смотрит в небо, не видит дракона у своих ног.

- А тот, кто смотрит под ноги, не видит дактиля в небе, - закончил Абидеми.

- Ты с нами, брат? - спросил Барек. - Действительно здесь? С тех пор, как Вулкан вошел во Дворец, твой разум слишком часто блуждает в неведомых мне глубинах.

- Прости, родич, - произнес Абидеми, покачав головой. - Мы многим пожертвовали, чтобы доставить примарха на Терру... но я чувствую себя потерянным без его присутствия.

- Он здесь, - сказал Зитос. - Исполняет свой долг перед Императором - и это же должно сделать и нам.

- Верно, - согласился Абидеми. - Но эта война вытягивает из меня все соки... как из души, так и из тела.

Зитос постучал костяшками пальцев по рукояти своего молота и сказал:

- Отложим заботы о духе до окончания битвы.

- Ты ошибаешься, - Абидеми покачал головой. - Мы должны выиграть битву и за душу, и за тело, иначе потеряем и то, и другое.

- Что ж, в таком случае я верю в это, - хмыкнул его брат, взмахнув молотом. Он поднял огромный вес оружия с легкостью, с какой смертный мог бы взмахнуть тростью.

Барек Зитос всегда был невероятно прямолинейным - этого и следовало ожидать от человека, рожденного в городе Воинов-Королей. Драконы, вырезанные на ониксовой коже его черепа, изображали зверей, на которых тот охотился на Арридийской равнине, и слова брата служили для Абидеми столь необходимым ему якорем.

- А еще, хотя он и молод, я верю в него, - продолжил Зитос, кивая туда, где на башне ржаво-коричневого «Теневого Меча» стоял Иген Карго, осматривающий крепостные стены. Над ним вспыхивал и взрывался нескончаемый шквал лазеров и снарядов, что врезались в поле «Эгиды»: то были беспощадные удары с орбиты и навесной огонь далеких гаубичных батарей. Вихри металась по щитам, подобно неистовому северному ветру во Времена Испытаний.

Цвета напомнили Абидеми о проникновенном пламени кузнечного горна, готового поглотить металл. Говорят, что мастер-кузнец может заглянуть в горнило и точно определить момент, когда нужно положить железо в жар, когда повернуть, а когда вынуть, просто слушая песню пламени...

Да, именно Зитос вернул их на Терру, но из всех троих Иген Карго был мастером в чтении песен огня.

Брат внимательно следил за сражением, готовый выявить любую уязвимость или предсказать разгром. Свет взрывов отражался на полированном металле его аугметических рук, а пламя плясало на алых линзах боевого шлема.

Невозможно было угадать, в каком месте линия обороны дрогнет или будет прорвана, как бы пристально Абидеми не следил за ней взглядом. Дым молниеносных выстрелов пушек почти полностью скрывал сражение, а звуки сталкивающегося металла и оружийных залпов были одинаково сильными в каждой точке Стены. Саламандры видели лишь громадные фигуры в виде раздутых силуэтов и встающие на дыбы угловатые образы неестественных существ, которых враг втиснул в свои ряды.

Зитос поднял и надел шлем. Доспех с шипением выдавил сжатый воздух.

- Вот, - сказал Саламандр, поворачиваясь, чтобы взять с земли пару потрепанных прорывных щитов, и протянул один Абидеми. - Не из кузниц Прометея, но сойдет.

Аток кивнул, вложив Драукорос в ножны, и крепко сжал щит.

Желто-золотой металл был помятым и толстым, а эбеновый кулак в центре треснул и посеребрился от сотни, а то и более обрушившихся на него ранее ударов. Было неестественно носить боевое снаряжение, отмеченное геральдикой чужого Легиона, но сейчас были отчаянные времена, а щиты их ни разу не подводили.

- Скоро начнется, - сказал Зитос, оглядываясь на Гарго.

Абидеми защелкнул свой собственный шлем и запечатал замки горжета. Даже изолированный от атмосферы, воздух отдавал привкусом пепла и раскаленного железа. На визоре высветилась информация о цели, оценках повреждений и предупреждения об истощении энергии.

- Откуда ты знаешь? - спросил он.

- Я не могу читать огонь столь же хорошо, как Гарго, но я могу читать самого Гарго, - отозвался Зитос.

- Приготовиться! - выкрикнул Иген.

- Я же говорил, - сказал Зитос, когда вокруг них с ревом ожили машины, включались реакторы, а приводные механизмы ворчали, подобно магме из жерл вулканов в пустыне Погребальных Костров. Синие клубы дыма вырывались из выхлопных решеток, пока командиры разворачивали знамена погибших полков на антеннах.

- Посмотрите направо, - велел Гарго, указывая серебристой рукой на стену.

Абидеми оглядел сражающихся.

- Что он видит?

- Я не ...

За раскатом грома при отказе щита последовал колоссальный взрыв, потрясший плацдарм с силой орбитального удара. Гигантские каменные глыбы взметнулись ввысь, будто что-то взорвалось чуть ниже уровня стены, на которую указывал Иген. Абидеми не мог понять, чем это вызвано, но стометровая часть Непреклонной просто исчезла в ослепляющих языках пламени. Звонящее эхо детонации было оглушительным даже внутри шлема, и авточувства затухли, дабы защитить глаза от поразительной яркости взрыва.

Казалось, битва остановилась, чтобы перевести дух, пока смерть восхищалась делом своих рук.

Гарго спрыгнул с башни «Теневого Меча», когда завывающий рев прокатился по расплавленным остаткам стены. Он тоже поднял прорывной щит и побежал, чтобы присоединиться к своим братьям в центре линии.

- В разлом? - спросил Гарго.

- Еще бы, - согласился Зитос.

Он высоко поднял молот и повысил голос, чтобы перекричать шум.

- Непреклонные! За мной!

Вместе с Абидеми, Гарго и Зитосом во главе наступающего клина, в огонь и дым двинулись резервы «Родни Вулкана». Абидеми увидел размытые очертания осадной башни и чудовищных существ, хлынувших из ее врат, раздувшихся от напора: то были гиганты мигу в тяжелых доспехах из жаропрочных пластин и железных шлемах в форме демонов. Каждый из них был неуклюжим недочеловеком и нес роторную пушку с ленточным питанием и цилиндрическим блоком для боеприпасов, крепившемся на позвоночнике. Ревя от ненависти, они выпустили на волю всю ярость своего оружия.

Из раскаленных дул вырвались двухметровые языки пламени. Сотни солдат слегли, скошенные первым залпом крупнокалиберных снарядов. Наступление Непреклонных замедлилось, но они продвигался вперед - в бурю огня и стали.

- В пламя битвы! - возопил Гарго.

- На наковальню войны! - отозвались Абидеми и Зитос.

Абидеми почувствовал десятки ударов, которые молотили по его щиту; каждый, казалось, был нанесен с силой кузнеца-сервитора, размахивающего кувалдой. Он стиснул зубы, удерживая руку в блоке под углом девяносто градусов, и вставил болтер в стрелковую амбразуру щита.

Все больше стрелков мигу взбирались на стены, выпуская новые потоки огня по флангам защитников.

Штурмовые лестницы и абордажные крюки с поршневыми приводами вгрызлись в камень. Волна выродков хлынула следом, пытаясь захватить плацдарм на стене - она представляла собой немногим больше, чем вопящую толпу, размахивающую грубо штампованным холодным оружием и винтовками фабричного производства, но их было так много.

Очень много.

Приоритет. К выполнению...

- Уничтожить стрелков! - выкрикнул Абидеми.

Пластины щита прогибались под неустанно молотящими по ним ударами, а сила врезающихся тяжелых снарядов заставляла Абидеми чувствовать себя так, словно он продвигался в пасть пиршторма. Сын Вулкана прицелился и выстрелил - рык болтера утонул в общем грохоте оружейной стрельбы. Один из стрелков-нелюдей упал назад - его грудь была разорвана. Абидеми выстрелил еще раз, и другой враг пал на колени с оторванной половиной туловища. Третий мигу исчез в погребальном костре, когда масс-реактивный снаряд взорвался внутри его блока с боеприпасами.

Визор Абидеми поочередно высвечивал каждого мигу. Нажатие на курок - и враг мертв.

Только одиночные выстрелы. Боеприпасов слишком мало, чтобы тратить снаряды впустую...

Загорелась еще одна мишень, захваченная визором. Еще один выстрел - еще один труп.

А потом он оказался среди боевых порядков врага.

Абидеми прижал болтер к бедру и выхватил Драукорос из ножен.

- Нумеон! - взревел он, колотя врагов щитом и пожиная кровавую жатву с каждым безжалостным ударом меча.

Оружие было продолжением его руки, и с каждым выпадом он разрывал тяжелые пластины и бледную плоть. Визжащие зубы клинка вгрызались в бронированный мигу со всей жадностью дракона Ноктюрна, пожирая сталь, плоть и кости с каждым раздирающим ревом.

Противник не уступал ему в росте, и Абидеми не мог просто сломить его за счет своей массы. Он продолжал двигаться, не давая мигу ни времени, чтобы схватить себя, ни возможности удержать его на месте числом.

Астартес орудовал щитом как дубиной, расчищая пространство перед собой.

Вдохни и размахнись. Руби и режь...

Каждый мигу был сильным противником, но они были медлительны, и Абидеми сокрушал их лица твердым краем щита.

Рази мечом броню вверх и вниз, уворачивайся, парируй. Развернись и двигайся. Повтори. Повтори еще

раз и еще...

Бойня продолжалась на автомате, а повторение одних и тех же действий делали движения инстинктивными и бездумными.

Абидеми чувствовал присутствие своих братьев. По воксу их ворчание и ругань были несвязными, но он понимал каждое слово. Зитос размахивал молотом с отточенным ритмом, а Гарго кружил и делал выпады копьем, выкашивая и протыкая людей, словно трепыхающихся рыб.

Мужчины и женщины из «Родни Вулкана» сражались винтовками, пистолетами, штыками, железными прутьями и всем, что попадалось под руку. Бойцы сцепились так плотно, что почти невозможно было отличить друга от врага. Люди впивались когтями в своих противников, окровавленными пальцами срывали маски и большими пальцами выдавливали глаза.

Это была не та война, о которой летописцы говорили в первые дни Крестового Похода.

Когда война началась, она была полна славы и героизма, достойных песни, но ныне не имела ничего общего с этой исступленной дракой в грязи Тронного Мира, где нужно сначала постараться найти даже самый ржавый клинок, чтобы перерезать им горло, или кусок расплавленной каменной кладки, дабы проломить череп. Таково было истинное лицо этой бойни: отчаянная борьба за выживание и пробирающий до костей ужас, в котором выживали только безумцы.

Все остальное было лишь солдатскими байками.

Абидеми сбросил троих противников со стены: их тела с переломанными конечностями закружились над бастионом, пока не упали на руины в двухстах метрах внизу.

Он судорожно выдохнул.

Не забывай дышать! Поглощай кислород. Развернись и борись!..

Аток продвигался к самому гребню разлома, где мощный взрыв сокрушил бастион. Перед Непреклонной Стеной открылся весь ужас разрушенного ландшафта, а созерцание боевых порядков противника было шокирующим зрелищем, сравнимым с погружением в ледяную ванну после тяжелого марша через пустыню Погребальных Костров.

Абидеми слышал прогнозы по боевым построениям противника - невероятные цифры, едва ли принимаемые в расчет стратегами лорда Дорна.

Он видел как обширные тени, отбрасываемые десантными кораблями, закрывали небо над космопортом Львиные Врата. Он сражался в этой войне достаточно долго, чтобы понимать, сколько его собратьев Импералис отказались от клятв верности, но каждый раз, когда Аток переводил взгляд на бесконечную орду, что бросала вызов Трону, он ощущал, как это разбивает ему сердце.

Под слоем удушающего нефтехимического смога сила, атаковавшая Непреклонную, растекалась подобно волнуемому морю. На взгляд Абидеми, это было похоже на многочисленные стаи хищников, что загоняли в угол левиафана. Среди них передвигались крупные, возвращенные в боях существа: омерзительные и незаконные создания падших Механикум, которые шагали на ногах-ходулях и выпускали яростные шквалы ненависти на извращенном бинарике; существа, которые когда-то были живыми, а теперь стали бронированными гибридными монстрами, порожденными варп-ритуалами.

Далеко на юге воздух пульсировал вокруг колоссальных фигур титанов, которые вышагивали от Главного

Барбакана в сторону цитаделей, защищающих Врата Вечности, дабы обрушить на них свой удар. Не обращая внимания на борьбу не на жизнь, а на смерть, что шла у их ног, божественные машины изливали свою ярость из боевых горнов, установленных на их плечах.

Но даже этот рев не мог заглушить раскатистый гром детонации и артиллерийского огня.

Серия сейсмических взрывов сотрясла склон вниз, возвращая Абидеми в настоящее и обрушивая смертоносный дождь обломков. Еще больше смертных хлынуло в пролом. Они стреляли в воздух и улюлюкали, как обезумевшие звери. Среди них топали огромные танки «Богомол», оцетинившиеся шипами и тяжелой артиллерией. Сквозь рваные клубы дыма Абидеми показалось, что он видит стремительно шагающих левиафанов с красно-золотой геральдикой.

Слишком маленькие для титанов – даже для хищных «Гончих». Рыцари?..

Аток знал, что здесь, подсвеченный сзади пламенем и дымом, кружившими вокруг него, он был беззащитен, но ему было все равно. Он хотел, чтобы они увидели его, чтобы знали, что воины Императора не боятся их, что предатели дорого заплатят за каждый свой шаг вперед...

Это был враг, движимый ненавистью, которую Абидеми просто не мог постичь.

В низко стелющемся дыму расцвела пульсирующая струя возгораний, и следом из полосы тумана вышли багряно-золотые фигуры. Они шли, низко пригибаясь к земле и не обращая внимания на смертных, которых давили своими косопальными клешнями – три гигантские двуногие машины с громадными глефами и оружием, установленными под широкими наплечниками в кроваво-красном и золотистом цветах.

- «Морбидия», - прошипел Абидеми, узнавая эмблему в виде шипастого шлема на почерневшем от копоти знамени, развевающимся над череполикой кабиной ведущего Рыцаря.

В воксе раздался трескучий голос Гарго, прогремевший предупреждение...

- Ложись!

Абидеми поднял взгляд как раз вовремя, чтобы увидеть залп ракет «Железный шторм», которые мчались вниз.

Он закрыл глаза.

- Тот, кто смотрит под ноги, не видит дактиля в небе...

2 Выжившие

Поле крылатой Ники.

Именно так они называли это место - обширный сортировочный полигон, более древний, чем Бхаб - место, которое было здесь еще до Объединения, даже до появления Дворца. Аливия Сурека вспомнила, как наблюдала за первыми звездолетами, покидавшими Терру с территории, теперь занятой башнями библиотеки Клануум - тогда название сортировочного полигона казалось подходящим.

Это было имя, способное вдохновлять на величие, на мечты покинуть колыбель человечества и сами определять судьбу своего вида.

Теперь это казалось нелепой шуткой.

Тогда каждый день с Терры отсюда уходило по сто тысяч солдат. Сейчас почти в десятки раз больше людей заполнили открытую эспланаду, но они никуда не собирались: живой океан человеческих страданий. Оцепеневшие от страха и каждодневной жестокости, они ютились в импровизированных лагерях беженцев, в лачугах, зажатых между Непреклонной Стеной и ущельями-участками Гегемона. И это место было лишь одним из многих, втиснутых куда угодно, где можно разместить гражданских.

Высоко над величественными куполами, укрывавшими имперскую бюрократию, небо ужасно кровоточило пурпурными пятнами света, растекавшимися по щиту. Воздух содрогался под действием ударных импульсов от постоянного артиллерийского навесного огня, разрывающего его.

Некоторые из первых обитателей площади считали себя теми немногими привилегированными, кому был предоставлен доступ во внутренние пределы Дворца, но методичное уничтожение Внешнего Дворца неумолимо было неизбежно, что вынудило вельмож Терры впустить всякого.

Кто же отдал приказ открыть ворота?

Аливия сомневалась, что это был Дорн.

И, как она подозревала, это был не Вальдор: первый из Десяти тысяч противился бы самой мысли о том, что такое количество неизвестных душ находится так близко к Императору.

Значит, Сигиллит? Повелитель Человечества сосредоточил свой взор на более возвышенных целях и задачах, чем выживание населения Терры, но голос регента Терры имел власть Императора.

Так что да, скорее всего, это был Малкадор. И это только доказывало, что можно знать кого-то целую вечность, и все равно он тебя удивит.

Аливия разглядывала море лиц вокруг себя - измученные семьи, члены которых состарились от горя, покрылись тонким слоем пепла, который падал, как снег. Какими бы деньгами, положением или властью они ни обладали в те времена, когда Магистр войны еще не взял Терру в осаду - сейчас все были напуганы одинаково. Это были выжившие с Львиных врат, с руин Анжу или пролома Сумеречной Стены, с разрушенного до основания Магнификана. Они бежали из горящих лагерей на Гангском пути, от крушения Палатина или гибели Дхаулагири. Немытые, перепуганные, перепачканные грязью, они следили за битвой и молились, чтобы она закончилась, и большинство мало заботило, кто в итоге победит.

Звуки молитв, отчаяния и слез непрерывно повторялись.

Это был звук конца света: люди плачут, когда приближается их гибель.

Аливия старалась держать свою боль при себе, она наслышалась достаточно ужасных историй, которых с лихвой хватит на все ее жизни: смерть любимых, тяжело раненные супруги, сыновья и дочери, сражающиеся на стенах, и - что хуже всего - рассказы о родителях, которые в отчаянии рыскали по лагерям в поисках своих потерянных детей, выскользнувших из их крепкой хватки.

Аливия вспомнила чувство облегчения, охватившее ее по прибытии на Терру. Путешествие с Молеха было долгим и трудным, и когда она вдохнула черный воздух родного мира, ей показалось, что она сумела опередить войну, идущую за ними по пятам.

Фантазия, конечно. В конце концов, Хорус Луперкаль осадит Дворец своего отца - это было неизбежно,

но вид того, что сотворил Рогал Дорн, вселял в нее надежду, что этого будет достаточно, чтобы остановить архипредателя на его пути. Она верила, что они будут в безопасности в космопорте Львиные Врата – непостижимая громада Звездного Копья затмевала горы, в которых был высечен Дворец. Его необъятная громада была наводнена оружием, покрыта укреплениями от земли до космоса и управлялась позолоченным воинством самого лорда Дорна.

Неужели такая непобедимая крепость никогда не падет?

Но она пала. Враг вбил клин в ее сердце и отделил от самых верхних платформ, продолжая углубляться. Мосты, соединяющие порталы со Стеной Вечности, все еще горели, за плотными черными тучами пылали шпильки.

Она слышала рассказы о существах с красными шипами, охотящихся на этих мостах, о людях, утянутых невозможными тенями. Аливия видела, как мужчина и женщина бежали под защиту ворот моста, когда невидимые руки вырвались из-под земли и разорвали их на куски. Аэрозольный туман из крови очертил силуэты обезумевших когтистых чудовищ.

Смех преследовал их от Львиных ворот, порывы злобного гортанного веселья, которые не были достаточно громкими, чтобы преодолеть оглушительное крещендо битвы, но каким-то образом резонировали под сводами каждого смертного черепа.

Закрыв глаза, она все равно слышала этот смех, жужжащий, как разъяренное насекомое, попавшее в стакан. Прошло уже несколько дней с тех пор, как она спала, но глубокая усталость была лучше, чем альтернатива – сны, полные мрачных видений: кошмары о змеях, темная пещера глубоко под миром и портал в нечто бесконечное и ужасное.

Ужасы войны сломили многих солдат, даже тех, кто прошел через сражения целыми и сохранил руки и ноги. Душевные раны, полученные в ходе боя, мучения видеть, как товарищи по оружию умирают или страдают от ужасных ранений – всего было в достатке, чтобы расколоть даже самый сильный разум, неподвластный исцелению ни одному медикэ.

Аливия видела подобные раны на лицах всех, мимо кого проходила.

Претендент на трон Терры, независимо от того, кто это будет, унаследует народ, травмированный так же, как и любой из солдат, сражавшийся за него.

Аливия прошла мимо группы мужчин и женщин, стоящих на коленях, покрытых грязью и пылью. Они молились, склонив головы, вознося слова в ритме церковного гимна. Мужчина зачитывал написанное от руки на переплетенной бечевкой стопке бумаги – его лицо и шею покрывали мокнувшие волдыри от химических ожогов. Она проходила мимо него и вздрогнула, когда он посмотрел на нее – один его глаз был разрушен, на его месте в расплавленной каше из почерневшей ткани зияла пустая глазница. Сквозь щеку просвечивала белизна кости.

- Помолись с нами, сестра, – сказал он, коверкая слова из-за ран.

- Нет, – сказала она, отворачиваясь. – И не буду.

- Пожалуйста, Императору нужна вся наша любовь и преданность, чтобы разгромить этого врага.

Аливия фыркнула.

- Если ему нужна моя любовь, то у нас еще больше проблем, чем я думала.

Она двинулась дальше, пробираясь сквозь толпы оцепеневших от ужаса людей и направляясь к смотровой колонне в центре площади, когда мужчина окликнул ее.

- Есть только Император, он наш щит и защитник!

Аливия покачала головой. С тех пор как она ступила на Терру, она не чувствовала присутствия Императора. Ей пришлось признать, что это странно. Даже на Молехе был обрывок Его присутствия, призрак Его силы, отражающий этот Его проклятый свет, но здесь, в сердце Его владений... ничего.

Значит ли это что-нибудь? Наверное, нет, но все же...

- Аливия! - позвал Джеф. Она подняла глаза, чтобы увидеть его и девочек именно там, где их оставила - у основания колонны со всеми скудными пожитками. Ее снова поразило то, каким он стал худым. Работа в космопорте Ларсы поддерживала Джефа в хорошей физической форме, с мускулистым торсом. Но месяцы лишения на борту «Просвещения Молеха» взяли свое, а жидкие пищевые пасты, которые сейчас раздавали в палатках для кормления, были почти бесполезны с точки зрения питания.

- Что это было? - спросил он, оглядываясь через ее плечо.

- Ничего, - ответила она. - Просто еще одна группа чертовых богомольцев.

- Лектицио Дивинитатус?

- Не называй их так, - сказала она. - Это просто отчаявшиеся люди, ищущие ответы там, где их нет. Это просто слепая вера.

- Может и так, Лив, но все же это лучше, чем безнадежность.

Ей хотелось упрекнуть его за столь наивную веру, но она подозревала, что он прав. Кроме того, никого, казалось, больше не заботят подобные теистические убеждения, пока они не станут чересчур откровенными.

Аливия полагала, что среди всех этих страданий - где любой спасательный круг - независимо от того, каким бы несовершенным он не был, по ее мнению - помогает сделать выбор между желанием выжить или сдаться - вера должна быть. Просто она надеялась, что после того, как все это закончится, вера увянет на корню.

Аливия прильнула к Джефу с поцелуем и наклонилась к своим девочкам. Миска спала, свернувшись калачиком на тонком одеяле, и посасывала большой палец, как в детстве. Усталость и голод ожесточили ее некогда ангельские черты, а бритая голова только подчеркивала ее худобу. Продвигаясь вглубь Дворца, с каждым шагом Миска говорила все реже и реже. Аливия чувствовала, что слезы грозят хлынуть по щекам, глядя на то, как день за днем угасает ее озорница.

Она потерла глаза тыльной стороной ладоней, затем провела рукой по голове, покрытой обросшей щетиной. Она скучала по своим волосам, но зуд был невыносимым - эпидемия вшей захлестнула лагеря беженцев, так что она обрила волосы себе и своей семье. Джеф не слишком возражал, его макушка все равно поредела, но девочки громко протестовали, пока Аливия не показала им копошащиеся яйца вшей на голове друг у друга.

Вивьен оторвала взгляд от книги, с которой никогда не расставалась, и слабо улыбнулась.

Как и сестра, она тоже страдала, ее лицо горело от лихорадки, которая заставляла ее потеть холодными

ночами и замерзать в течение дня, как бы семья не пыталась согреть ее.

- Ты их достала? - спросила она.

- Прости, любовь моя, - сказала Аливия. - Я не смогла. Ничего нет.

Девочку била лихорадка с самого отступления от Львиных врат, и разреженный воздух гор, холод и недостаток пищи наложили на нее тяжелый отпечаток.

Аливия пыталась получить антибиотики у человека с дергающимся лицом, который продавал ворованные медикаменты - человека, который, как она подозревала, снял свою форму, чтобы затеряться среди гражданского населения. Он не хотел расставаться со своими таблетками взамен на то, что она предлагала, и никакие ментальные усилия не убедили его снизить цену.

Джон всегда был лучшим в умении проникать в чужой разум и подчинять его своей воле, но и Аливия не была лишена некоторых навыков в этой области. Однако с момента прибытия на Терру она обнаружила, что ее способность подчинить другую личность своему образу мыслей почти исчезла.

- Не волнуйся, со мной все будет в порядке, - сказала Вивьен, возвращаясь к книге. Изображение на обложке едва проглядывало под слоем пыли, что напомнило Аливии, каким ярким оно было в тот день, когда она проскользнула в собор Оденсе и стащила книгу. Истории в ней были волшебными сказками, но этот термин вводил в заблуждение. Каждая была притчей, трогающей до глубины души, историей, раскрывающей многочисленные и сложные хитросплетения человеческой природы во всей ее прекрасной и ужасной формах. И, как все истории, они обладали силой.

Силой, которую Аливия до конца не понимала, но которая не раз спасала жизнь ей и ее дочерям. Эти истории поддерживали жизнь Вивьен, когда она оказалась пленницей варп-культов на борту «Просвещения Молеха», и они же указали путь Аливии, когда та больше всего в нем нуждалась.

В этом отношении, так ли уж эта книга отличалась от Лектицио Дивинитатус?

- Что ты сейчас читаешь? - спросила она девочку.

- Про соловья.

Аливия прикусила губу. Отличная шутка.

Вивьен прокашлялась и сказала:

- Я бы хотела, чтобы и у нашего Императора был соловей.

- Может и есть, - сказала Аливия, заметив мужчину в черной форме строгого кроя и камчатном плаще, который пробирался к ней сквозь толпу беженцев. Она сразу же узнала его.

Он вытянулся перед ней по стойке смирно, словно кол проглотил, заложив руки за спину.

- Халид Хассан, - сказала она. - Я должна была догадаться, что вы вернетесь.

- Вы сомневались в этом? - спросил он таким же усталым голосом, как у нее.

Человек Малкадора явился вызвать ее к своему господину, как только она сошла с трапа «Просвещения Молеха», но ушел ни с чем. Отвергнув приглашение Сигиллита, Аливия еще тогда знала, что этот человек придет снова.

- У вас усталый вид, - сказала Аливия.

- Эта война - бремя для всех нас, - ответил он.

- Эй, - сказал Джеф. - Она же велела тебе убираться. Она не пойдет с тобой.

Хасан оставил без внимания его слова.

- Пришло время вернуться домой, госпожа Сурека.

Аливия посмотрела на своих девочек, уставших и голодных, худых и трясущихся.

Она медленно кивнула:

- Они идут со мной. Все они.

- Конечно. Сигиллит предлагает вам и вашей семье убежище на бастионе Бхаб.

Окей, - согласилась Аливия. - Пришло время соловью вернуться домой.

Пирокластовые облака огня простирались от горизонта до горизонта.

Во рту стоял привкус пепла и железа.

Боль была такой, будто острые обсидиановые лезвия срезали плоть с костей; будто магма из самого сердца Ноктюрна наполняла все его существо. Не это беспокоило его - он был сыном Вулкана - он был рожден, чтобы терпеть боль.

Абидеми был свидетелем конца света, порождаемого извержениями вулканов и яростью землетрясений. Ноктюрна разрывало на части в мучительных спазмах катастрофических извержений. Огонь заполнил поле зрения Абидеми, далекие океаны вскипели и превращались в пар, который обжигал легкие, обращая их в труху.

В этом последнем акте апокалипсиса даже возвышающаяся, казалось незыблемая, гора Смертопламя разваливалась, ее склоны трещали, словно нечто глубоко внутри бушевало и клокотало в безграничной ярости.

В одиночестве Абидеми смотрел на то, как разрушается его мир, как его некогда нерушимая твердь рассыпается в прах, как его расплавленное сердце взрывается, освобождая урдраконов, готовых уничтожить царство людей. Из зияющих трещин, которые становились шире с каждым вздохом земли, вверх выбрасывались потоки раскаленной лавы. Бурлящие облака перегретого газа катились по небу, вилки молний хлестали друг друга, достаточно мощные, чтобы уничтожить военные корабли.

Абидеми не испытывал страха, ибо Саламандрам чужды мифы о конце света, искуплении и загробной жизни - только вера в вечный круговорот огня, творящий жизнь даже из самых ужасных катастроф. Для племен Ноктюрна каждый достойный акт творения рождался из разрушения - от сотворения самих звезд до создания могучего клинка.

Базальтовые скалы Смертопламени, наконец, взорвались разрушительной лавиной из камней и магмы и развалились. Эта огненная смерть породила две колоссальные формы. Извилистые тени драконов двигались среди расплавленного камня, по-нечеловечески огромные и чудовищные. У Абидеми

перехватило дыхание, когда красные светящиеся сгустки лавы обрушились обжигающим дождем, превращая землю в жидкий огонь.

Два урдракона рычали, сражаясь - колоссальные звери за пределами человеческого восприятия масштабов - настолько огромные, что Абидеми не мог охватить взглядом всю их неземную природу.

Один из них был покрыт темно-зеленой и черной, как оникс, чешуей, с огненными когтями и глазами, похожими на горящие красные угли. Другой сиял тусклым цветом остывающей магмы, и Абидеми увидел, что один глаз был ничем иным, как пустой глазницей, похожей на кратер на поверхности луны.

Они рвали друг друга челюстями, способными раскалывать целые континенты, и соскребали бронированную плоть когтями, которые могли сокрушать горы. Их кровь была движущей силой планеты, и с каждым свирепым ударом сердце в центре мира замедляло биение и остывало, в то время как мир на поверхности горел.

Алый урдракон сомкнул челюсти на горле своего противника в зеленой чешуе, срывая бронированную шкуру и пуская обжигающую кровь. Раненый урдракон вонзил свои огненные когти в брюхо соперника, оставляя глубокие борозды в его плоти. Могучие змии из легенд бодались рогами, стегали хвостами, но Абидеми уже понимал, что зеленый змий проигрывает.

Его взгляд был прикован к далекому горизонту, ибо в состязании между такими существами даже малейшее мгновение невнимательности могло стать роковым. Алый урдракон повалил черно-зеленого на землю, и планета содрогнулась от силы удара.

Когда Алый дракон клацнул зубами и впился в соперника, Абидеми упал на колени и зарыдал.

Он был в отчаянии, видя, что зеленый дракон повержен, осознавая каждой клеткой своего существа, как это жизненно важно - не дать ему умереть - это его долг. Он потянулся к Драукоросу и обнажил клинок Артелла Нумеона. В этот момент рядом с ним появились две горящие фигуры. Одна несла золотое копье в виде скрещенных молний, другая - громовой молот. Абидеми узнал своих братьев.

Абидеми высоко поднял Драукорос, огонь битвы отражался на его черных зубьях.

- Отец! - воскликнул он. - Сыны Прометея с тобой!

Он бросился к сражающимся мировым змиям.

Его братья последовали за ним в огонь.

И затем яркие иглы света - ослепляющие и режущие глаза.

Видение конца света Ноктюрна померкло, и ужасающая реальность бедственного положения Терры снова нахлынула на Абидеми. Он почувствовал тяжесть своего трансчеловеческого тела в твердых тисках боевого доспеха. Разобрать то, что он видел, оказалось непросто: обе линзы шлема треснули, а шипящая статика накладывала на его зрение призрачные образы, которые он не мог разобрать.

Рот наполнился кровью. Кожа стала липкой от нее.

- Барек! - раздался хриплый голос, который, казалось, он должен знать. - Я нашел его. Он жив!

Абидеми сплюнул полный рот пыли и пепла и сморгнул, чтобы прояснить глаза. На фоне переменчивого

цветового узора он увидел силуэт Игена Гарго. Абидеми потребовалось мгновение, чтобы понять, что он смотрит вверх, из-под нескольких тонн разбитых обломков, давящих на него, и что сияние над его братом - это обратная сторона «Эгиды».

Давление, оказываемое на него, изменилось, когда Гарго раскапывал его из-под обломков. Силой своих аугметических рук он стаскивал разбитые куски рокрита и стали с его прижатого к стене тела, как будто отрывал фанеру.

- Вытащи меня отсюда, - сказал Абидеми, разминая плечи. Камень стонал вокруг него.

- Не двигайся, Аток, - предупредил Гарго. - Тот ракетный удар обрушил на тебя половину этого проклятого развала.

- Я... Я думал, что умер, - ответил он.

Рядом с Гарго появился Барек Зитос, его ониксовая кожа побледнела под слоем пепла.

- Понадобится обрушить больше половины Непреклонной, чтобы убить Атока Абидеми, - заявил он.

- Не больше, - пробурчал Гарго.

Абидеми высвободил руку, и оба брата продолжили откапывать его, пока обломков не осталось столько, что он смог выбраться сам. Зеленый цвет его доспехов стал серым от каменной пыли, металл и керамика погнулись и истрепались, но в основном не повредились.

Он поднялся на ноги и заморгал от бледного света. Густой туман, наполненный странно знакомым привкусом, окутал взорванный край Непреклонной. Он приглушал заунывные звуки, доносящиеся из вражеских лагерей за стеной, и песнопения заблудших и проклятых, от чего война казалась далекой.

- «Морбидия»? - спросил Абидеми. - Я видел Рыцарей...

- «Теневые Мечи» и «Родня Вулкана» их проводили, - сказал Гарго.

- Они и Рыцарь «Кастелян» из дома Кадмус, - добавил Зитос.

Абидеми кивнул, глубоко вдохнул и, наконец, узнал знакомый вкус окружающего тумана - слегка сернистый, источающий землистый аромат подземных пород и сырого металла, еще не тронутого огнем.

...как дыхание раненого дракона в зеленой чешуйчатой шкуре...

Абидеми почувствовал, как все сжалось внутри.

Жуткий страх того, что враг здесь, прямо за Непреклонной - не то, с чем они должны столкнуться.

- Братя, - сказал он, - Мы нужны Вулкану.

3 Слабые возмущения

Так не должно было быть...

Магнус расхаживал по своему павильону - военному шатру с высоким потолком и полом, устланном коврами внахлест в узорах из переплетающихся рядов спиралей и геометрических орнаментов. Мягкая

ткань павильона пульсировала в такт бешеному сердцебиению примарха, и с каждым шорохом ткани в шатер просачивались завитки низкостелящихся испарений и отдаленный грохот взрывов.

В дальнем углу павильона стояло покрытое трещинами зеркало в раме дугообразной формы из простого дерева. Восстановленное из осколков, оно, подобно алмазным кинжалам, отбрасывало неровные отражения трех воинов, которые собрались вокруг широкого мензального столика примарха.

Все они были Корвидами: Ариман, Менкаура, Амон. Алые доспехи сверкали, грязь и пепел этого мира еще не тронули их звездные мантии.

Верные воины все как один, и каждый предатель по-своему. Они чувствовали гнев, исходящий от Магнуса осязаемыми волнами.

Они боятся моего возмездия, что я обвиню их в неудаче при Колоссах.

Стены шатра были увешаны репродукциями манускриптов в латунных рамах, которые Магнус воссоздал по памяти после уничтожения библиотек Тизки: выдающиеся монологи Шекспира; последняя, с трудом поддающаяся расшифровке страница рукописи Войнич; и его любимые куплеты, взятые из произведений Кхут-Наха, Лабана и Элтдауна.

Каждый предмет в шатре вибрировал на грани точки разрушения.

- Колоссы должны были пасть, - заявил Ариман, опасаясь ярости своего генетического прародителя.

- **Да**, - вздохнул Магнус. - **Так и должно было быть.**

- Корвиды предвидели это, - добавил Амон, спеша на помощь своему брату. - Мы все видели, как стену охватило пламя, и огромные ворота обратились в расплавленный шлак. Сам Игнис объявил цифры благоприятными, а результат - несомненным фактом.

В отношениях между советником Магнуса и его главным библиотекарем пробежал холодок, поэтому поддержка Амона стала свидетельством тому, насколько непредвиденным был этот момент времени. Звезда Аримана воссияла, с тех пор как он вернулся с разбросанными осколками души Магнуса, о чем Амон мрачно нашептывал в пророческие писания, которые держал втайне от своих братьев.

- **Это не только твоя вина**, - сказал Магнус, с трудом сдерживая гнев. - **Я также шагал по эху грядущей гибели Колоссов. Я тоже наблюдал, как сумеречные воины Бледного Короля стекают внутрь. Я верил, что мы достигли того, что было необходимо. И, тем не менее, врата держались. Хан и Вальдор сражались с нами до последнего вздоха!**

Примарх ткнул красным пальцем в развернутый лист воцеленой бумаги, разложенный на круглом мензальном столике. Огромная территория Гималазии была воспроизведена с утонченной красотой и в насыщенных красках. В центре - нарисованный от руки план Императорского Дворца: обширное скопление колоссальных искусственных сооружений, которые сформировали целый урбанизированный континент, что раскинулся на могучих вершинах этой древней земли. На карте были начертаны витиеватые формулы неизмеримой сложности, разложенные магами легиона до глубочайшего смысла.

Магнус постучал по детальному изображению разбитых Врат Колоссов: опрокинутым башням и разрушенным стенам. Свежие чернила как будто мерцали на бумаге красно-золотым пламенем.

Несмотря на иллюстрацию разрушения и вопреки всем предсказаниям, Колоссы стояли.

Ни Пертурабо, ни Мортарион не ведали о замыслах Магнуса, но недавно вознесенный Принц Разложения чувствовал, что успех у Врат Колоссов имел для его брата гораздо большее значение, чем очевидная тактическая ценность.

Как же они держались?

У Магнуса не было вразумительного ответа на этот вопрос.

- Падение Колоссов должно возвестить о разломе в телэфирном щите Санктум Импералис, - сказал Магнус. **- Багряный Ангел свирепствует на его краю, Мортарион проклинаят, что не может переступить его порог. И пока щит остается нерушимым, порождения варпа не смогут продвигаться дальше.**

- А вы, милорд? - спросил Ариман. - А для вас порог тоже закрыт?

- Я - сверхъестественное существо из света, - сказал Магнус. **- Мое тонкое тело - это сплетение растерзанной плоти и расколотой души. Но оно еще не полностью стало воплощением мощи имматериума. Если бы Колоссы пали - да, я мог бы взять штурмом сердце Дворца, но пока они стоят...**

- Они должны были пасть, - сказал Амон.

- Это предвидели! - сказал Ариман.

- Предвидели, - согласился Менкаура.

Он единственный из трех воинов Корвидов, кто скрывал свое безглазое лицо под безликим серебряным шлемом устаревшей модели доспехов. Его аура говорила о скрытых замыслах, но Магнуса не интересовали какие бы ни было мелочные заговоры и измены, которые тот разрабатывал после падения Просперо.

Примарх взмахнул пальцем в сторону Дворца, и изображение Колоссов на карте восстановилось: их башни перестроились заново, а ворота из расплавленных осколков вновь превратились в укрепленный опорный пункт. Он вращал пальцем против часовой стрелки, постепенно продвигаясь внутрь дворца.

- Район Кхат Манду, Бастион Бхаб, Зал Ленг...

Здесь он задержался на мгновение, прежде чем двинуться дальше.

- ...Инвестиарий, Купол Просвещения, Гегемон, Библиотека Клануум.

Наконец, его палец остановился.

- Тронный зал, - закончил Магнус. **- Конечная цель Магистра Войны.**

Все слышали, как примарх особо подчеркнул титул Воителя.

- Но не наша, - сказал Ариман.

- Не наша, - подтвердил Магнус. **- Из всех призов, которые можно заполучить на Терре, самый важный для меня - это подземная аркология, где хранится последний осколок моей души.**

Красный свет завитками поднимался от бумаги, словно осколок стекла, лишенный единого целого, дробился на множество других. Это напомнило Магнусу свои ранние исследования Просперо,

величественную статую огромной птицы, забытую на узкой тропе, на отвесном склоне скалы, что возвышалась над давно мертвым городом.

Статуя сорвалась и разлетелась вдребезги на разноцветные осколки стекла - и так Магнус раскрыл тайну работы Изначального Творца и научился механике того, что позже станет Братствами Тысячи Сынов.

- Все разбитые вещи разрушают свою форму и назначение, - сказал Магнус. - Моя душа, Имперуум, даже эта война Хоруса Луперкаля. Так что поймите, мои сыновья: то, что мой отец держит в плену под своим Дворцом - не просто часть меня, это лучшее, что есть во мне.

- Больше мы тебя не подведем, - заявил Амон, ударив себя в грудь.

Магнус кивнул и сжал кулак, чувствуя, как начинают дрожать кончики пальцев.

Он отвернулся от своих сыновей и сказал:

- Амон, Менкаура, возвращайтесь к своим воинам и сотворите мандалы вокруг шатра. Ариман, Останься со мной. Мы погрузимся в Великий Океан, ты и я!

- Сир, разумно ли это? - спросил Ариман. - Течения Великого Океана беспокойны настолько, что это за пределами наших знаний. Гнев и ярость нерожденных у самой завесы между мирами. Прорвавшись, они не позаботятся о том, кого убивать - друга или врага.

- Мы должны, - сказал Магнус. - Жиллиман и Лев приближаются с каждым днем, а Дворец все еще стоит. Если путь внутрь и существует, то только я смогу его найти, что бы там ни думал Пертурабо. А теперь делай, как я велю.

Амон и Менкаура отсалютовали и покинули шатер. С их уходом Магнус выпустил дрожащий вздох, который не был вздохом, и почувствовал, как учащенно забилося сердце, которое сердцем не было.

Он вцепился в край мензурного столика - его пронзила острая боль.

- В чем дело, сир? - спросил Ариман.

Магнус остановил его:

- Мой отец вылепил это тело с помощью древних знаний, забытой алхимии и договора, содержание которого даже Сам не смог полностью постичь. Но я больше не уверен, кем стал после того, как Волчий Король расколол мою душу.

- Ты - Магнус Красный, Алый король, - сказал Ариман.

- Возможно когда-то... но без последней части своей души я нечто меньшее... и в то же время нечто большее.

Магнус отвернулся от столика и встал перед разбитым зеркалом.

- Десять миллионов осколков стекла и слез... - проговорил Магнус.

- Сир?

- Я разбил его на Просперо, когда в приступе ярости разгромил свои покои. Ты помнишь?

Сразу после того, как взмыл на крыльях варпа и полетел на Терру, чтобы предупредить отца о предательстве Магистра Войны.

- Я помню, - ответил Ариман. - Это стало началом конца для нас.

Магнус покачал головой.

- Нет, наш конец начался задолго до этого, - печально произнес он.

Он протянул руку и провел красным пальцем по трещинам на стекле.

- Я всегда насмеялся над Ангроном за утрату контроля над собой, за его звериную ярость. Я верил, что он слаб. Но когда я увидел, что натворил, то понял - я ничем не лучше своего брата. Я возомнил, что непогрешим, что знаю больше других.

- Тогда почему ты хранишь его, мой господин? - спросил Ариман.

- Мне нравится думать, что каждый осколок отражает грани моей внутренней сущности, - ответил Магнус. **- Некоторые я знаю слишком хорошо, а другие - словно отражения незнакомых лиц. Одни из них благородны, другие удивительны, третьи чудесны. Прости, но многие из них мрачны и ужасны.**

Он скользнул пальцем к центру зеркала, туда, где не доставало еще одного осколка в форме слезы.

- Но в основе образа всегда лежит вот это... пустота.

Магнус уставился в зеркало, откуда на него смотрело его разбитое отражение.

Он был высок, даже среди своих братьев-примархов, краснокожее тело увито мускулами.

Красная грива волос обрамляла его лицо, едва сдерживаемая обручем из золота и слоновой кости. Бронзовые доспехи с рогатым нагрудником переливались всеми оттенками прометия, как будто их только что выковали. Длинные птеруги из тончайшей вареной кожи свисали до колен, украшенные золотыми заклепками и эзотерическими письменами.

Единственный глаз мерцал бесконечным разнообразием цветов, не имеющих названия, и придавал коже цвет расплавленной меди. Магнус протянул руку, чтобы коснуться сморщенной кожи, покрывающей то место, где должен быть другой глаз.

- Одним лишь усилием мысли я могу изменить свою внешность, стать богоподобным или земным, прекрасным или чудовищным, но этого... этого я не изменю.

Он отнял руку от лица и раскрыл пальцы.

Дрожь становилась все сильнее.

Если Ариман и заметил это, то ничего не сказал.

- Присоединяйся ко мне, сын мой, - сказал Магнус, проходя в центр шатра и усаживаясь, скрестив ноги, на ковры в месте слияния их переплетающихся спиралей. Ариман сел напротив, и Магнус уже чувствовал, как сила его сыновей стекает к ним, когда те чертили круги мандалы.

- Ты прав, Азек, плыть сейчас по Великому Океану крайне опасно. Но у меня мало времени.

Он поднял глаза вверх, и сила хлынула в него.

- У всех нас мало времени.

Магнус оторвался от своей физической оболочки с легкостью, недоступной его сыновьям.

Его плоть уже перетекала из материального мира в имматериум. В отличие от Аримана, он не нуждался в Исчислениях, чтобы сорвать замок на цепях, которые приковывали дух ко плоти. Чувство освобождения опьяняло, словно кто-то тащил в гору невидимую ношу, а затем сбросил ее на вершине и взлетел.

Земля ушла из-под ног, и тонкое тело примарха свободно воспарило. За ним хвостатой кометой по спирали последовал Ариман. Освобожденный от плоти, Магнус был существом чистой энергии, созданием божественного происхождения вне пределов возможностей плоти. Ни голод, ни жажда не тревожили его, а границы пространства и времени не сковывали слишком жестко.

Для такого существа, как Магнус, время и пространство всегда были предметом изучения.

Так и будет...

Магнусу были хорошо знакомы нашептывания варпа, но даже он не мог сказать наверняка, было ли это искушением какого-то нерожденного или его собственными непомерными амбициями.

Он поднялся, несомый грохочущими восходящими потоками психической энергии.

Обычно путешествие через Великий Океан проходило в тишине и покое, но там, внизу, война изливала в эфир неистовые бури эмоций. Над всей поверхностью земного шара бушевали психические ураганы, усиленные безумием, гневом и ужасом, которые выпустила на свободу эта война. Убийственные потоки яростной психической энергии делали эфир вокруг Терры похожим на полет «Грозовой птицы» прямо в Око Ужаса.

Большинство смертных ничего об этом не знали, но каждая живая душа на Терре чувствовала, что происходит в темноте.

Постоянный страх и боль во время сражений были ужасны, но видения, приходящие к людям, когда они закрывали глаза, были гораздо хуже.

За психической завесой, защищающей внутренние пределы Дворца, Магнус увидел завихрения призрачных форм: нерожденные, подобно падальщикам, кружат, предвкушая бойню.

Рога и когти...

Слишком много глаз и чрезвычайно широких челюстей...

Неутолимая жажда...

Ариман плыл рядом с ним, его тонкое тело было чистым и совершенным.

- Мы пылаем слишком ярко, милорд, - сказал он, указывая туда, где к ним поднимался шлейф из монстров, порожденных варпом, подобно плазменным бурям, вырывающимся из звездной короны: одинокие хищники, стаи охотников и несметные силы чистой ярости.

- Я ни для кого не потушу свой блеск, ни для людей и уж тем более не для демонов, -

усмехнулся Магнус.

Одной только мыслью он вооружил себя посохом-хекой и хопешем с бронзовым клинком, объатым огнем. Ариман последовал примеру отца, и несколько мгновений спустя тоже облачился в доспехи и вооружился своим черным эбеновым посохом-хекой.

Воинственный рой поднялся к ним на кипящей волне безумного голода.

- **За мной**, - велел Магнус.

Отец и сын сражались вместе как один, пылая огнем и яростью. Светом хопеша Магнус разрезал нерожденных на части, рассеивая их сущности, подобно тому, как ураган разгоняет туман. Могущественнее самого ужасного из демонов, он крутанулся и нырнул между ними. Он чувствовал на себе их ледяные когти, сжигал их испепеляющей молнией из своего глаза и сверкающим огнем своего посоха.

Магнус выткал паутину разрушения среди нерожденных, его посох, клинок и сила не просто убивали, но делали их ничем. Они издавали жалобные крики, но Магнуса не заботил их конец, он не думал ни о чем, кроме собственного желания дотянуться до них и уничтожить.

Ариман не уступал в ярости своему примарху, оба хотели выпустить пар после неудачи при Колоссах.

В конце концов, они восторжествовали - блистательные воины, сверкающие на фоне рваных клочков болезненного света, который тускнел по мере распада. Далеко внизу сны и кошмары смертных заполнялись видениями о том, как огненные ангелы уничтожают демонов, и в зависимости от того, по какую сторону стены сражались люди, они либо воодушевлялись, либо погружались в отчаяние.

- **Как вверху, так и внизу**, - сказал Магнус.

- Прекрасное ощущение, - признал Ариман.

Сила бурлила между ними, мастер и ученик смотрели вниз на поверхность Терры.

Какой бы великолепной ни была карта Дворца в шатре Магнуса, она не могла сравниться с открывшейся перед ними панорамой. Только разрушенные бомбежкой мега-ульи Южной Мерики были близки по размеру к Дворцу, но даже они казались просто лачугами по сравнению с ним. Ни подземные аркологии Марианских островов, ни разросшиеся города-хищники древней Киевской Руси и близко не стоят рядом с ним по масштабам.

- Это великолепно, - сказал Ариман, его фигура все еще истекала потоками боевой ярости.

- **Не спорю**, - согласился Магнус. - **В прежние времена, до появления огромных ульев Европы, эти горы были самыми высокими пиками в мире и покрыты снегом. Люди, воображающие себя искателями приключений, стремились покорить их высокие вершины, а охотники за эзотерической мудростью - проникнуть в тайны, сокрытые во тьме гор.**

- Я помню, как Лемюэль Гамон рассказывал мне, что он приехал сюда в поисках лекарства от болезни для своей жены, - сказал Ариман.

- **Жаль, что он не нашел того, что искал. Но этот путь, в конце концов, привел его к нам, так что, возможно, это было не совсем пустой затеей.**

- Интересно, Бёдвар Бъярки убил его на Никее? - спросил Ариман.

- Скорее всего. Менкаура привязал осколок моей души к его плоти. Я полагаю, что такой фанатик, как Бъярки, сразил его, как малефикарум, как только мы ушли.

Ариман не ответил, но цветовая рябь, пробежавшая по его ауре, сказала Магнусу, что мысль о смерти летописца тревожит его сына, но он отбросил заботы о давно умерших смертных, осматривая землю внизу.

Горы Гималазии больше не были покрыты снегом, а одеты в черное и серое. Чтобы подготовить почву для строительства Дворца, их сердцевину выдолбили с помощью промышленной техники, а склоны покрыли посеребренной сталью. Эти горы по-прежнему были удивительны, но теперь это чудо выглядело грубым и суровым, но еще более - унылым из-за утраченной красоты, которой они когда-то обладали.

Дворец пересекал существующие с незапамятных времен границы между народами, заполнял целые долины, занимал скальные уступы, выровненные там, где когда-то стояли горы, и припал к поверхности Терры, как постоянно растущий паразит. В какой-то степени внешний контур Стены Вечности напоминал символ бесконечности - геометрия, в случайность которой Магнус не мог поверить. Намеренно или нет, но символизм этой совершенной формы был нещадно, камень за камнем, уничтожен атакующими.

Столько ненависти и разрушений... Что же останется, когда все будет сделано?

- Рогол Дорн сотворил с обороной чудеса, - сказал Ариман.

- Я и не ожидал меньшего от своего брата!

- Верно, но я надеялся на большее от Магистра Войны и Пертурабо, - сказал Ариман.

- В каком смысле? - спросил Магнус. Он уже знал ответ, но хотел убедиться, осознал ли Ариман реальность войны Хоруса Луперкаля.

- Похоже, вся наша стратегия построена на идее просто пробить себе дорогу с помощью грубой силы и боевых потерь, - продолжил Ариман. - Я не вижу ни хитрых уловок, ни обходных маневров, ни ловушек для тех, кто внутри, чтобы склонить их к предательству. Мы уже стольким пожертвовали, чтобы достичь поверхности Терры... сколько еще Магистр Войны готов заплатить?

- Ты ухватил самую суть, Азек. Истинный враг - не стены Дворца, и даже не мои братья и их воины внутри, - ответил Магнус. **- Нет, для всех нас враг - это время. Даже сейчас легионы, по-прежнему верные Императору, пересекают пустоту, чтобы вернуться к своему господину. Если они доберутся до Терры до того, как падет Император - все будет потеряно. Хорус знает об этом. И поэтому Дворец должен быть разрушен как можно скорее. И если цена этому - кровь братских легионов и их смертных последователей - так тому и быть.**

- Если следовать такой стратегии, то побежденные будут стерты с лица земли, а победители - в ненамного лучшем положении, - сказал Ариман. - Кто бы ни победил в этой войне, он будет в состоянии глубокого шока, его силы сведены к нулю.

- Эта война обескровила нас, Азек, сильно обескровила, - произнес Магнус, **- но мы остаемся**

сильными. Вместе с воинами, которых я отослал с Просперо до того, как псы Русса напали на нас, легион насчитывал чуть более девяти тысяч. Многие скажут - ничтожная цифра. Но каждый воин Пятнадцатого стоит десятерых других легионеров, а то и больше. В отличие от Хоруса, в такой момент я более осторожно расходую кровь своего легиона.

- Подожди, ты предлагаешь то, что я думаю?

- И что же, по-твоему, я предлагаю?

Глаза Аримана расширились, по мере того как до него доходил смысл невысказанных слов Магнуса.

- Что ты собираешься свергнуть того, кто претендует на трон Терры, чтобы забрать его себе...

**- А кто из моих братьев хоть отдаленно подходит для этой роли? - с вызовом спросил Магнус.
- Хорус настолько поглощен новообретенными силами, что уже не замечает, как они сжигают его изнутри. Возможно, когда-то у Пертурабо хватило бы воображения, чтобы продвинуться так далеко, но он это упустил. Ангрон или Мортарион - лишь повелители трупов и личинок, а что касается Конрада и Фулгрима, то они не в состоянии управлять собой, не говоря уже о галактике.**

Магнус видел, что его сын все еще поражен сказанным, но этого и следовало ожидать.

- Поэтому ты взял меня с собой? - спросил Ариман.

- Знаю, звучит невероятно, даже предательски, - сказал Магнус. - Но подумай вот над чем - мы все настолько ослеплены мыслью, что Хорус Луперкаль доведет эту войну до конца, что никакое другое решение или исход даже не рассматривали.

- Признаю, я об этом не думал.

- Вот почему это срывается, Азек. Никто не увидит грядущего удара.

- Никто другой не смог бы править Террой так, как ты, - сказал Ариман.

Магнус кивнул, довольный тем, что его лучший ученик увидел правду.

- Будет славно, - сказал Магнус. - А теперь давай вернемся в мир плоти и крови, нам еще многое нужно привести в движение.

Они устремились обратно к земле, проходя сквозь бурные потоки психической энергии, пока не стали видны отдельные вершины башен и крепостей, их позолоченные купола и укрепленные редуты, освещаемые мерцающим сиянием ударов о щиты.

Магнус был готов позволить своему духу соединиться с физической формой, когда его остановил голос Аримана.

- Сир!

Он проследил за пальцем Аримана, указывающим на секцию стены в юго-восточном углу Санктум Импералис - участок в месте пересечения Несокрушимой и Западного Полушария.

Сначала он не был уверен, что видел - извивающийся луч золотого света, слабого и почти незаметного, но все же резкого на фоне длины волны, излучаемой Дворцом. Он то вспыхивал, то угасал, подобно

изображению молнии, попавшему в пиктер.

- Что это? - спросил Ариман.

Магнус прищурился, пытаясь зафиксировать луч на месте, но тот крутился и танцевал перед его взглядом, отказываясь быть пойманным. Он потянулся чувствами сквозь эфир и отшатнулся, почувствовав невероятную силу, что стояла за светом, и осознал, что он видит.

- **Отец...** - выдохнул Магнус, не осмеливаясь поверить в происходящее. - **Ты восседаешь на своем троне, укрываешься за своими стражами и щитами. Я должен был быть слеп к твоему присутствию - как был слеп к твоей силе с тех пор, когда ты удалился в свое святилище - но теперь я вижу то, что искал... Я вижу тебя...**

- Милорд, это?..

- **Этот свет - свет мощи Императора, едва уловимый, как шепот, дыхание Его присутствия, просачивающееся из Дворца.**

Аура Аримана расцвела, когда он понял значимость увиденного.

- **Брешь, которую мы проделали в телэфирном щите,** - сказал Магнус. - **Наш путь внутрь.**

4 Интрига на интриге

Повелитель Железа, заключенный в своем грандиозном стратегиуме в виде трона-подъемника, был окружен мерцающим сиянием пикт-планшетов. Тусклый свет экранов освещал его угрюмые черты, череп был пронизан кабелями и усеян имплантатами. Глаза с нависающими веками, всегда в движении, впитывали огромное количество информации, обрабатывая и координируя ее с каждым морганием. Даже величайший адепт марсианского жречества не смог бы сравниться со скоростью мышления Пертурабо в вопросах войны.

На каждом экране мелькали жестокие картины, сменяя друг друга слишком быстро для неаугментированного глаза: тысячи сводок с десятков тысяч разных полей сражений на этом фронте войны и сотне других по всему миру. Только единицы на протяжении всей истории вида могли координировать сражения на многих столь сложных театрах военных действий.

Пальцы Пертурабо - пальцы музыканта, подумал Магнус - танцевали по невидимым тактильным пультам управления, и с каждым нажатием он посылал десятки приказов, изменял многочисленные пути наступления или корректировал подвижный заградительный огонь в сотне и более мест - и все в реальном времени.

Наблюдать за ним - все равно, что наблюдать за работой мастера.

Из всех братьев-ремесленников Пертурабо больше других был художником и творцом. Да, Вулкан овладел кузнечным мастерством, а Феррус Манус - искусством в области технологий. Но Пертурабо был создателем прекрасного, мечтателем о таких вещах, которых другие не могли вообразить.

Магнус вспомнил личное хранилище Пертурабо: стены его многочисленных комнат, увешанные чертежами грандиозных амфитеатров, дворцов, внушающих благоговейный трепет, и городов такого величия, что они могли соперничать с Тизкой.

То, что лишь очень небольшое из этого претворено в жизнь, было оскорблением для его гения.

То, что его мастерство теперь использовалось всего лишь для разрушения, было пустой тратой потенциала, который все еще не давал Магнусу покоя, даже теперь, когда он служил его цели.

Вслед за этой мыслью взгляд Магнуса переместился на Сокрушитель Наковален - могучий боевой молот, выкованный Фулгримом в Великой кузнице Терраватт на горе Народная и подаренный Феррусу Манусу, после смерти которого, был преподнесен Магистру Войны, а затем перешел к Пертурабо.

К большому огорчению Фениксийца Повелитель Железа в значительной степени модифицировал молот.

Массивные боевые роботы - Железный Круг Пертурабо - со скрежетом повернулись лицевой стороной к Магнусу, когда тот приблизился. Их отполированные металлические корпуса были почерневшими от сажи и испещрены недавними ударами снарядов и ожогами от лазеров после отчаянного налета имперских «Громов», каким-то образом сумевших пробиться сквозь оборону Железной Цитадели. Истребители бросились в безнадежную атаку, и, хотя все до одного были уничтожены с воздуха, двое сумели обстрелять позицию Пертурабо, прежде чем обрушить свои горящие обломки на его наблюдательный пункт.

Верхняя смотровая площадка исчезла, срезанная крылом кувыркающегося судна, и теперь предпоследний уровень оказался под открытым небом. Нефтехимические пожары окутали небо вуалью, и по мерцающим остаткам щитов "Эгиды" кровавыми подтеками растеклись световые вспышки и расцвели ударные импульсы. Вращающиеся огненные струи плясали, подобно ифритам, на останках Имперского Флотского Колледжа и резвились на развалинах Трибунала Аурум. Радиальные проспекты, когда-то принимавшие во всем своем позолоченном великолепии грандиозные триумфальные процессии, сейчас стали реками сверкающего золота, и их расплавленные руины словно отражали первые дни зарождающегося мира.

Несметные клубы дыма придавали воздуху, наполненному пылью, кислый привкус, а непрерывный треск разрывов притягивал взгляд ярким фосфорисцирующим свечением.

Не дав Магнусу заговорить, Пертурабо заявил:

- Я занят, брат.

Резкость не была чем-то новым для Железного Владыки, и Магнус не обиделся. После неудач при Сатурнине и Колоссах давление на Пертурабо со стороны Магистра Войны было огромным и только возрастало.

- Я в этом не сомневаюсь, но прошу, удели мне немного своего времени.

- Я бы отказал любому другому из наших братьев, - сказал Пертурабо, спускаясь со своего трона, - но не тебе.

Магнус развернулся к раскинувшейся перед ними панораме разрушения.

- Паря на эфирных волнах Великого Океана, можно посмотреть на осаду как на нечто абстрактное. Это словно рельефный макет на выставке, предназначенный для того, что передать будущим историкам масштаб давно минувших событий. Неисчислимые миллионы сражаются на Terre, упорно продвигаясь вперед по грязи, пыли и костям, чтобы загрызть друг друга до смерти. По отдельности их смерть не имеет значения.

Даже сложенные вместе эти смерти бессмысленны, как бессмысленна каждая капля воды в горной реке. И все же река точит камень.

- Вот как ты расходуешь мое время? На метафоры? Научись обуздывать свою страсть к излишней болтовне, брат. На кону пятнадцать крупных атак одновременно.

Пятнадцать, это благоприятно.

- Я только хотел сказать, что война выглядит по-разному на каждом уровне. Этому меня научил Сатурнин.

- Ты хотел сказать - этому нас научил Дорн, - огрызнулся Пертурабо.

Магнус не нуждался в сверхъестественных способностях, чтобы увидеть, как глубоко ранил Повелителя Железа провал Сатурнина. Эта битва стала апогеем долгой войны за превосходство между Пертурабо и Рогалом. И Дорн - единственный из двух воинов лишенный воображения - каким-то образом сумел всех перехитрить.

- Мы все его недооценили, - уточнил Магнус. - Мы забыли, что его талант просыпается в ответ на твою гениальность.

- Хватит лить бальзам на мое самолюбие, Магнус. Рогал вовремя обнаружил слабость в своей обороне и заманил нас в ловушку, зная, что я, должно быть, тоже заметил ее. Это было потрясающе дерзко. Если бы я не видел этого собственными глазами, то никогда не подумал, что мой брат способен на столь поразительно рискованную уловку. И отпустить Стену Вечности...

- Ты веришь, что он добровольно пожертвовал космопортом и всеми его обитателями?

- Конечно, - сказал Пертурабо, глядя на Магнуса как на глупца, не понимающего дерзости маневра их брата. - Это был единственный способ убедить меня, что он не видит слабого места в Сатурнине. Если бы я не ненавидел его так сильно, то поздравил бы со столь безжалостной расстановкой приоритетов.

- Если даже бесстрастный Дорн может удивить нас, - произнес Магнус, - то это действительно конец времен.

Пертурабо пожал плечами, и пластины его брони заскрежетали по кабелям черепа.

- Так уж вышло, что нас перехитрили. Но все, что выиграл наш брат - лишь короткую передышку. Я пробьюсь во Дворец - это неизбежно. Вопрос только в том, сколько времени это займет.

- Важный вопрос, учитывая, что местонахождение Робаута и Льва неизвестно, - заметил Магнус.

- Я прекрасно знаю, что часы тикают. Так что, если у тебя нет какой-то новой информации или возможности замедлить время, позвольте мне вернуться к работе.

Магнус жестом указал в сторону трона Пертурабо и спросил:

- Твои новые атаки будут направлены против Западного Полушария?

- Да, - сказал Пертурабо. - Сковывающие удары. Я брошу против него войска, и Дорн вынужден будет защищать его. И пока лоялисты сражаются у Западного Полушария и на многих других фронтах, я нанесу настоящие удары в другом месте. И не спрашивай меня куда, я не скажу.

- Ты мне не доверяешь?

Глаза Повелителя Железа сузились, словно он пытался решить, серьезен ли вопрос.

- У тебя всегда свои планы, Магнус, - сказал он. - Ты привел свой легион на Терру с целью, не совпадающей с целью Магистра Войны. Не буду притворяться, будто понимаю, какую тайную игру ты ведешь, но я знаю одно - ты удерживал своих воинов от всех крупных сражений, и исследовал стены, как животное в клетке, которое проверяет пределы своего заключения.

- Ты прав, - признал Магнус, обходя трон и его мерцающие пикт-планшеты. - Но в данный момент твои цели, мои и Хоруса полностью совпадают.

- Так чего же ты хочешь от меня? Скажи хоть раз прямо.

- А что, если вам удастся убедить Дорна или его советников, что нападение на Западное Полушарие - нечто большее и, скажем, расположить Тысячу Сынов в боевом порядке аналогичном тому, как Фениксиец и Третий легион выстроились у Сатурнианской Стены?

Пертурабо снова взобрался на свой трон, и планшеты возобновили свой сверхскоростной круговорот боевых фронтов.

- А какой в этом смысл? Моя цель - убедить защитников, что любая атака может быть железным кулаком. Чрезмерное внимание только к одной эту цель разрушает.

- Наши противники отвлекут дополнительные силы на оборону Западного Полушария, только если поверят, что это главное направление удара. Если Дорн будет вынужден посылать подкрепления по всем направлениям - он будет ослаблен везде.

Пертурабо покачал головой.

- Ты сам не знаешь, о чем просишь. Наши силы готовы к бою - они развернуты, снабжены боеприпасами и уже продвигаются. Ты больше других должен понимать, что даже незначительный дисбаланс на одном фронте окажет соответственно существенное воздействие на другом. Но если ты хочешь направить свои силы на штурм Западного Полушария, я это позволю. Представь данные по своему боевому составу, и я учту его в своих расчетах, но не стану потакать твоим эмоциям или необходимости загладить вину.

- Ты думаешь, я спрашиваю по этой причине?

- А разве нет?

Магнус усмехнулся.

- Может отчасти.

Два дня спустя после прибытия в лагерь беженцев, Хасан привел Аливию в старинную, освещенную свечами галерею в барабанной башне на верхних границах Гегемона, где грохот войны и рокот непрерывных боев звучали приглушенно.

Уединенное место, оно напоминало часовню, заполненную воспоминаниями и древними молитвами. Аливия почувствовала холод, как будто здесь произошло нечто ужасное - и эхо происшедшего, чтобы никогда не стать забытым, просочилось в шероховатые стены с резными барельефами. Длинный стол,

вырезанный из цельного массива темного дерева и неровно покрытый лаком, тянулся вдоль всей галереи.

- Прошу, садитесь, - предложил Хасан и отодвинул для Аливии стул.

Она села и положила руки на стол. Дерево было гладким, и скользящая поверхность действовала успокаивающе. Хасан вышел через ту же дверь, через которую они вошли, и, если только это не было игрой воображения, она увидела жалость в его глазах.

Вокруг стола стояло двенадцать стульев, но занята была только половина.

Трое смертных, трое транслюдей.

Во главе стола расположился Малкадор. Он выглядел таким же хрупким, как и любой почтенный старец: со впалыми щеками, готовый испустить последний вздох на смертном одре. Его служебное одеяние свободно болталось на костлявом скелете, а пальцы, удерживающие посох с орлом на навершии, напомнили Аливии древние изображения жнеца смерти, сжимающего косу в бесплотной хватке.

- Здравствуй, Аливия, - произнес он, и сила его голоса обнажила обманчивость его внешнего вида. В этом был весь Малкадор - обман, окутанный ложью и покрытый фальшью. - Надеюсь, теперь ваша семья хорошо устроена?

Она кивнула, но ничего не ответила. Вместо этого она изучала остальных за столом.

Трое астартес явно принадлежали VI Легиону - преданные убийцы в инеисто-серых доспехах, с обветренной кожей и заплетенными бородами. Они смотрели на нее подобно своре, которая безмолвно рассуждает, как лучше всего разорвать ее на части.

Из всех преданных Императору космодесантников, с которыми встречалась Аливия, Космические Волки нравились ей меньше всего.

Два спутника Малкадора были ей незнакомы.

Одним из них была женщина в бронзовой броне... или, по крайней мере, Аливия так полагала. Трудно было быть уверенной. Закованные в броню руки женщины беспокойно постукивали по столу - что это - фокус освещения или игра теней вокруг лица, скрытого под маской? Аливия не могла сфокусировать взгляд на ее чертах, словно глаза отказывались задерживаться и продолжали скользить мимо.

Одна из Сестер Безмолвия...

Аливия выразила жестами вопрос, ее пальцы медленно двигались, пока она пыталась вспомнить безмолвную речь.

Женщина, казалось, была поражена тем, что к ней обратились, но быстро оправилась от удивления и исполнила жестом ответ.

Сестра-Вигилатор Чаллис Ведия.

Напротив Ведии сидел ничем непримечательный человек, одетый в традиционную развевающуюся одежду жителей Африки. Его темная кожа имела пепельный оттенок, а глаза говорили о страдании и чувстве вины, все еще клокочащих внутри: опасные эмоции, которые могут легко перерасти в жажду мести. Вместо левой руки был протез - высококачественная аугментика с глянцевым черным блеском.

- А ты? Ты кто такой? - спросила Аливия.

Глаза мужчины метнулись к Малкадору, который мягко кивнул в знак согласия.

- Меня зовут Промей.

Глаза Аливии сузились.

- Но ведь не это имя дано тебе матерью, не так ли? Давай не будем начинать со лжи, ладно?

- Мое настоящее имя – Лемюэль Гамон, - ответил он, встретившись с ней взглядом. – А то я взял в честь павшего воина Императора.

Аливия увидела, как космодесантники ощетинились при этом замечании.

- Почему они здесь? - спросила она. - Вокс-передатчики сообщают нам, что воины Фенриса на всех парах мчатся к Терре. Они уже здесь?

- Это дозорная стая Бёдвара Бьярки, - пояснил Промей.

- Я могу говорить за себя, вюрд-призрак! - рявкнул воин, который, очевидно, был вожаком стаи – гигант с татуированным лицом и в доспехах, увешанным амулетами. Аливия могла разглядеть, как сквозь его бороду отблески свечей играют на острие клыков.

У этого есть сила.

- Я Бёдвар Бьярки из Своры, рунный жрец Тра, - представился бородатый воин.

Затем он хлопнул мясистой ладонью по плечу воина справа от себя - поджарого зверюгу, чья голова представляла собой кошмар, покрытый бронзой и шрамами. Один глаз, светящийся голубым, был аугментирован, другой – молочно-белого цвета - был смещен относительно центра лица, словно он расплавился и поплыл.

- Это Свафнир Раквульф, творец скорби Тра, - объявил Бьярки.

- Величайший гарпунщик Варангаи, - невнятно сказал Свафнир влажным голосом, - и убийца предателей.

Аливии не понравилось, как он особо подчеркнул слово «предатели» и как крепко сжал длинное копьё. Древко копья наполовину было усеяно костяными шипами, и, женщина не сомневалась, что несмотря на поврежденный глаз воин был таким же метким, как и прежде. Черная рукоять копья, казалось, поглощала свет, и Аливия инстинктивно чувствовала к нему неприязнь.

Значит, нуль-оружие...

- А это, - весело гаркнул Бьярки, - Ольгир Виддоусин из Балта – наш щитоносец, ну и нянька, когда мы занедадим.

- Эх, - сказал Виддоусин, громадный воин задиристого вида, облаченный в броню, которая казалась слишком маленькой для его трансчеловеческого тела. - Один раз срастил сломанную кость и вдруг стал Апотекарием.

Аливия оставила без внимания их шутки, зная, что это только игра, способ усыпить ее бдительность, недооценить их. Она уже встречалась с Волками и никогда больше не совершит подобной ошибки.

- Он назвал вас дозорной стаей, - сказала Аливия. - Так что же вы отслеживаете?

- Малефикарум, - выплюнул Бьярки. - Предательство на самом высоком уровне. Наши стаи были преданными телохранителями сыновей Всеотца. Но если их вюрд - стать клятвопреступниками, то мы должны были стать их палачами.

Аливия рассмеялась.

- В самом деле? Представляю, как были рады примархи.

- Представь, как мало это волнует Свору.

- Не знаю, но может вы заметили битву снаружи - не похоже, что ваши стаи очень хорошо делали свою работу.

Обнажились клыки, и Аливия почувствовала, как воздух в комнате наполнился горячим животным зловонием. Ведия и Промей отпрянули, но женщину, смотревшую в беспощадные глаза примарха Хоруса, не отпугнул мускусный запах хищника.

- А ты? - Бьярки наклонился вперед и оперся локтями на стол, адресуя вопрос не только ей, но и Малкадору. - Кто ты такая?

- Я? Я - Аливия Сурека. Я никто и понятия не имею, зачем я здесь.

Бьярки снова рассмеялся и предостерегающе погрозил пальцем.

- Фернис хьольда! Женщина, чей вюрд соткан из такого количества нитей, что хватит на снасти для огромных парусов драккара Всеотца, говорит, что она никто! И кто же теперь лжет? Твоя нить так длинна, что тянется в прошлое, во тьму, как якорь в глубочайшую океанскую пропасть. Но знайте, госпожа Сурека, я боюсь, что она близится к своему концу.

- Если бы ты только знал, сколько раз я хотела, чтобы это было правдой, - сказала она, вернувшись мыслями к Малкадору. Старик был тенью себя прежнего, но Аливия знала, что лучше не принимать за чистую монету все, что он преподносил миру. Сигиллит являл собой воплощение слов первого воителя.

Когда вы сильны, кажитесь слабыми.

Но как только эта мысль пришла в голову, что-то подсказало Аливии, что, возможно здесь, в конце, это и есть настоящее лицо Малкадора. Несмотря на все его обаяние, обманы и хитрости, он предстал тем, кем был на самом деле: стариком, которому больше нечего дать.

- Что скажешь, Сигиллит? - спросил Бьярки. - Мы доставили тебе Промея и его знания о стремлениях Алого Короля. Время дозорных стай истекло. Освободи нас от клятв и позволь присоединиться к нашим братьям на стенах.

- Еще нет, - ответил Малкадор.

Бьярки обвиняюще ткнул пальцем куда-то в сторону Ведии.

- Тогда скажи, почему мы встречаемся в этом месте тайн с тем, кто ослепляет меня от вюрда?

Малкадор кивнул и сказал:

- У меня есть последнее задание, которое я потребую от тебя.

Аливия постучала костяшками пальцев по столу и покачала головой:

- А вот и оно. Всегда есть еще одна задача. Это никогда не закончится, пока ты не повернешься к нему спиной и не уйдешь.

- И все же ты здесь, Аливия, - сказал Малкадор. - Каждый шаг, который уносил тебя от Терры, в итоге привел сюда. Это то место, где тебе суждено быть. Ты знаешь - Он нуждается в тебе. Но я нуждаюсь в тебе больше.

- Почему?

- Потому что ты нужна мне, чтобы спасти Императора.

Аливия хотела рассмеяться, но увидела, что Малкадор совершенно серьезен.

- Знаю, много времени прошло с тех пор, как я высадились на Терру, так что, возможно, кое-что изменилось, но... разве это не работа Кустодиев? - спросила Аливия.

- Они никогда не согласятся на то, о чем я собираюсь тебя просить, - продолжил Малкадор. - Вот почему здесь присутствует госпожа Ведия. Константин и его Кустодии не могут знать о задуманном, иначе казнят нас всех, даже меня.

Пальцы Сестры Безмолвия неуловимо двигались в отчаянии:

Тайны и ложь - вот что привело нас к этому моменту.

У Малкадора, по крайней мере, хватило приличия выглядеть пристыженным.

- Мы все должны нести свое бремя, Сестра, но знай, что Его бремя - самое тяжкое, - ответил Малкадор. - И слова, которые я произнесу, исходят непосредственно от Него.

- Нас так мало, чтобы спасти Всеотца? - спросил Бьярки.

Малкадор выводил на поверхности стола восьмерку, постепенно сужая ее, и продолжал:

- Вы все видели, что творится за стенами и знаете, с каким воинством мы столкнулись. В глубине души вы все признаете непреложную истину - мы не можем победить в этой битве. У Хоруса практически бесконечные запасы войск и боевых машин, которые он готов бросить на нас, в то время как наши ресурсы истощаются каждый день. Цифры не лгут - мы не сможем удержать оборону теми силами, которые у нас остались. На нее уйдут недели или даже месяцы, но в итоге Терра падет.

Столь откровенное заявление о поражении потрясло всех, даже Астартес.

- Жиллиман и Лев придут со дня на день, - выдавил Промей. - Нам об этом твердят вокс-вещатели. Это что... ложь? Мы одни ...?

- Мы полагаем, что они сражаются, чтобы добраться до нас, но они не успеют вовремя, чтобы нас спасти. При текущем раскладе любое подкрепление достигнет Терры только для того, чтобы найти Хоруса, повелителя нашего праха и костей.

Малкадор замолчал и с трудом перевел дыхание.

- Но судьба сочла нужным дать нам один шанс, самый ничтожный, но все же шанс.

- Шанс на что? - спросила Аливия, опасаясь ответа.
- Лишить врага одного из своих самых мощных видов оружия.
- И как мы это сделаем? - спросила женщина.
- Возвращением, - произнес Малкадор. - И прощением.

Прежде чем Аливия успела спросить еще что-нибудь, Промей вскрикнул от боли, наклонился над столом и схватился за грудь, как если бы у него случился сердечный приступ. И без того бледное лицо приобрело пепельный оттенок, глаза расширились от страха.

- Он здесь. Я чувствую его...
- Кто здесь? - спросила Аливия.
- Он! - воскликнул Промей. - О Трон, я все еще чувствую внутри себя шрамы его ярости!

Кровь наполнила левый глаз Промея, и красные слезы потекли по щеке.

- Кто? - требовала Аливия.
- Алый король! - вскрикнул Промей. - Он здесь!

КНИГА ВТОРАЯ:ЗАПАДНОЕ ПОЛУШАРИЕ

5 Возможности умножаются

Штурм Западного Полушария начался с артиллерийского обстрела.

В предыдущие времена историки отметили бы это событие как нечто эпохальное: крупнейшее развертывание тяжелых осадных орудий в истории; максимальная взрывная сила, когда-либо задействованная в одном сражении; самый массированный огонь из всех виденных.

На самом деле это была одна из самых скромных артиллерийских дуэлей в течение дня.

Орудия сверхкрупного калибра, установленные на неподвижных рельсах и управляемые бормочущими гигантами с линзами вместо глаз, выплевывали бронебойные боеголовки из дымовой завесы. Подвижные гаубичные батареи двигались по зигзагообразным траншеям размером с глубоководные каньоны. Сотни мульти-пусковых установок каждую секунду выпускали в небо тысячи ракет.

Крупнокалиберные бомбарды наступали следом за волочащимися чудищами, оснащенными наклонной броней, выбрасывая титанические сферы, наполненные легко воспламеняющейся топливно-воздушной взрывчатой смесью. Ракеты «Фосфекс» и снаряды «Наптек» расплавили землю до состояния стекла и подожгли имперские укрепления. Орудийные залпы хлестали по крепостным стенам и наружным брустверам смертоносными потоками высокоскоростных снарядов и лазерных лучей.

Воздух был наполнен дымом и испарениями, гром пуска снарядов почти невозможно было отличить от грохота их разрывов. Крики умирающих оставались неслышанными, когда земля содрогалась от

усиленного обстрела.

Контрбатарейный огонь защитников был не менее яростным.

Орудия дальнего радиуса действия и артиллеристы, вымуштрованные до высочайшего мастерства, позволяли ответным огнем наносить тяжелые потери предателям за каждый метр продвижения. Минные заградители усеяли землю мелта-зарядами перед наступающими мантелетами, а навесной огонь с убийственной точностью превратил окопы в склепы из горящего топлива и опаленной плоти.

Вторичные детонации разворотили траншеи и оголили их для анфиладного огня. Во всю ширину окопы были завалены искалеченными телами, стены из растерзанной плоти буквально выступали в виде живых щитов, чтобы прикрыть марширующие позади отряды.

Мастерски расположенные Рогалом Дорном редуты, равелины и горнверки не давали атакующим возможности продвигаться под прикрытием. Беспощадный настильный огонь [5] прореживал ряды предателей, сосредоточенных за возвышающимися заграждениями, которые защищали артиллерию. Линии фронта содрогнулись от потерь, и наступление замедлилось, а затем, когда ревущие боевые горны и мастера кнутов погнали толпу к стенам, продвинулось вперед.

Снаряды воздушного подрыва выкашивали солдат в масках, несущих нечестивые знамена, потрошили их ряды раскаленной добела сталью. Целые полки были уничтожены в мгновение ока. Следом по разбитым костям и разорванной на куски плоти своих собратьев маршировали войска, не обращая внимания на массовую резню.

Когорты завывающих Рыцарей шагали через войско, продвигались скачками между руинами и с каждым шагом выпускали потоки огня. Позади них, окутанные дымом «Налетчики» Легио Магна и одинокий «Полководец» Легио Темпестус, крались, подобно высшим хищникам, выжидающим, когда противник раскроет свои уязвимые места, чтобы нанести удар.

Обезумевшие от боли нелюди атаковали ближайшие редуты, карабкаясь через заминированные рвы и вверх по почти отвесным стенам. Это были звероподобные существа с клейменным мехом и витыми рогами, покрытыми медью. Губительный обстрел обрушился на них со всех сторон, и лишь горстка уцелела, чтобы добраться до крепостных стен, но порой этого хватало, чтобы прорваться сквозь защитников.

Каждый редут был оставлен защитниками или взят штурмом, но открытый тыл не давал врагу никакой поддержки - под прикрытием укрытых блиндажей и огневых мешков стрелки накрывали зверье огнем, а когда противник был мертв, свежие имперские отряды выдвигались, чтобы занять свои позиции на скользких от крови стенах.

Отряды предательских броневиков пытались пробиться через дымящиеся руины, но быстро увязли в грязи. Экипажи сражались, чтобы высвободить свои машины, в то время как спонсоны и визжащие турели выплеснули истребляющий огонь, в бой было пущено еще больше артиллерии. Пространство между двумя противоборствующими силами понемногу сокращалось до мертвой зоны, где невозможно было поднять голову, не опасаясь ее потерять.

Бойня была бесчеловечной. Каждую секунду тысячи жизней тратились без раздумий о кровавой цене, которую за это платили. Осада хорошо укрепленной позиции была наиболее жестоким и бездушным из всех воплощений войны, и самым крайним ее проявлением. Кровавая арифметика боя проста: любое преимущество, которое мог получить защитник, использовалось, чтобы не дать противнику

приблизиться, задержать его и разбить.

Но этого будет недостаточно, этого никогда не будет достаточно.

Рогал Дорн строил первоначальные расчеты с учетом прогнозов численности противника, которые были, к сожалению, консервативны и предполагали переломные моменты мужества. Но каждая переменная в этих уравнениях была сведена на нет ревностной яростью, которую не мог предвидеть ни один имперский планировщик, и степенью безумия вне всякого понимания.

Именно ярость и безумие загоняли нападавших в пасть имперских орудий, не позволяя им раздумывать о выживании.

Это доказывало, что они боятся своих хозяев больше, чем врагов. Но даже если бы Преторианец Терры принял в расчеты самые невероятные предположения относительно возможностей и решимости вражеских солдат перед лицом почти неминуемой смерти, существовала одна переменная, которую ни он, ни его командный состав не могли учесть.

Колдуны Тысячи Сынов.

Это было похоже на их прежние войны.

Братства, несшие службу вместе, их силы объединились для единой цели. Элита Аримана – Скарабеи – следовала за монстрами в радужных цветах, со спутанным мехом и раздвоенными рогами, выбрасывающими коронные разряды. Культисты Пирридов воспламеняли пронизанный фуцелином воздух, и адепты Рапторов взметали вперед пылающие завесы пляшущего огня. Атенийцы тянулись разумом в эфир, чтобы исказить восприятие мужчин и женщин на стене, которые созерцали это зрелище – пламя, обращенное в ревушие пасти, завывающие ужасы, неповторимые для каждого разума.

Объем разрушений был таков, что путь вынужден был прокладывать колоссальный сверхтяжелый транспорт. Для прохода более мелкого транспорта «Левиафаны» и оскверненный «Капитолий Импералис» сокрушали громадные остатки разрушенных снарядами руин и сравнивали их с землей, чего не могли сделать недели артиллерийских обстрелов.

Пригибаясь, Ариман повел свое братство через трехметровые траншеи, вырубленные в щебне молотящими гусеницами «Кхасисатры» – «Капитолием Импералис» класса «Монолит», по мере того как тот прокладывал себе путь к стенам Дворца.

С башни палили боевые орудия, а установленная вдоль борта макропушка, стреляла каждые двадцать семь минут. Когда это происходило, каждому смертному воину в радиусе пятисот метров нужно было отвернуться, заткнуть уши и открыть рот, чтобы не дать ударному импульсу выстрела разрушить легкие и превратить внутренние органы в кашу.

Лаз-огонь пронесся над головой, пыль и осколки камней посыпались в траншею.

Наверху беспорядочно движущиеся тени растягивались и раздувались, пятились и кружили вокруг огня. Сальный привкус прогорклого жира и скрежет по эфирным чувствам подсказали Ариману, что не все тени были от мира сего.

Сверкающий золотой свет, который они с Магнусом видели, когда парили по Великому Океану, все еще был там – такой слабый и такой хрупкий. Ариман не осмелился задерживать на нем внимание, опасаясь,

что в материальном мире защитники обнаружат его присутствие.

Это было похоже на жажду, которую нельзя было утолить; присутствие, которое можно было ощутить, только не стремясь его отыскать. Но оно было там, и все еще могло быть взломано.

Бесконечный поток Нерожденных чувствует тоже самое...

Самус, Охолоксен, Варгал, Кор'Бакс, Ур-нефр и еще бесчисленное множество.

Столько имен, столько тайн, которые можно вырвать из этих бессмертных разумов.

Ариман чувствовал, как они в исступлении царапают границы реальности, обезумевшие от кровопролития, охватившего Тронный Мир. Завеса между мирами была разорвана в тысяче мест, позволяя демонам извергаться на поверхность мира в виде невообразимых смертоносных стай из клешней и клыков. Но здесь, вблизи телекинетического щита, путь во внутренние границы Дворца им был заказан.

Ничто по-настоящему демоническое не могло проявиться в тени этой психической силы.

Но давление нарастало, и вскоре щит Императора будет разбит.

- Знаешь, что мне это напоминает? - спросил Ариман, оглядываясь через плечо на то, что сровняли с землей наступающие позади левиафаны. Сотня легионеров следовала за Главным Библиарием по вырытой траншее наряду с пятью тысячами смертных солдат в охряных и черных одеждах, несущих шипастые крюки и роторные лестницы.

Подобная свита сопровождала каждый из этих исполинских механизмов.

- Не знаю, - ответил Атрахасис, новый советник Аримана. - Я не Атенеец.

Атрахасис был адептом Рапторов со всей присущей этому братству прямоотой.

Доспехи воина в красном и цвете слоновой кости отливали перламутром, ни одна пылинка или соринка не оскверняли отполированные пластины. Совершенство форм воина напомнило Ариману Хатхора Маата, и прежнее лицо брата всплыло перед глазами.

Ариман вытеснил из разума воспоминание о павшем адепте Павонидов.

Нет, не павшем. Принесенным в жертву. Моей рукой.

- Так что же это тебе напоминает? - спросил Атрахасис, когда Ариман не продолжил.

- Улланор, - наконец ответил Ариман. - Когда флот геоформеров сравнял с землей целый континент ради тщеславия одного человека. Нам говорили, что все это в нашу честь, но на самом деле - в честь Него, как бальзам для Его нарциссического эго, как осознание того, как многое зависело от Его повеления.

- Именно тогда Он покинул крестовый поход, - отметил Атрахасис. - И передал командование войсками Воителю.

- Потому что руководство крестовым походом стало для Него утомительным, - продолжил Ариман. - Славные дни его первых десятилетий давно миновали, оставалось только довести его до конца. Вот почему Он ушел. Возвышение Хоруса было знаковым событием, но не более. Император покончил с

нами и стремился вернуться к Своим последним начинаниям.

С башни «Кхасисатры» раздался вой сирен, а в глубине бронированного корпуса нарастало давление внутренней ярости. Пустотные щиты огромной боевой машины затрещали, включились дефлекторы излучателей, опустились противовзрывные заслонки. Огромные колеса шестеренок с грохотом сцепились, и макро-пушка стала набирать мощность.

+ На колени! + приказал Ариман, послав психическую команду. + Приготовиться +.

Он припал к земле, когда дым и туман, окутывавшие вершины Западного Полушария, на мгновение расступились и открыли зубцы крепостных стен, на которых полыхали дульные вспышки и разрывы. Метательные снаряды, пронесившиеся по дуге, взрывались над ними, но большая их часть детонировала при соприкосновении с поверхностью «Эгиды» или была сбита в воздухе оборонительными турелями ближнего боя. Некоторые все же попали в цель и расплавили бруствер – обломки укреплений и тел посыпались каскадом вниз по отвесным склонам.

Ариман наблюдал за игрой света, по-своему прекрасной, видя в этом взаимодействии закономерность и смысл. Дыхание участилось, а сердце бешено заколотилось, когда видение, трепещущее в сознании, стало одним из того, что, он знал, он не видел глазами.

В этом было благословение и проклятие Корвидов – видеть во всем предзнаменования, слышать отголоски будущего и чувствовать эмоции до момента их зарождения. Эфир резанул по сердцу и заставил вскинуть глаза во внезапном предчувствии – он услышал звук, похожий на треск молнии.

Ариман ощутил вулканический жар открытой доменной печи, вопль истерзанного металла, гул землетрясения. Колоссальное давление на его чувства, подобно надвигающейся буре.

+ Наверх! + мысленно выкрикнул он. + Все из траншеи! Вперед! +

Тысяча Сынов, следовавшие за ним, незамедлительно повиновались, взбираясь вверх по каменистым склонам траншеи и пробиваясь сквозь разрушенные участки там, где изрытая кратерами земля загромождала окопы на всем пути. Позади смертные солдаты смотрели в замешательстве, не понимая, что происходит.

Ариман вскарабкался по стенам траншеи и перемахнул через край. Затем перекатился на колени и понесся через разрушенные руины Дворца, бросив взгляд через плечо, как раз перед тем, как услышать отчетливый резкий треск установленных на стене оборонительных лазеров.

Концентрированный огонь трех орудий вспыхнул на триллионную долю секунды, подобно розгам из расплавленного стекла, и пробил лобовую броню «Кхасисатры». Затворы отсеков с боеприпасами были раскрыты, главное орудие заряжено, и машина была уязвима настолько, насколько это вообще было возможно.

Сквозь швы тяжелых броневых пластин сочился резкий люминесцентный свет. Копья ярко-белого огня пронзили вентиляционные отверстия, смотровые приборы и щели бойниц.

На краткий миг показалось, что «Капитолий Импералис» разбух, надувшись.

И замер.

Ариман скользнул за обломки каменной кладки – остатки каннелированной колонны, дорическое основание которой чудом не затронул обстрел. Звуки артиллерийской канонады стихли, и после долгого

пребывания в нескончаемой какофонии битвы внезапная тишина оглушала.

Библиарий знал, что видит невозможное – детонацию, застывшую во времени.

Он чувствовал, как перед ним раскрывается смысл недавнего видения – жар, огонь и свет неизбежного взрыва – которое он видел и ощущал, словно призрак в своем разуме.

+ Смотри! + воскликнул Атрахасис, и от грубой силы его послания Ариман вздрогнул.

Он последовал предостережению своего советника, посмотрел вверх и увидел черные как смоль облака над «Кхасисатрой», извивающиеся, будто перемешиваемые невидимой рукой. Из эпицентра темного водоворота вырывались непрерывные молнии, простирая вниз свои ветвистые лапы, чтобы опутать «Капитолий Империалис» паутиной потрескивающих силовых линий.

Льдисто голубой свет прожег сердце бури: сначала легко уколоч, а затем разорвал облака, оставив рану в небе. Из света появилась фигура, в золоте и алом, божественная и ужасающая. Слишком чувственная и слишком прекрасная, чтобы смотреть открыто.

+ Сир... + выдохнул Ариман.

Магнус спустился из самого очага вихря света и дыма, сила бурлила под его кожей, а глаза наполнились светом варпа. Одна рука была направлена в сторону дворцовых стен, на другой воспламенялась молния.

Примарх сжал увитый разрядами кулак и вскинул руку.

«Кхасисатра» оторвался от земли вместе с ней.

Камни, грязь и пыль посыпались с его гусениц, когда все шестьдесят семь тысяч тонн его массы поднялись в воздух. Вопли и радостные возгласы доносились из руин, по мере того как невероятная громада машины поднималась выше. Ослепительные прожилки света с жадностью прокладывали себе путь по плоти Магнуса, когда он устремился ввысь, увлекая за собой клокочущую массу «Кхасисатры». С примарха сыпались хлопья пепла.

Со стороны Дворца к Магнусу устремился ураган огня – имперские артиллеристы понимали, только что появилась мишень невероятной значимости. Лазеры и снаряды взрывались вокруг примарха, но молнии, окружавшие его, свели на нет все атаки.

Магнус с ревом взмахнул кулаком, и огромная машина взмыла в воздух, словно выпущенная из катапульты. Ариман в недоумении наблюдал, как обреченный «Кхасисатра» летит в направлении Дворца, все еще опутанный паутиной молний и застывший в наносекунде от разрушения. Вспыхнул оборонительный огонь, но ни одно орудие, способное среагировать достаточно быстро, не могло остановить нечто столь невообразимо колоссальное.

Машина опускалась по дуге на стену в мучительно замедленном движении, и в тот момент, когда она обрушилась на верхушку Западного Полушария, Магнус отпустил течение времени, заключенное им в кольцо безграничности.

Ариман отвернулся, когда «Капитолий Империалис» взорвался с силой сверхновой звезды.

Реактор танка и боеприпасы «Опустошитель городов» в его комплекте по силе были эквивалентны нескольким взрывам плазменных бомб, и световая вспышка при его детонации на мгновение рассеяла непрекращающиеся сумерки осады. Спустя долю секунды со стен раздался нарастающий грохот взрыва,

оглушительный даже посреди апокалипсиса битвы.

И хотя авточувства шлема изолировали Аримана от внешнего мира, звук внутри все же был подобен стуку осадного молота Дредноута по черепу. Мгновение спустя сила взрывной волны отшвырнула его.

Обжигающий дым обрушился на Тысячу Сынов смертоносными раскаленными клубами, Ариман ощущал его даже сквозь керамические пластины доспеха. Земля сотрясалась, словно пыталась стряхнуть копошащихся по ее поверхности жалких смертных, под избыточным давлением выплеснулись динамические потоки ураганных ветров и расшвыряли обломки и отдельные камни обратно в лагерь предателей.

Визор вспыхнул предупреждающими знаками: всплески поражающего ионизирующего излучения, электромагнитные импульсы и нестерпимый жар. Секундой позже вторичная вспышка взрыва осветила небо и отбросила длинные, суровые тени в мир, превратившись в ослепительно белый жгучий свет.

Когда обжигающий глаза свет угас, Ариман перекатился на живот и увидел разрастающееся грибовидное облако из бурлящего нагретого дыма, которое поднималось и растекалось прямо перед ним из секции Западного Полушария.

Вернее из того, что от него осталось.

Целый участок стены и ее оборонительные укрепления просто исчезли: испарились в ядерном огне первичного взрыва или сравнялись с землей под воздействием ударной волны. Огромная пологая брешь только что образовалась в обороне Дворца, словно громадный зверь спустился с неба и откусил V-образный фрагмент стены.

Наконец, осмелившись открыть свои эфирные чувства, Ариман погрузился, используя психические мантры, в девятый уровень Исчислений. Шепот голодных Нерожденных перерос в нескончаемый звериный вой, и аура каждого живого существа вокруг Библиария вспыхнула: Тысяча Сынов яростными цветами синего, золотого и бирюзового; смертные, обгоревшие и ослепленные, ошеломленные от мучительной боли – кроваво-красным и оранжевым.

Застывший золотой свет присутствия Императора все еще сиял и искрился в сознании Аримана. Свет казался ярче, чем раньше – словно бы невидимая трещина стала чуть шире.

+ Подняться! + отправил Ариман. + Вперед! +

Абидеми восседал на правом спонсоне боевого танка «Сикаран-Венатор», который с ревом пронесся мимо Купола Просвещения. «Венатор» был одним из самых быстрых танков в Имперском арсенале, поэтому Зитос, реквизируя машину, даже слушать не стал возражения сбитого с толку экипажа. Санктум Империалис достигал в диаметре около восьмисот километров, и Абидеми знал, что они должны пересечь это расстояние со всей возможной скоростью. Гарго давил изо всех сил, и если машина продержится достаточно долго, чтобы достичь Западного Полушария, она, скорее всего, уже никогда не сможет двигаться своим ходом.

По другую сторону танка напротив Абидеми разместился Зитос, а Иген Гарго выглядывал из люка водителя, сканируя пространство впереди. Воздух вокруг «Венатора» отдавал вкусом олова, актиничное излучение перегруженного плазменного ядра двигателя заставляло визор Абидеми шипеть от статики.

Абидеми склонил голову вбок и хлопнул по шлему ладонью в латной перчатке. Помехи, в конце концов, рассеялись, и он с тяжелым сердцем окинул взглядом огромное пространство, заключенное под Куполом Просвещения.

Темные дела творились здесь – предатели ступили под этот священный полог, погибли братья-легионеры. Теперь километровый Купол покосился, а вода, когда-то струящаяся с его вершин в бассейн у подножия, была отведена в зацементированные резервуары глубоко вниз, под основание Дворца. Три коренастых колосса, поддерживающие огромный вес Купола, почернели от огня, их конечности были покалечены шальными разрывами снарядов и шрапнелью воздушного подрыва, которые отскакивали рикошетом от «Эгиды». Частицы пыли и пепла, подхваченные снизу вихрями скрученного воздуха, плавали в свете, который просачивался сквозь широкий окулюс в центре Купола и отверстия, пробитые снарядами.

- Хорошо сработаны эти статуи, – произнес Зитос, проследив за взглядом Абидеми и изучая нижнюю закопченную поверхность Купола. – Даже покрытые шрамами и лишённые равновесия, они все равно выполняют свой долг.

- Как и все мы, – сказал Гарго, и Зитос криво кивнул.

Абидеми тоже видел в этом символизм и черпал в нем силу. Он обернулся, чтобы посмотреть в ту сторону, откуда они пришли. Примерно в пятистах километрах к востоку от них над Непреклонной нависали пестрые облака пурпурного и красного цвета. Там бои все еще бушевали, как и по всему периметру Стены Вечности.

Зитос поручил солдатам из «Родни Вулкана» оборону стены, и его командный состав, созданный по такому случаю, дал торжественную клятву отдать свои жизни в этой битве, когда стало ясно, что они больше не могут сражаться бок о бок с Саламандрами. Мужчины и женщины вне полков, без знамен, они объединились перед лицом врага и не уронят честь взятого имени.

Дороги вокруг Купола были разбиты, разрушены взрывчаткой, судя по шрамам от ожогов и шрапнельным ранам в окружающих его скалах, поэтому Гарго выбрал петляющий маршрут мимо величественных, обнесенных высокими стенами поместий Виридарииум Нобилес.

Окрестности Санктум Импералис наводнили беженцы: десятки тысяч запыленных, усталых и измученных людей. Они стекались из переполненных лагерей, заполняли широкие магистрали и церемониальные аллеи, укрываясь под навесами из парусины и брезента от мягко падающего пепла и щелочного дождя. Обездоленные Терры облепили, подобно снежным сугробам, стены резиденций и величественных храмов бюрократии Империиума. Люди подняли глаза, когда дымящий танк прошел мимо, в страхе убираясь с его пути.

Боевые машины означали опасность, независимо от того, какое знамя развевалось на их вокс-мачтах.

Здесь дороги не были рассчитаны на то, чтобы выдержать вес танков, и сердце Абидеми обливалось кровью, когда они бесцеремонно прокладывали путь по золоченым дворцовым улицам. Булыжники ручной работы, каждый с клеймом мастера, были разворочены бронированными гусеницами и разбросаны по их следам, как шлак из кузнечного горна.

- Интересно, – сказал Зитос, заметив беспокойство Абидеми, – не так ли чувствовал себя Лорд Дорн, когда снимал с отцовского Дворца красоту слой за слоем и облекал его в уродливые пластины брони?

- Его воины утверждают, что он обещал отстроить Дворец заново: восстановить каждую стену, каждую

башню и ворота в их былой славе, – сказал Гарго.

– Он может попытаться, – Зитос покачал головой. – Но любой подлинный мастер знает – разрушенная красота никогда не станет прежней.

– Но иногда она может стать лучше, – возразил Абидеми. – Ремесленники Климены считают, с эстетической точки зрения, что порой прекрасное рождается из несовершенного, мимолетного и незаконченного.

– Знаю, – продолжил Зитос. – Я провел два года, потев в кузнице мастера Корена и оспаривая его идеи о том, что «ничто не вечно, ничто не закончено и ничто не идеально». Но в наши дни они кажутся такими же подходящими, как и любая другая философия.

– Возможно, – согласился Абидеми.

Они обогнули Купол Просвещения по периметру, вышли на Виа Марциаль и направились по ней к Главному Арсеналу. В двухстах километрах на юго-западе виднелись вздымающиеся скалы – величественные оплоты защиты – Несокрушимая и Западное Полушарие. Бомбардировка продолжалась, по горизонту пылали вспышки от ударов по «Эгиде».

– Это плохо, – заключил Зитос. – Чертовски плохо.

– С такого расстояния эта секция стены похожа на десятки других. Ты уверен, что твое видение ведет нас именно сюда? – спросил Гарго Абидеми.

Тот уже собирался ответить, когда небо озарилось яростью атомного взрыва.

Сначала взрыв был похож на стонущий рокот глубоко в утробе земли, но вскоре перерос в гортанный рев дракона. От стены поднялось грибовидное грозное облако пирокластового огня, что напомнило Абидеми столб пепла над горой Смертопламя в день, когда к ним вернулся примарх.

Он произнес:

– Уверен.

6 Разлом

Был только огонь, дым и пыль.

Земля перед Западным Полушарием стала чающим кошмаром полного разрушения. Перегретые облака пепла клубились, словно живые существа, над расплавленной породой и горящими руинами, жаждущие поглотить любой воспламеняющийся материал, еще не захваченный взрывом «Кхасисатры».

Броня Аримана пылала жаром, сквозь многослойный керамит он чувствовал, как трещит кожа с каждым тяжелым шагом. Земля под ногами будет излучать радиацию еще тысячи лет. Хрупкие фигуры крошились под его поступью. Тело, казалось, медленно варится внутри доспеха, а пот рекой стекал по его плоти – словно жир вытапливался из шипящего на огне мяса.

Ариман склонился, чтобы преодолеть напор неистовых тепловых потоков, бурлящих в виде беспорядочных вихрей. Он потерял счет времени. На каждый шаг, казалось, уходила вечность.

Продвижение было медленным, целенаправленным и неумолимо неизбежным.

Шквалы радиационного излучения трещали пронзительными голосами посреди огненных бурь, что бушевали по всей зоне поражения. У некоторых из них были лица и наполовину сформированные руки существ, которые пытались прорвать завесу в материальный мир.

Силовая броня Аримана на пределе возможностей анализировала мириады поступающих сигналов. Электромагнитный импульс при взрыве посылал в визор безумные всплески статики, а тепловое излучение делало теплоизоляцию бесполезной. Ариман не видел ничего, кроме призраков, движущихся на фоне залитого красным светом ландшафта – видение ада, недоступное воображению; видение, которое и не снилось художникам и безумцам.

Человеческие чувства Аримана были почти слепы, поэтому он полагался на другие свои способности.

Светящаяся огнем фигура приближалась сквозь дым.

Библиарий узнал ауру Атрахасиса, своего советника, который пробирался сквозь бурю пепла и камней. Обломки расступались перед ним, сметенные с пути силой кайн-щита.

Вокс затрещал, но все, что было сказано, утонуло в реве электромагнитных помех.

+ Говори со мной разумом, + послал Ариман.

Атрахасис кивнул.

+ Сто семьдесят один из нас выжили для наступления. Тысячи смертных, что вышли с нами, либо уже мертвы, либо будут умирать в агонии в течение нескольких часов. Остались только легионеры. +

+ Хорошо, + сказал Ариман.

+ Хорошо? +

+ Значит на стене ни один смертный солдат тоже не остался в живых. Мы нанесем сильный удар по разлому. Теперь это война Астартес. +

Атрахасис кивнул:

+ Как и должно было быть всегда. +

Ариман сосредоточился и послал импульс психической энергии.

+ Пятнадцатый легион! Поднимитесь во второе Исчисление. Павониды, приглушите излучение, Рапторы, выставите кинетический барьер. +

Ариман повернулся на месте, когда мерцающие пятна света сосредоточили на нем внимание – боги битвы, окутанные золотым сиянием. Двести воинов Тысячи Сынов последовали за ним в огонь, и он почувствовал присутствие еще сотен других.

Воины Амона слева, Менкауры – справа, но телэфирный щит в обороне Дворца был настолько мощным, что Ариман едва мог ощущать присутствие своих братьев.

Неужели мы изменились настолько, что щит притупляет наши эфирные силы наравне с демоническими?

Единственным неизменным в этой огненной буре смертоносного пепла, строббирующего огня вторичных взрывов и удушливого дыма был Алый Король. Примарх горел, подобно красному солнцу в последние мгновения жизни, заливая разрушенные руины Терры адским кровавым светом.

+ Следуйте за примархом, + отправил Ариман. + Он - наша путеводная звезда. Он приведет нас к победе! +

Ариман развернулся и двинулся вперед - в самую пасть шторма - как и любой солдат, когда-либо шедший в наступление по слякоти, в снегопад или жару, чтобы преодолеть последние сто метров, приблизиться к врагу, уничтожить его. Темп продвижения был медленным, но это уже не имело значения.

На стене не осталось никого, кто мог бы противостоять Тысяче Сынов.

Психическим щитом Рапторы рассекли воздух, развеивая пепел и дым вокруг себя и открывая застывший пейзаж разрушения. Внешние укрепления перед Западным Полушарием полностью сровнялись с землей взрывной волной, только остатки фундаментов и змеинные клубки арматуры указывали на места, где те когда-то возвышались.

Стая гроздких боевых «Кастеллаксов» неуклюже пробиралась сквозь дым. Их наружные панцири были так обожжены, что Ариман не мог определить, какой стороне они принадлежат и почему оказались так далеко от стен. Он чувствовал боль их измученного сознания, интегрированного в биомеханические кортексы - порабощенные души, кричащие в наполненном болью безумии.

В каком бы состоянии ни была система обнаружения, она еще действовала и издала хриплый визг, раскрыв присутствие легионеров. Машины набросились на них с безумной яростью. Стрельба автоматов была беспорядочной и неточной, и, хотя кайн-щиты отражали любые выстрелы, которые попадали в радиус поражения, сверхагрессивные машинные духи теперь имели цель и, следовательно, были опасны.

+ Свяжите их души, + приказал Ариман. + И приведите их. +

Нити колдовского огня потянулись к роботам, и Атенеицы пронзили своей силой поврежденное сознание машин. Некоторых безумие поглотило целиком, и эти немногие несчастные были уничтожены в демонстрации беспощадного истребления своими же братьями.

Стрельба прекратилась, и роботы присоединились к наступлению Тысячи Сынов.

Как и все наивные существа, они жаждали найти успокоение в покорности.

Это не «Кастеллакс-Ахея», но сойдут.

Среди пламени Ариман увидел обломки бронетехники: одни принадлежали защитникам Дворца, другие - Пертурабо. По большей части это была армейская техника, немного машин легионов, а также извращенные гибриды верных Воителю механикумов. Вывороченные внутренности горели огнем, почерневшие от золы тела свисали с разбитых люков, «Богомолы» дергались в предсмертной агонии.

Плененные духи машин умоляли об освобождении или нашептывали мрачные обещания взамен на свою ярость. Ариман знал, что лучше не доверять таким надломленным существам, и оставил их гореть в огне. Несколько одиноких машин уцелели во время первичного взрыва и выдержали ударную волну. Теперь они, каждый сам по себе, рыскали по развалинам, как слепые.

Дым начал рассеиваться. Огонь в месте взрыва тянулся вверх и расплзся широкой тенью, окрашивая небо в цвет свежей смолы. Несмотря на то, что стена лишилась облицовки из адамантия, стали и камня, большая ее часть вместе с многочисленными орудийными башнями остались стоять, как свидетельства высокого мастерства Дорна. От изначальной стены остался только голый камень, а в середине образовался оплавленный зазор, будто выбитый зуб.

Груды дымящихся обломков и булыжников сформировали готовый пандус к вершине линии разлома. Отвесная стена колоссального размера все еще оставалась труднопреодолимым препятствием, но без укреплений по флангам и череды рavelинов она была - пока еще - открытой для удара.

+ Сначала отправить автоматов, + скомандовал Ариман.

Тотчас неуклюжие «Кастеллаксы» стали взбираться по склону, железные конечности и мышцы с сервоприводом позволяли им подниматься быстрее обычного смертного.

«Может быть, все сложится лучше, чем мы смели надеяться».

+ Рапторы! + послал Ариман. + Приготовить диски! +

После взрыва Имперские Кулаки под командованием капитана Иакона передислоцировались на Полушарие-Девять - две тысячи одетых в золото воинов держались в резерве на случай подавления любого прорыва. Они высаживались из «Носорогов», «Тавроксов» и с тяжелых грузовых платформ, на ходу выстраивались в отряды и устремлялись к стенам.

Точки сбора представляли собой склепы из обгоревших тел и обломков. Кругом были разбросаны облученные куски рокрита, прутья арматуры из адамантия раскалились до оранжевого свечения и стали гибкими, как струны. Команды экранированных саперов уже были на месте. Они опрыскивали место взрыва огнестойким пенопластом, чтобы ослабить уровень радиации, пропитывающей стены Полушария-Девять. Хотя ее длительное воздействие останется смертельным для неаугментированных людей по меньшей мере в течение трех лет.

Отдельные отряды Кровавых Ангелов - три сотни лучших воинов Ваала - под командованием капитана Тамаи присоединились к Имперским Кулакам в попытке закрыть разлом.

После Сатурнина Лорд Дорн пересмотрел свой план обороны с каждой стороны, не оставил без внимания ни одной детали, даже самой незначительной и, казалось, незыблемой, и дал указание своим главным помощникам оценить его приготовления со всем пристрастием. Мало что нового было выявлено Преторианцем в ходе ревизии плана, но никто не придавал особого стратегического значения Полушарию-Девять сверх очевидного.

Теперь же известие о том, что один из павших сыновей Императора раскрыл свое присутствие при атаке, изменило ситуацию, особенно учитывая тот факт, что примархом, как поговаривали, был Магнус. Циклоп - обладатель невероятного интеллекта, его ум работал на уровнях, недоступных для понимания простыми смертными. И если Магнус принимал участие в этой атаке, то Полушарие-Девять явно имело значение большее того, что видел любой имперский планировщик.

Со Стены Вечности были стянуты более тысячи космодесантников, чтобы усилить Полушарие-Девять. Скорость разворота имперских позиций была ошеломляющей. Переброска солдат с заранее подготовленных оборонительных позиций и их передислокация - задача не из легких, требующая сотни приказов, их подтверждений, перенаправления тылового обеспечения и координации, а также

единственно необходимого ресурса в такие переломные моменты – времени.

Семьдесят шесть минут понадобилось Имперским Кулакам, чтобы добраться до Полушария-Девять, восемьдесят одна – Кровавым Ангелам. К счастью, мощностъ взрыва удержала предателей от попытки сразу же броситься в прорыв, иначе они бы это уже сделали, и первыми прибывшими из Легионес Астартес оказались не воины Тысячи Сынов.

Но это были не Имперские Кулаки и не Кровавые Ангелы.

Это были Саламандры.

Время Испытаний.

Абидеми стоял в проломе, из которого открывался вид на Терру, больше напоминавшей НоктюРН в его неистовой смене сезона. Поверхность Тронного Мира, насколько хватало глаз, была залита бушующим огнем, а свирепые пирштормы пожирали любое горючее на своем пути.

Порывы пронизанного радиацией ветра завывали над стенами, словно кричала сама Терра. Сгибаясь под их обжигающей силой, Гарго и Зитос сваливали булыжники к импровизированному барьеру из нагроможденных обломков и раздробленного рокрита.

Не Барбакан Фемиды, но сейчас подойдет и это.

- Поторопитесь, – предупредил Абидеми, заметив блестящую фигуру, плывущую среди шторма, бушующего над полем боя – полубога в ореоле света умирающего солнца. – Алый дракон приближается.

Нумеон рассказывал о том, как Магнус явился к нему в варпе во время путешествия, когда они возвращали Вулкана на НоктюРН. Потерянный брат Абидеми говорил о примархе как о ком-то могущественном и заслуживающем уважения, но в тоже время как будто о ком-то... преуменьшенном.

Никогда Абидеми не видел ничего подобного.

Магнус горел, подобно застывшему во времени взрыву – сверхъестественное существо лучистой энергии, волосы развевались, как кровавые лучи взорвавшейся звезды, доспехи ослепляли своим великолепием. И его глаз, его единственный глаз, горел светом недостижимых звезд.

Ангел в золоте и красном, смотреть на него было все равно, что смотреть на само солнце. Броня цвета меди, величественная осанка, и как бы Абидеми ни желал, чтобы все было по-другому, он все же чувствовал бессознательное, из ниоткуда пришедшее желание упасть перед примархом на колени.

Несомненно, Магнус был удивительным, но все Саламандры испытывали и другое чувство: недоверие, что существо, ведущее родословную от самого Императора, теперь поставило перед собой цель – уничтожить их.

- Ангрон и Фулгрим стали чудовищами, – сказал Абидеми. – Их порча очевидна для всех, но Магнус... Он все еще мог сражаться на стороне своего отца и не выглядеть нелепо в глазах других.

- Когда это началось? – спросил Барек Зитос, обращаясь к далекой фигуре Магнуса, и вскинул огромный молот на плечо. – Когда ты впервые отвернулся от света?

- Скорее всего, он и сам не знает, – продолжил Абидеми, – потому что такие вещи никогда не имеют

начала - никогда нет только одной первопричины, только одного единственного поступка или момента, из которого вытекают подобные действия.

- О чем ты, брат? - спросил Гарго.

- Истоки любого сценария развития события всегда можно проследить до какого-то наиболее раннего момента и до всех предшествовавших ему. И чем дальше мы будем прослеживать путь, тем более туманными будут становиться связи, и тогда даже малейшее действие может считаться началом любого великого события.

- Неважно, как это случилось, - подытожил Зитос. - Неприятель сейчас прямо перед нами, а за спиной союзников нет.

- Кровавые Ангелы и Имперские Кулаки в пути, - возразил Абидеми. - Нам нужно продержаться совсем недолго.

- Миг кажется вечностью, когда ждешь подкрепления, - сказал Зитос.

- Мы - Саламандры, - начал Абидеми, и в этот момент из огня и дыма в разломе появилась когорта потрепанных хромающих автоматов. - Вечность - вот наш девиз.

При виде Саламандр боевые роботы разразились гневом статических помех из перекошенных аугмиттеров, наполовину отрубленные черепа машин свешивались на бок и вспыхивали целеуказателями.

- Ложись! - выкрикнул Гарго, когда тяжелые снаряды были с шумом выпущены из дымящихся роторных пушек, а ракеты пронеслись спиралевидными огненными шлейфами. Последствия ощущались подобно серии ударов молота по земле, но стена высотой всего на уровне плеч, которую соорудили Гарго и Зитос, обладала прочностью, которую, казалось, невозможно было достичь в результате такого поспешного строительства. Укрепление было возведено из самых разнообразных пород, которые дополняли друг друга в формировании прочности.

Надвигающаяся волна пламени вздыбилась над наклонной вершиной стены, но огонь не страшил Саламандр. Рожденные из огня, они каждый день своей жизни чувствовали его обжигающие объятия. Тяжелые снаряды откалывали куски камня, но выстрелы были хаотичными и неточными.

- Радиация засоряет их ауспик, - прокричал Зитос сквозь шквал огня.

Еще больше ракет взорвалось над головой, и раскаленные докрасна куски стали хлынули дождем. Внутри шлема Абидеми звук был подобен тому, словно кузнец высыпал ведро с гвоздями на стальную плиту.

- Пора? - спросил он Гарго.

Гарго приглушил свет линз своего шлема, положил ладонь на землю и стал читать потоки планеты. Он чувствовал приближение врагов Терры даже сквозь миллионы тонн металла и камня. Тяжелые шаги раздались по рокриту, и Абидеми крепче сжал рукоять Драукороса.

- Они прямо над нами, - выкрикнул Аток.

- Еще нет, - уверил Гарго.

Сверху воздух прорезала реактивная струя тяжелых снарядов, и три тяжелых взрыва сотрясли Полушарие-Девять. Обломки камней захлестали по броне легионеров, а шипящие куски шрапнели отскакивали рикошетом от скал.

- Сейчас! - крикнул Гарго, и трое Саламандр поднялись из укрытия.

Прямо над ними оказались боевые автоматы, еще восемь - в пределах досягаемости стены. Доспехи роботов были из голого железа или же черными - невозможно было различить, какой манипуле они принадлежат. В воздухе позади них висел мерцающий странным светом туман, сквозь который между огненными смерчами и разрывами снарядов и последующих детонаций, метались неясные фигуры.

Зитос взобрался на барьер из перемолотых камней и прыгнул к ближайшему автомату - почерневшему от огня «Кастеляну», оснащенный тяжелым осадным кулаком и роторной автопушкой.

- Во имя Вулкана! - воскликнул Саламандр, размахивая молотом по дуге, словно забойщик.

Благодаря убийственному весу молота легионер разнес вдребезги и без того прогнувшийся череп автомата. Конечности последнего подогнулись, и он рухнул на землю, пламя вырвалось из его расколотого горжета.

Зитос приземлился, удерживая молот в движении, и разбил ноги машины рядом с собой. Коленное сочленение разлетелось на осколки, и автомат опрокинулся обратно в пролом. Выстрелы хлынули из его орудий при падении и разорвали заднюю, более легкую пластину третьего автомата, раздробив его внутренние механизмы.

Гарго нырнул в сторону от осадного молота, и тот опустился на стену, разбивая их баррикаду на куски. Он перекатился на ноги перед «Кастеллаксом» и ударил копьём, как гарпуном, глубоко вонзив его сквозь треснувший входной люк во внутренности. Легионер прокрутил рукоять по кругу, и аугмиттеры издали машинный вопль боли, прежде чем автомат упал на колени, застыв в позе молящегося.

Абидеми на четверть оборота вправо провернул Драукоросом и оттянул его назад в момент, когда робот выпалил неким гибридным вариантом штурмовой пушки-болтера. Орудия громыкнули, но прицел автомата был смещен, и масс-реактивный снаряд пробил полуметровую брешь в гребне разлома рядом с Абидеми.

Машина опустила вторую руку, снабженную гигантским дробовиком, который истекал дымящейся масляной смесью, и Абидеми бросился вперед, чуть качнувшись в сторону. Драукоросом он разрубил стволы оружия, и оно взорвалось, когда снаряды проходили по нему. Сила взрыва отбросила машину, и легионер ударил ее сапогом в грудь. В завершение, автомат опрокинулся назад - внутренние механизмы, удерживавшие его в вертикальном положении, были повреждены взрывом и ударом.

Иген Гарго разрядил свой болтер в расколотый панцирь другого «Кастеляна». Масс-реактивные снаряды взорвались внутри, застав тело автомата дергаться в конвульсиях, синий огонь вырвался из его вентиляционных пластин. Зитос ударил молотком в грудь коленапреклоненного робота и отправил его обратно в разлом.

Совсем рядом с Абидеми взорвались снаряды, и он бросился в сторону, когда высвободившаяся энергия сотрясла камни в расколотой стене. Саламандр покатился. Следом метнулась потрескивающая молния и высекла пузырящийся след на нагруднике его доспеха. Он ощутил, как жар обжигает панцирь. Железный кулак оторвал его от земли, раскаленные пластины керамики вдавились в грудь, и Аток охнул от боли.

«Кастелян» рывком поднял легионера на ноги, и тот увидел, что череп автоматона раскололся, обнажив отвратительную смесь биопластиковых внутренностей и механизмов. Из туловища вырвалось пламя, и повалил дым, а из свисающих аугмиттеров раздался жуткий вопль боли.

Пламя охватило панцирь робота целиком, и он покачнулся.

Зная, что умирает, машина пыталась напоследок отомстить.

Абидеми почувствовал, как хрустнули кости, когда кулак начал сдавливать ему грудь.

Он рубанул Драукоросом по плечу автоматона, но боль и неудачный угол лишили удар должной силы.

До Атока доносились голоса братьев, крики гнева и предупреждения.

Раздавались тяжелые удары болтеров, поблизости рвались пламенными вспышками взрывы. Ниже по склону разлома прогремела серия глухих взрывов, поднимая вверх огненные столбы облученной породы и ядовитой пыли.

Даже пламя казалось размытым в глазах Абидеми, пронизывающий холод окутал его, и это ощущение было таким внезапным, словно он провалился под лед замерзшего озера.

Смутно он узнавал характерный двойной удар имперской артиллерии, и странный, завывающий вой. Что это, двигатели корабля?

Нет, это вой живых существ.

Рука автоматона покрылась белым – кристаллы льда формировались с невероятной скоростью. Одним единственным ударом Драукороса Абидеми срубил машине плечо.

Металл разлетелся на замерзшие осколки, и Саламандр упал на гребень разлома, поверхность которого теперь была скользкой ото льда и в лужах талой воды. Снежная буря из ледяных игл кружилась вокруг Абидеми, свирепые ветры погасили огонь, охвативший остатки крепостных стен.

Крадущиеся фигуры показались в холодном тумане. Сгорбленные и покрытые мехом, они двигались подобно диким зверям: голодные и безжалостные. Они обрушили на раненого автоматона шквал клинков, один из них выпотрошил машину своим зловещим зубчатым гарпуном, а другой рассек ее от горжета до брюха ударом топора.

Третий воин, облаченный в инеисто-серые доспехи и покрытый толстой шкурой, ударил своим костяным посохом, и камень раскололся, будто землетрясение сотрясло крепостные стены. По всей длине пролома протянулась широкая траншея, глубиной не меньше пяти метров, заполненная острыми, как бритва, ледяными шипами.

Удовлетворенный своей работой, воин повернулся к Абидеми.

Лицо воина было потрескавшимся и морщинистым, как старая седельная кожа, в бороду вплетены осколки стекла и обереги с вырезанными символами. Холодные глаза смотрело пронзительно и жестко. Он ухмылялся оскалом убийцы, демонстрируя острые, как кинжалы, клыки.

- Я Бьярки, - представился он. - Это Свафнир Раквульф и Ольгир Виддоусин. Мы убиваем колдунов.

- Кого? - переспросил Абидеми. - Колдунов?

- Этих, - Бьярки указал на фигуры, появляющиеся из светящегося тумана.

Воины в красных доспехах - Тысяча Сынов - двигались на мерцающих светом дисках, а во главе - блистательная фигура из огня и гнева.

- Магнус... - произнес Абидеми.

- Малефикарум, - прорычал Бьярки.

7 Волк и Дракон

Дрожь пробежала по спине Бьярки при виде красных колдунов. Слишком долгое время он не проливал кровь своих врагов. Сейчас перед сыновьями Магнуса стояли только трое воинов Своры. Слишком многие из братьев встали на темный путь, но рунного жреца это никогда не пугало.

Ни обрывочные воспоминания о Никее, ни переменчивость пути его вюрда не внушали воину ни капли страха. Но с тех пор, как Промей поведал ему о том, что Магнус вернется на родину человечества в поисках своего последнего осколка души, подозрение, что здесь на Терре Волк встретит свой конец, росло с каждым днем.

Бьярки надеялся, что его нить оборвется на Фенресе - в битве, стоя по колено в ледяной воде и с окровавленным топором в руках, когда последняя песня дикой охоты эхом отдается в сознании. С каждым днем эта надежда таяла, но умереть под сенью Дворца Всеотца - разве не лучший способ встретить конец, какой только мог пожелать любой воин.

- Они пришли завершить то, что начали на Никее! - крикнул Бёдвар Бьярки, высоко подняв увешанный оберегами посох. - Они забрали наших братьев, оборвали их нити раньше времени. Назовите их имена!

- Гирлотнир Хельблинд! - воскликнул Свафнир Раквульф.

- Харр Балегюр! - выкрикнул Ольгир Виддоусин.

- Братья всем нам, - произнес в ответ Бьярки и обернулся к трем сыновьям Вулкана. - Но Всеотец дал нам новых братьев. Так кто же вы?

- Я Аток Абидеми, - представился один из Саламандр, могучий воин с огромным, покрытым зубьями клинком на плече. - А это мои товарищи - Драконьи Мечи.

- Драконьи Мечи? - переспросил Бьярки.

- Так называли приближенных воинов вождей племен в древних легендах Ноктюрна.

- Хорошее имя.

- Владелец молота - Барек Зитос, - продолжил Абидеми. - Копьеносец - Иген Гарго.

- Драконьи Мечи, значит. Ну что ж, сегодня вы братья по Своре, - заключил Бьярки, хлопнув тяжелой ладонью по наплечнику Абидеми. - Вы - часть нашей дозорной стаи! Шестеро против сотен! Да будут воспеты в песнях наши славные смерти!

Прежде чем Саламандр успел возразить, от посоха Бьярки поднялись трепещущие узоры из света -

льдисто синего и ярко ядовитого. Свет отразился в его глазах, нестерпимый жар резко спал, и паутина свежего инея покрыла расплавленную горную породу. Послышался резкий треск, когда затвердевший камень раскололся от внезапного перепада температуры, а сверху донеслись завывания надвигающейся бури.

Мир вокруг Бьярки померк, очертания воинов рядом с ним стали размытыми, почти призрачными. Их плоть, эта грубая материя, которая порождала их реальные формы, тускнела в его глазах, но души внутри...

Как ярко мы все горим. Неудивительно, что у всех нас есть изъян.

Материальный мир превратился в размытое пятно бессмысленных теней. Теперь рунный жрец видел рядом с собой воплощение духов: своих братьев – сыновей Фенриса – как свечение холодного огня; Саламандр – прожигающих воздух своими формами. Потоки черного пламени и испепеляющего жара сжимали воздух вокруг них – души воинов, рожденные в жестоких потрясениях ядра их родного мира.

Бьярки услышал приглушенный вой болтеров и ощутил желчный привкус варп-колдовства – насмешка над силой, наполняющей его плоть, разложение связи между человеком и землей. Договор был древним и священным, а силы, которые использовали сыновья Циклопа, стали болезненным извращением этих особых уз.

Враг приближался – пламя, слишком яркое, на фоне серой пелены царства мертвых, их души горели таким всепоглощающим светом, что Бьярки удивился, как они не понимают, что он пожирает их изнутри. Такой огонь сожжет все, что осталось от человечества, и не оставит ничего, кроме призраков.

Сталь схлестнулась со сталью, выстрелы взметнули дым, грянули взрывы и подняли фонтаны камней и пыли. Но ничто из этого не коснулось Бьярки – каждый осколок и каждый обломок уносило вихрем, поднимавшимся вокруг него.

Тысяча Сынов своим темным колдовством искажали реальность и нарушали все законы природы, но леденящие ветры псионической силы, поднявшиеся вокруг Бьярки, сдерживали самое худшее. Жгучие огни вертелись и извивались перед лицом ярости его бури. Трепещущие ужасы вырывались из самых укромных уголков душ воинов-предателей и умирали в пасти ледяных фантомов. Непредсказуемость завывающего шторма делала тщетными любые попытки предсказать его дальнейший путь и действия воинов, которые стояли наготове у острых, как лезвие, краев.

Рунный жрец увидел форму, мерцающую ртутным сиянием, а затем из воздуха на него прыгнул воин. Бьярки подхватил предателя ледяным вихрем и швырнул наземь, шагнул вперед и вонзил пылающий наконечник своего посоха в грудь воина. Струйки пурпурного света брызнули из раны, когда Бьярки погрузил посох глубже. Нить колдуна распустилась, и его чары развеялись, но сердце Волка не дрогнуло.

Тяжелый лязг доспехов гулко отдавался в тумане и ледяном шторме. И началась самая древняя форма войны, известная человечеству: люди, напрягаясь от усилий, бросались друг на друга, состязаясь в силе рук и ног, воли и решимости. В независимости от того, насколько далеко продвинулись технологии, независимо от изощренности врага, и какие бы тайные правила ведения боя ни применялись – в итоге все и всегда сводилось к тому, что воины сходились в ближнем бою, глядя друг другу в глаза в момент, когда смерть подступала.

Удар развернул Бьярки. Масс-реактивный снаряд. Он взорвался через долю секунды, и один из его

кувыркающихся осколков рассек бритую кожу чуть выше уха. Теплая кровь заструилась по щеке и губам. Воин ощутил привкус металла и ухмыльнулся, размазывая кровь по зубам и щекам ладонью, словно дикарь, каким его и считали просперрианцы.

Блеснул огонь и перед Бъярки возник воин, светящийся ярким флуоресцентным светом. Рунный жрец вонзил острие посоха ему в живот, и тот опустился на одно колено. Противник ожидал, что Волк отступит, чтобы восстановить равновесие и дыхание, но тот рванулся вперед и низко взмахнул посохом, выбивая землю из-под ног воина. Кулак с размаху опустился на шлем поверженного колдуна, и ледяные лезвия вонзились Волку в ладонь сквозь линзы лицевого щитка предателя. Нечестивый огонь вырвался изо рта воина, а его псионический предсмертный спазм заставил Бъярки почувствовать себя так, будто его осквернили.

Над головой вспыхнуло новорожденное солнце, и рунный жрец прикрыл ладонью глаза.

Сквозь растопыренные пальцы он увидел колоссальную фигуру – красную, парящую, украшенную перьями, в ореоле золотого сияния. Постоянно изменяющийся сосуд божественной плоти, зарожденный в симбиозе науки и магии. Тысячи его форм пронеслись в одно мгновение: странствующий мудрец, крылатый аватар-искуситель, огромное колесо из глаз, вращающееся десять тысяч раз за один миг – лопасть за лопастью – миллионы бурлящих разнообразных форм, которые никогда не будут рождены, и еще больше тех, которые могли бы прийти в этот мир.

Бъярки почувствовал, как тень ужаса вползает в душу.

Магнус Красный.

Они сражались с аватарами Алого Короля на Агхору и Никее, но сейчас перед ними был возрожденный примарх. Раньше они владели оружием, способным противостоять Магнусу: сосуд, чтобы связать его душу, или фантомы, которые были ему равней. Теперь у них не было ничего, кроме умения владеть оружием и силы духа.

Как это ничтожно мало.

Эта мысль длилась всего лишь долю секунды, но ее оказалось достаточно, чтобы разжечь пламя ярости в Бъярки. Они – сыны Русса, воины Волчьего Короля. Для них не существовало проигранных боев или непобедимых противников. Всеотец посчитал нужным привести их в это место, и то, что его, Бъярки, решимость дрогнула при первом же взгляде на врага, привела воина в неистовую ярость.

Он запрокинул голову и завыл так, что кровь бы застыла в жилах у каждой хищной твари на Фенрисе. Это был вой Мирового Волка – ткача вюрда, и сердцебиение вселенной.

Рунный жрец ощутил тлеющее, как огонь, и черное, как сажа, присутствие сыновей Ноктюрна, и ухмыльнулся.

- Что ты делаешь? – спросил Абидеми, чувствуя, как сила приближается к нему.

- Ледяное сердце Фенриса далеко, и его песня – не более, чем шепот на ветру, – пояснил Бъярки. Его голос звучал странно, будто эхом доносился из глубины пещеры. – Но мировая душа Терры... Древняя и могучая. Сила, что движется внутри ее ядра и течет по границам ее плит – величайшая, которую я когда-либо чувствовал.

Бъярки протянул окровавленную перчатку.

- Возьми мою руку, Аток Абидеми, и мы полетим, как драконы льда и пламени!

Драконий Меч схватил его за руку, и Бъярки с силой опустил посох.

Камень под ними раскололся от силы удара, неспособной возникнуть в этом мире, точно древко посоха ручной работы вонзилось в само сердце мира.

Такая мощь. Поистине, куда еще могли завести видения Всеотца, как не сюда...?

Сила потекла по волокнам и изгибам посоха и мощным потоком хлынула в Бъярки и Абидеми, обретая форму наследия чести, которое несли оба воина.

Кинжалы льда и пепла острые, как лезвия, закружились вокруг них, и Волк взмахнул посохом, чтобы усилить неистовую энергию силы, возникшей между ними. Ледяные ветры, кружащие вокруг Бъярки, завывали подобно клыкастым спутникам самого Волчьего Короля, а обжигающий жар пепла покрывал кожу рунного жреца волдырями.

Свет яркой вспышкой взорвался над воинами - пара переплетающихся форм - змеевидных, живых.

Они обвились друг вокруг друга, поднимаясь в воздухе все выше, крича при своем рождении, будто этот мир смертных был им чужд и враждебен. Одна из форм сияла белым, ослепляя своим невероятным блеском - вставший на дыбы волк, сотканный из сказаний и легенд холодного Фенриса. Другая форма была противоположностью первой во всех отношениях - огромный дракон из горящего черного дыма, пронизанный пылающими прожилками расплавленной оранжевой лавы. Его глаза - тлеющие угли, раскаленные в самом сердце кузницы, были готовы испустить пламя, а зубы и когти подобны черным, как смоль, крючьям.

Они поднимались над Бъярки и Абидеми, с воем и ревом сотрясая саму землю, извиваясь вокруг друг друга, пока природа их противоположностей не разлучила их.

Близнецы-аватары обрушились на пылающего светом Магнуса на крыльях горячей золы и с воем возмездия. Ледяные когти рвали примарха, пирокластовые клубы дыма вырывались при дыхании огненного змея. Горящий пепел забил предателям внизу вентиляционные отверстия и ребризеры.

Буря пепла и огня расчищала землю перед разломом, подбрасывая ошметки облученного щебня и обломков. Незащищенная плоть испарялась под действием перегретого пара, замерзшие конечности разлетались вдребезги от малейшего соприкосновения. Слияние с энергиями мировой души Терры - никакое колдовство не могло пробить эту завесу или причинить вред тем, кто за ней стоял.

- Это прекрасно... - прошептал Абидеми. Его голос донесся до Бъярки сквозь бурю.

- Не смотри, - предупредил тот, и голос его дрогнул от напряжения, вызванного столь колоссальными энергиями. - Такие силы не терпят взгляда смертных.

Пылающий дракон обвился вокруг Магнуса, и Бъярки мог видеть трепещущие точки света, порождаемые его движениями. Свет тонких тел тускнел подобно осыпающимся хлопьям пепла, выброшенным угасающим костром. Одинокий волк, никогда не знавший привязи, кружил вокруг примарха, схлопнув челюсти на свете Магнуса, и загоняя его в сердце драконьего гнева.

Волк и дракон наслаждались своей свободой, упивались чересчур смертным желанием разрушать, не зная совести, и сеять хаос, не помышляя о последствиях. За ледяной бурей и клокочущими облаками вулканического дыма свет Магнуса тускнел. Черный дождь, холодный и едкий, хлынул плотной пеленой,

и Бьярки ощутил привкус раскаленного металла и расплавленного камня, поднимающихся из темных глубин Терры.

Он почувствовал, что присутствие Магнуса уменьшается. Это не смерть, нет. Никакая сила, призванная простыми смертными, на такое не способна. Не смерть, но поражение. Бьярки чувствовал ярость Красного Циклопа, его надменную злобу от того, что победу вырвали из рук. Магнус был силен, но его уверенность в собственной непогрешимости и стала его самой большой слабостью.

Бьярки упал на колени, наслаждаясь яростью мирового волка, хотя связь с ним пожирала рунного жреца изнутри. Абидеми упал вместе с ним, не в силах ослабить его хватку – руки воинов сцепились так крепко, словно они были сросшимися от рождения.

Взрывы окрасили воздух, цепь детонаций прошла по разлому. Тяжелое эхо ударов масс-реактивных снарядов разносилось вокруг в нарастающем крещендо. Мельком жрец увидел фигуры транслюдей в кроваво-красном и ярко-золотом.

Тепловые вихри трепали имперские знамена.

- Такое... могущество, - произнес он. - Чувствовал ли ты когда-нибудь нечто подобное?..

- Бьярки, - буркнул Абидеми. - Это... самоубийство... Остановись!

Аток изо всех сил пытался разорвать хватку, но рунный жрец чувствовал, как продолжающий существовать дракон поглощал Саламандру так же, как волк – Бьярки. Он схватил Абидеми еще крепче, связывая себя вместе и не обращая внимания на свое же предупреждение не смотреть в сторону борьбы.

- Надо... держаться..., - выдавил Волк сквозь стиснутые окровавленные зубы. - Магнус должен заплатить!

- Отпусти меня! - потребовал Абидеми и вскочил на ноги, но Бьярки не мог последовать за ним. Его конечности были совершенно обессилены, словно из них были высосаны кости, мышцы и костный мозг.

- Ты должен остановиться! - завопил Абидеми. - Воины Ангела и Дорна уже здесь!

- Нет, брат... - вымолвил жрец. - Не сейчас. Нужно закончить это...

Словно в тумане Бьярки смотрел, как нить его жизни разматывается. Он чувствовал непоколебимую решимость, наполняющую брата Астартес.

Неужели время пришло? Нет, не так скоро...

Он поднял глаза и увидел блеск поднятого древнего клинка.

Среди вспышек огня блеснули черные, как смоль, зубья, которые с ревом, под стать драконьему, рвали воздух. Бьярки отдал все, чтобы вдохнуть жизнь в мирового волка и пылающего дракона. Это продолжало его убивать. Но он воздавал по заслугам Алому Королю и не собирался отказываться от подобной возможности.

И Аток Абидеми знал это.

- Прости, брат, - произнес Абидеми и взмахнул Драукоросом, отрубив Бьярки руку чуть ниже локтя.

Аливия не знала, где находится.

Внизу, в темноте под миром, который, казалось, не должен был ее удивлять. Фундамент Императорского Дворца был древним и уходил глубоко, его строили и перестраивали тысячи раз на протяжении тысячелетий. Ни один картограф никогда не сможет положить на карту его запутанные пути, и ни одна технология не сможет помочь проникнуть в его бесконечно извилистые проходы.

Но никто не знал эти тайные ходы лучше Малкадора.

Проход, по которому он вел Аливию, был таким узким, что она могла следовать за Сигиллитом только след в след. Стены были выложены черной глянцевой плиткой – неприятно скользкой на ощупь и на подозрение без пыли и трещин. От странно расположенных под углом стен туннеля, наряду со смещенным рисунком непохожих друг на друга плиток и их непропорциональными размерами, по спине Аливии пробежал холодок. Не было двух одинаковых плиток, и женщина подозревала, что существовало некое принципиальное отличие между ее человеческим восприятием и восприятием строителей туннеля.

С каждым поворотом вниз таяла ее уверенность в том, что она сможет вернуться на поверхность к ничем непримечательной двери в основании барабанной башни, через которую они начали это путешествие.

С заявлением Промея о том, что Магнус атакует Западное Полушарие, воинов Своры будто смыло волной. Перед тем, как захлопнуть за собой дверь, Бьярки оглянулся на нее, и на единый миг ей нелепо показалось, будто он ждет, что она последует за ним.

Конечно, у Аливии были кое-какие навыки владения оружием, и да, она убила больше людей, чем хотела бы помнить, но она не была солдатом. Она не стояла в строю со времен завоевания Беотии и Эвбеи. И сейчас была не та война, где персональные боевые способности имели хоть какое-либо значение.

Но Бьярки лишь бросил предостерегающий взгляд на Малкадора.

- Смотрите, берегите свой вюрд, госпожа Сурека, – сказал он, прежде чем исчезнуть вместе с братьями.

Обнаружив, что слишком долгое разглядывание странно изогнутых плиток вызывает у нее легкую тошноту, Аливия старалась не отрывать взгляд от спины Малкадора. Здесь было холодно, и она была благодарна теплой подкладке толстого пальто. Сборник сказок Вивьен уютно устроился во внутреннем кармане – это дочь, чуть не плача, настояла, чтобы Аливия взяла его с собой, перед тем как отправиться на встречу с Малкадором. Женщина с благодарностью приняла его, понимая, что времени прочитать любую из многочисленных историй у нее будет мало.

Чтобы согреть голову, она надела толстую ушанку с меховыми отворотами. Медная кокарда на ней изображала пару скрещенных копий над серебристым черепом. Что это был за полк, осталось загадкой, и Аливия надеялась, что какой-то солдат на стене не отморозил уши из-за ее мелкой кражи.

Малкадор тоже утепился в тяжелую меховую мантию и толстый, похожий на тюрбан, головной убор, хотя женщина подозревала, что его попытка согреться была притворством. Однако пальцы, сжимавшие черный оникс посоха, выглядели бледными и бескровными, так что, возможно, он действительно чувствовал холод.

- Ты все еще не сказал, куда мы идем, – сказала она. Ее голос отозвался странным эхом, словно глянцевые черные стены отражали звук не совсем так, как следовало.

- И не буду, - ответил Малкадор. - Говорить о чем-то - значит зафиксировать это место, а пути, которыми я должен провести нас через Дворец, заставят нас заблудиться только в случае, если наша цель будет названа.

- Всегда загадки. Это одна из многих, многих вещей, которые я ненавижу в тебе.

Малкадор огляделся, словно опасаясь, что его подслушают.

- Я не пытаюсь обмануть тебя, Аливия, но ты не хуже меня знаешь, что о некоторых вещах так просто не говорят.

- Это из-за аномальности туннелей, так?

- Нет, это не так, - признался Малкадор. - Иногда даже мне приходится двигаться невидимо через варп и сквозь ткань замысла Великого Архитектора.

- А Император знает об этих туннелях? А хранители? Думаю, Вальдору было бы очень интересно узнать, что во Дворце есть тайные ходы, о существовании которых даже он не подозревает.

- Каждый из нас защищает Императора по-своему.

- И я предполагаю, Вальдор не одобрит твой путь. Почему?

- Преданность кустодиев - за гранью воображения, за пределами любого понимания, которого ни мне, ни тебе не постичь. Она буквально закодирована в их генах и душах, и, хотя эта железная преданность необходима, иногда она слишком догматична, чтобы позволить принять какой-либо вариант, который может подвергнуть опасности их повелителя.

Аливия остановилась, потрясенная настолько, что Малкадору пришлось дать ей пощечину.

- Это, чем бы это ни было, подвергает Императора опасности?

- Может и так. Но это Его собственный замысел, его собственный выбор, - сказал Малкадор.

- Почему?

- Искупление.

- Искупление? Чье?

- Возможно всех нас, - Малкадор развернулся и зашагал прочь.

Аливия покачала головой. Неужели больше не осталось ничего простого?

А когда все было просто?

- Ну, если ты не хочешь сказать, куда мы идем, то хотя бы скажи, зачем я тебе нужна, - потребовала Аливия. - Что такого могу сделать только я, что ты готов был выслушать Джона и облегчить моей семье переход на Терру? А затем дать им убежище во внутренних стенах Дворца. Скажи мне, и больше никаких загадок, иначе, клянусь, я придушу тебя прямо сейчас.

- Я же сказал, ты нужна мне, чтобы спасти Императора.

- Я полагаю, это было небольшое представление для Промея и Волков. Скажи мне истинную причину.

- Вот тебе истинная причина, - сказал Малкадор, останавливаясь, чтобы передохнуть. - Я знаю, ты мне не доверяешь, Аливия -

Она горько рассмеялась.

- Ты никогда не давал мне повода тебе доверять. За все долгие годы, что я знаю тебя, знаю Его, можно по пальцам одной руки пересчитать, сколько раз ты давал мне прямой ответ.

- Цивилизации не завоевываются и не удерживаются людьми, которые дают прямые ответы.

- Какое утомительное мировоззрение.

Малкадор вздохнул, устав от ее колкостей, и продолжил:

- Война с Хорусом идет на многих фронтах. Он сражается с такими выдающимися стратегами, как Рогол Дорн и его братья, он сражается через прицел скромного лаз-пехотинца, такого как этот юноша из Шестнадцатого Арктического Хорта, чью ушанку ты носишь.

Аливия сняла шапку и, прищурившись, посмотрела на полковой герб.

- Война ведется и теми, кто находится в тени, кто должен взвалить на себя бремя решений, слишком тяжелых для других, кто должен сделать трудный выбор, с которым никто и никогда не должен был столкнуться.

Здесь он остановился и оглянулся на Аливию.

- И еще ее ведут те, кому по силам вынести многочисленные страдания, которые влечет за собой столь долгая война.

- Так вот почему мы с Джоном здесь? А как насчет остальных? Олл? Пританис? Что с ними? Они тоже здесь?

- Некоторые. И они тоже сыграют свою роль. Кто-то охотно, кто-то не очень.

- Джон здесь? Во Дворце, я имею в виду?

Спутник Аливии помедлил, прежде чем ответить.

- Где бы Джон не находился, он там, где должен быть.

Малкадор подвел их к конусообразному дверному проему, едва ли достаточно высокому или широкому, чтобы они могли войти. У Аливии возникло ощущение огромного пространства за пределами портала. Она почувствовала, как холодный ветер ласкает кожу ее щек, неся с собою привкус соли, будто она на пристани среди морских брызг. На вкус воздух не был похож ни на один, которым она дышала на Terre. Он казался старым и мертвым.

Она нырнула внутрь, и на мгновение ее охватило невероятное головокружение от перехода из замкнутого пространства в огромную пещеру, потолок которой поднимался до небес и падал в бездонную пропасть, отзывающуюся эхом шума водопадов.

Аливия опустилась на одно колено, припав ладонью к земле, чтобы не упасть.

Малкадор дотронулся до ее плеча. Сила его хватки была удивительной для такого хрупкого человека с усталым видом. Она вздрогнула от отвращения. Он не коснулся ее кожи, но реакция женщины была

сродни инстинкту приматов на прикосновения существ, извивающихся и ползающих в темноте.

- Аливия?

- Не прикасайся ко мне больше, - сказала она, глубоко вздохнув.

Он кивнул и двинулся дальше.

- Тогда следуй за мной. И держись рядом.

Она поднялась на нетвердых ногах и последовала за ним по мосту, который дугой раскинулся над пропастью в сторону далекой колонны из красного камня, выглядевшей, здесь на Terre, совершенно чуждой.

Прямоугольные ступени по спирали тянулись вниз, в темноту.

- Определенно это необычные ходы, - высказалась Аливия.

- Они заброшены еще до того, как в горах над нами был заложен первый камень первой крепости, - сказал Малкадор. - Строители Ленга знали об этих подземных путях, но со временем отказались от них. Некоторые метки здесь принадлежат им, но они давно покинули это место - еще до того, как Император открыл врата, запечатанными ими.

- Как ты здесь передвигаешься? - спросила Аливия. - У меня такое чувство, что нет никаких ориентиров. По крайней мере, не в обычном смысле.

- В них есть смысл, если ты знаешь, куда смотреть и как их читать, но даже я иду по этим путям с осторожностью. Путь, который был открыт один раз, может оказаться закрытым в другой. А пути, которых ранее никогда не существовало, теперь могут заманить неосторожного путника.

- Ты когда-нибудь здесь терялся?

- К счастью, нет. Но я видел кости тех, кто имел это несчастье.

- Что ж, это обнадеживает.

- Пойдем, - позвал Малкадор. - Держись ближе, и я покажу тебе, где ходили боги.

- Я видела такие места, - сказала Аливия. - Они наполнены кровью и телами смертных.

КНИГА ТРЕТЬЯ: ЗАЛ ЛЕНГ

8 Главная роль

Масштабы опустошения было сложно осмыслить.

Глядя сквозь треснувшее и затянутае пленкой бронестекло кружащего «Штормового орла», Промей догадался, что весь девятнадцатикилометровый участок Западного Полушария принял на себя основную тяжесть последней атаки.

По всей стене полыхал огонь, и черный, как сажа, дым окутал крепостные валы.

Завеса пыли и распыленной крови наполняла каждый вдох привкусом металла.

Стена целиком представляла собой сцену ужаса, но Промей сосредоточил свой взгляд на разломе, где взорвался атомный заряд.

- Уровень радиации слишком высок для не-астартес, - отметил пилот по воксу.

Его звали Кандалло, и он был стойким воином в желтых доспехах Имперских Кулаков. Его правая рука отсутствовала, как и большая часть левой ноги. Нейро-активаторный кабель крепился к обрубкам армированной проволокой, что позволяло воину управлять «Штормовым орлом» одной рукой, пока его не снабдят аугментикой, которая позволит вернуться на передовую.

Потрескивание радиационного счетчика судна становилось настойчивым, и в итоге превратилось в непрерывно гудящий фон, перекрывающий даже оглушительный рев двигателей «Штормового орла».

- Я принял высокую дозу противорадиационных препаратов, - сказал Промей, - и к тому же не собираюсь задерживаться здесь надолго.

- Каждая минута на этих уровнях тянется слишком долго.

- Тогда я буду действовать быстро.

- Будьте уверены, так и придется.

Промей знал, что приближаться к последствиям атомного взрыва было безрассудно опасно, но ноющее ощущение чего-то ужасно неправильного грызло его изнутри так, как голодная собака вкусную кость. Он не знал, что именно шло не так - только то, что так не должно быть в фундаментальном смысле.

Кандалло вел штурмовик низко со стороны северо-востока, держась как можно ближе к разрушенным крышам. Воздушное пространство внутри «Эгиды» жестко контролировалось, и все, что находилось в воздухе, считалось мишенью, если не было доказано обратное. Разрешение на полеты в пределах Дворца исходило от самого Сигиллита - по причине связи между Промеем и Магнусом - и даже при этом, на простом ментальном уровне было очевидно, что орудийные сервиторы на стенах отслеживают их передвижение.

Промей пытался и не мог осознать масштаб сражения, которое здесь произошло - как невозможно было охватить и любое другое сражение в этой осаде. Бесчисленные трупы усеивали стены и склоны перед ними - тела растерзаны, ужасно изуродованы и расчленены настолько, что по останкам невозможно было даже предположить количество погибших.

Тысячи? Десятки тысяч? Просто еще один день, еще одна ночь на Терре.

Сотни раненых, покрытых кровью, в состоянии травматического шока, ковыляли подальше от стен. Многие потеряли конечности и, казалось, даже не замечали этого, либо несли их в свертках из своей униформы. Несчастные, ослепленные вспышками, передвигались на ощупь вдоль стен или опирались на своих рыдающих товарищей. Число погибших здесь было пугающим, но раненых было во много раз больше.

- Даже если мы победим, то какой ценой...? - прошептал Промей.

Его взгляд задержался на группе Кровавых Ангелов, пробирающихся сквозь толпы раненых. В ярости атаки огонь слизал красный цвет с доспехов Астартес. Что-то в их манере держаться показалось Промею необычным, но дрейфующий туман скрыл землю, а когда развеялся, то они уже исчезли из вида.

Человеческие останки перемешались с телами Астартес и других существ из плоти, покрытых включенной шерстью, чешуей или грубой кожей. Атака не закончилась с прибытием IX и VII легионов – потребовались объединенные усилия Кровавых Ангелов, Имперских Кулаков и армейских резервов в загерметизированных танках, чтобы сбросить Тысячу Сынов и их звероподобных союзников со стены. Тварей опалила радиация, и их истощенные тела покрывались волдырями, а плоть стекала с костей, но они продолжали сражаться зубами и когтями, лишь бы удержать стену.

Кровавые Ангелы Тамаи закрепились по флангам разлома, а нерушимая стена Имперских Кулаков во главе с Иаконом удерживала и восстанавливала центр. Над стеной дрожала дымка разогретого воздуха, отряды зачистки заливали брешь быстросхватывающимся локритом, укрепляли поверхность арматурой с дробеструйным упрочнением, устанавливали генераторы отражающего поля на уцелевших частях бруствера.

- Двенадцать часов, и Имперские Кулаки смогут восстановить жизнеспособность этой стены, – отметил Кандалло.

- Время – единственное, чего у нас нет, – сказал Промей, вглядываясь в гряду из дыма и тумана, вздымающуюся над стенами, и готовую, подобно цунами, обрушиться на Дворец и всех его обитателей. – И неважно, на что способны твои братья, этого будет недостаточно.

Тени дергались и мелькали в тумане – мимолетные образы когтей и рогов, зубов и немигающих глаз. Такая злоба была скрыта внутри – дикая, неистовая.

Давно минули те упоительные, беззаботные дни, когда они с Каллистой, Камиллой и Махавасту сидели под навесом за чашкой рекафы и спорили, почему же их назначили летописцами в XV легион. Тогда в галактике все было логично, и мысль о том, что Тысяча Сынов последуют за Воителем по пути предательства, была абсурдной.

Предательство.

Само это слово оставляло привкус пепла во рту.

Промей едва мог заставить себя произнести его, даже после всего увиденного и сделанного им.

«Штормовой орел», направляемый Имперским Кулаком в доспехах, пропитанных кровью настолько, что бывший летописец сначала принял его за одного из воинов Ангела, накренился и начал быстрый спуск по спирали. Промей отстегнулся от грави-кресла, когда дверь кабины экипажа откатилась и горячий воздух хлынул внутрь – тотчас кровь прилила к коже, а сердцебиение участилось. Он ощутил вкус тяжелых металлов, изотопных токсинов и едких испарений, окутавших Западное Полушарие.

- Помни, не задерживайся здесь, – предупредил Кандалло.

Промей кивнул и сошел с корабля. Толстые резиновые подошвы его ботинок словно таяли под действием жара, отчего с каждым шагом идти становилось скользко. По ту сторону стены передвигались тысячи воинов – трансляды в тяжелых боевых доспехах, солдаты в противогазах и еще множество разнорабочих трудились над тем, чтобы укрепить повреждения.

- Здесь не место для смертных, – добавил пилот.

- Я уже слышал, – ответил Промей.

- Ты должен вернуться на корабль и улететь, – настаивал воин.

Промей покачал головой.

- Я ищу Бёдвара Бъярки, воина Шестого Легиона.

Имперский Кулак ткнул пальцем в сторону ряда палаток из пластика, установленных под укрытием стены - наспех развернутый пункт помощи.

Промей хотел было поблагодарить его, но воин уже удалился, стирая своим уходом всякое воспоминание о своем присутствии. Летописец пожал плечами и, крепко сжимая вещмешок, поспешил к станции помощи, откуда раздавались громкие ругательства на футарке. По периметру лагеря образовались озера мутной воды, в воздухе висели резкие запахи антисептиков.

Он протиснулся сквозь резиновую ленточную завесу и ощутил тяжелый запах щелока и теплый металлический привкус обеззараживающего душа. Внутри станция была заполнена воинами Астартес - с кабелей и уязвимых сочленений их брони смывали радиоактивную пыль. Среди Кровавых Ангелов и Имперских Кулаков нетрудно было заметить Свафнира и Ольгира. Они стояли с поднятыми руками, пока медикэ в защитных костюмах поливали их из шланга хлорированной водой и скребли доспехи щетками с жесткой щетиной.

Оба Астартес, похоже, находили этот процесс дико забавным и посмеивались над не слишком бережным обращением медикэ. Там, где цвета их Легиона были стерты радиацией и чисткой, теперь блестели пятна обнаженного металла.

Раквильф увидел приближение Промея и спросил:

- Тоже пришел принять освежающий душ, вюрд-призрак?

- Эти люди со щетками, они щекочут, - добавил Виддоусин.

- Где Бъярки? - спросил Промей.

- Там, - кинул Свафнир и сплюнул сгусток мокроты в угол.

Промей пробрался сквозь толпу персонала в защитных костюмах и воинов в доспехах и обнаружил рунного жреца, сидящего на пустом ящике из-под боеприпасов. Воин в незнакомой броне склонился над Космическим Волком, орудуя над чем-то, невидимым летописцу.

Над ними возвышались двое воинов в мокрых, блестящих от влажности доспехах, которым был нанесен такой урон, что Промею потребовалось время, чтобы понять - воины принадлежат XVIII легиону. Как и у Волков, большая часть расцветки брони была выжжена и стерта, отчего доспехи казались лоскутным одеялом из зеленого нефрита и необработанного керамиита.

- Саламандры? - спросил Промей, и оба воина повернулись в его сторону.

Они враждебно ощетинились, и тот остановился, широко раскинув руки.

- Промей? - заговорил Бъярки, не поднимая глаз. - Даже сквозь вонь дезактиваторов я чую твой запах - твой пот отдает тухлятиной гроссвалура. Но ты не должен здесь находиться, если только не хочешь помыться. Кругом радиация. Это очень плохо для смертных, как мне говорят. Для нас тоже плохо, но не настолько, чтобы убить.

- Ты видел его?

- Кого?

- Магнуса, кого же еще? Ты... Погоди, а что с твоей рукой?

Саламандра, стоявший спиной к Промею, выпрямился, открывая взору плоды своих трудов - заделанную культю на месте левой руки Бьярки. Битый металлический колпачок прикрывал обрубок руки и грубой скобой крепился к броне воина. Рука Промея из плоти и крови невольно потянулась к фарфоровой гладкости его собственной аугментики, возвращая к воспоминаниям о Камити Соне и мучительном огне, который сжег его конечность.

Бьярки заметил этот жест:

- Йа, теперь я знаю твою боль, летописец.

- Что случилось?

Бьярки кивнул на возвышающегося Саламандру и объявил:

- Мой новый брат, Аток Абидеми, разрубил ее своим большим ублюбочным мечом.

Промей кинул взгляд на чудовищный цепной меч с острыми зубьями за спиной воина и ни на секунду не усомнился, что им можно отрубить руку.

- Но зачем?

- Чтобы он не угробил нас обоих, - голос воина, которого Бьярки назвал Абидеми, напоминал рокот извергающихся пород в жерле вулкана.

- Он прав, - подтвердил Волк, будто вопрос о его отсутствующей руке не имел никакого значения. - Сила мирового волка подобна избытку дзиры. Стоит ей только проникнуть в кровь - и устоять перед желанием продлить эти ощущения еще немного становится все труднее, даже если они убивают нас. Я использовал свою силу и силу Атока, чтобы проявить мощь наших легионов и облечь ее в могучего дракона пепла и огня и лютого волка из вечных льдов. Какое зрелище, Промей, достойное твоего пера! Они растерзали Красного Циклопа и, клянусь Всеотцом, пустили ему кровь. Видеть, как он страдает... ах, это было прекрасно, слишком прекрасно. В своей ярости, я мог бы убить нас обоих с Атоком, лишь бы продлить мгновения, когда монстр истекает кровью...

- Ты его ранил? Ты действительно ранил Магнуса Красного?

- Да, мы это сделали!!

Воин, которого назвали Абидеми, смерил Промея холодным взглядом.

- Это тот, о котором ты говорил? - спросил он, выпрямляясь в полный рост. - Тот самый, кто какое-то время был вместилищем души Алого Короля?

Слова были наполнены гневом, словно Абидеми готов был схватить свой ужасный меч и рассечь Промея надвое.

- Это он, - ответил Бьярки, разминая то, что осталось от руки. - Выглядит он не очень, но в нем есть сила. У тебя нет причин беспокоиться о его верности, огнерожденный. Его вюрд и вюрд Красного Циклопа больше не переплетены, но помнят друг о друге. Это Промей предупредил нас о присутствии предателя в Западном Полушарии.

Абидеми склонил голову набок, оценивая его. Сердце Промея тяжело застучало в груди, когда Саламандра поднял меч, но лишь для того, чтобы вложить его в наплечные ножны.

Воин сделал шаг в сторону человека, впившись в него своими горящими глазами.

- Почему ты здесь? - последовал вопрос. - Ты, должно быть, знаешь, что эта местность смертельно опасна для смертных, и все же ты пришел. Почему?

Промей с трудом удержался, чтобы не отступить перед громадой Саламандры. Черная кожа и горящие глаза воина были совершенно нечеловеческими, но он увидел в них нечто знакомое.

- Потому что что-то здесь не так. Не знаю, что именно, но в этой атаке нет никакого смысла. С тех пор как войска Воителя атаковали стены, мы ничего не слышали о Магнусе, кроме нападения на Горгон Бар и Колоссы. Почему Западное Полушарие? Почему сейчас? Зачем использовать оружие, чтобы сделать брешь в стене и не воспользоваться подавляющим численным превосходством? Зачем так легко сдаваться после такого прорыва?

- Ты полагаешь, Сыновья легко сдались? - за спиной раздался голос, принадлежащий титану с непомерно огромным молотом на плече. До сих пор Промей не замечал, что оказался зажатым Саламандрами.

Несмотря на заверения Бьярки, они ему не доверяли.

В их глазах он был запятнан связью с Алым Королем.

- Расскажите, что случилось с Магнусом, - попросил Промей. - Все вы. Ничего не упускайте.

Абидеми начал рассказ, наполненный сухими фактами, и Промей позволил своим псионическим чувствам медленно выскользнуть, рисуя в воображении то, что Саламандра видел и чувствовал. По мере того, как Бьярки добавлял к повествованию Атока свои собственные комментарии, в голове Промея складывались все новые подробности.

В своей предыдущей жизни - до избрания в орден летописцев; до скитаний в безуспешных поисках лекарства для своей умирающей жены по всему земному шару - он использовал свои псионические способности, чтобы считывать ауры тех, с кем вел дела, отделять правду от лжи и следовать своей сверхъестественной интуиции, чтобы накопить несметные богатства.

Теперь он превращал воспоминания этих воинов в ментальную проекцию в своем сознании, созерцая ожесточенную борьбу на крепостных валах - дым, кровь, крики и грохот артиллерийских залпов. Он ощутил жар рождения дракона и пронизывающий до костей холод волчьего дыхания. Зрелище было столь потрясающим, что его смертное сердце дрогнуло при видении фантомов.

Это были освобожденные души Легионов Бьярки и Абидеми, и только безумец не отпрянул бы в ужасе при виде такой чистой разрушительной силы, принявшей их форму.

Мы обуздали силу монстров для нашего дела.

Он застыл, наблюдая, как аватары Легионов обвилились вокруг сверхъестественной фигуры Магнуса, терзая его когтями и кромсая зубами, распарывая и разрывая чистое золото закованной в броню формы. Промей ощутил вкус черного дождя, схожего с ливнем, заполнившим последние мгновения жизни Просперо. Он не был свидетелем того потопа, не ощущал его пепельного, горького привкуса, но осколок души Алого Короля видел его и пробовал на вкус. Поэтому воспоминание было таким же ярким, как если

бы Промей сам стоял среди пламени пожаров, в которых горела Тизка.

Он видел, как Магнус кричит от боли, и понимал нежелание Бьярки отпустить силу, которая заставила страдать его самого ненавистного врага. Сверкнуло золото, красное свечение в истерзанном небе – и все кончено. Сыновья отступили, их богоподобный хозяин исчез из виду.

Рассказ был окончен, и Промей почувствовал, как жар и лед аватаров-близнецов покидают его тело, и он был рад их уходу. Он прокручивал в своем сознании последние мгновения, снова видя агонию Магнуса, страх в его глазах, когда он покидал поле битвы.

Снова.

Волк и дракон вгрызаются и терзают.

Снова.

Золотая молния. Треск вытесненного воздуха. Осколок золота, порыв загрязненного воздуха.

Снова.

Страх в глазах Магнуса.

Нет. Он хотел, чтобы любой, способный думать, расценил увиденное именно так.

Промей повернулся к Абидеми.

- Ты видел, как он отступил? Магнус? Ты видел, как он отступил со своим Легионом?

- Да, - ответил Абидеми.

- Ты уверен? Абсолютно уверен?

- Да, - отрезал Абидеми. - Мои глаза пронзают дым и огонь лучше, чем у любого человека здесь. Я видел его разбитым и истекающим кровью. Я видел, как он побрел назад и скрылся в смоге.

- Точно? - настойчиво спрашивал Промей. - Мне нужно знать, что ты видел, когда он отступал.

- Да, точно, - добавил Бьярки, вставая и подбирая свой посох. - Зачем тебе знать, что мы видели?

- Я думаю, вы видели то, что он хотел, чтобы вы увидели, - проговорил Промей, повернулся и выбежал из пункта помощи. К животу подкатывало ужасное ощущение, выворачивающее внутренности наизнанку. Возможно, это были предвестники радиационного отравления, но он так не думал. Его сознание было переполнено образами Магнуса в битве с волком и драконом. Промей потянулся разумом далеко за разрушенные битвой стены Западного Полушария.

Азек Ариман научил его, как продвинуть свой разум дальше, за границы своих возможностей, и ирония того, что теперь он, Промей, обращал обретенные знания против Тысячи Сынов, не ускользнула от него.

Он рухнул на колени, ощутив самые крайние проявления ненависти, ужаса и безумия, что бушевали за стенами. Трясина разумов – сломленных и поработанных, океан немощи – в осколках отравленного стекла, что поселились в каждом сердце и каждом глазу.

Среди миллионов светлячков – огней разумов смертных и Астартес горели большие солнца, такие яркие, что больно смотреть. Когда-то могущественные души, связанные высшей целью, а теперь обреченные на

погибель из-за собственных деяний. Промей был не настолько силен, чтобы назвать их по имени или увидеть их чем-то иным, кроме как проклятым светом невероятно мощных звезд.

Но даже среди этих окаянных солнц – одно – должно было гореть ярче всех остальных.

- Тебя там нет... – наконец вымолвил Промей.

- О чем ты? – спросил Абидеми.

Летописец развернулся лицом к Саламандрам и Космическим Волкам, глядя мимо них в самое сердце твердыни Императора.

Теперь он понял источник гложущего его страха.

- Алый Король... Он во Дворце.

Они двигались мимо защитников, подобно призракам.

Подобно хищникам в глубине охотничьих угодий карнотавров.

Воздух был наполнен радиацией и страхом.

Неужели это конец?

Кто позаботится о моих детях, когда меня не станет?

Император защищает.

Я не хочу умирать.

Император покинул нас.

Возьми его, а не меня.

Пятеро двигались против людского потока, направляясь на восток от руин Западного Полушария. Над головой, посреди полосатых следов ракет и атмосферных взрывов, вспыхивали разрывы снарядов. Они имитировали тяжелую походку раненых и искалеченных, которые просто брели прочь от последствий сражения.

Будто можно было спастись от ужасных убийств, которые происходили каждый день.

Магнус осмотрел боевые доспехи своих сыновей – Аримана, Амона, Менкауры и Атрахасиса – на них все еще виднелся горделивый алый цвет и тусклый волнистый круг на наплечниках. Символ, который отмечал их связь со службой Воителю.

Но я...

Для любого, кто смотрел на него, Магнус теперь представлялся в обманчивом облике верноподданного линейного воина – прочные доспехи Марк IV, на битом наплечнике – крылатая капля крови IX легиона.

Он чувствовал растерянность своих сыновей от того, что их генетический прародитель вдруг стал одним из них.

- **Тебе неловко видеть меня таким?** – спросил Магнус.

Его спокойный, успокаивающий и уверенный голос был лишен привычной властности.

+ Как и любому из твоих верных сыновей, мой господин, + отправил Ариман.

- Говори вслух, - предупредил Магнус. **- Охотники будут настороже на случай псионических аномалий в Санктум Импералис.**

- Прошу прощения, мой господин, - сказал Ариман, - но мне трудно примириться с осознанием того, что мой примарх в образе противника. Даже величайшие мастера-Атенеицы воспротивились бы психическим манипуляциям такого колоссального масштаба.

Тысячи врагов окружили их: Астартес, верные Императору, Армия, Механикум, гражданские и мигу. Но никто из них на самом деле не видел Тысячу Сынов в своем окружении. Неотточенные разумы смертных и их прежних братьев давили на сознание Аримана, как загрязненный океан, вздымающийся, чтобы поглотить райский остров.

- Эти войска не заботит наше присутствие, - сказал Магнус. **- Они мыслят лишь категориями ужаса, который испытывают ежеминутно, и страха боли - своей и той, что могут причинить в ответ.**

- Ты мой примарх, - возразил Ариман. - Я видел, как твоя сила перенесла целый город через галактику, но это... Как это возможно, что мы идем - невидимые - по логову наших врагов, под их телэфирным щитом?

- Взгляни вверх. Что ты видишь?

- Пульсирующий блеск света нефтепродуктов, преломляющегося сквозь щит «Эгиды».

- И?

- Узоры. Хаотично образующиеся фракталы там, где разрушается щит, - добавил Ариман, и Магнус ощутил, как концентрация его сына уходит, следуя за бесконечными разветвлениями разноцветного света. - Я чувствую, что более глубокий смысл мог бы раскрыться, будь у меня время его разгадать.

- Осторожно, - предупредил Магнус. **- Не оставляй пятое перечисление.**

Ариман снова сосредоточился на самой непостоянной из золотых ступеней.

- Что ты видишь, мой господин? - спросил Менкаура.

- Я вижу свет. Отраженный свет, который касается сетчатки каждого вокруг нас. Удивительная сложность биологических механизмов человеческого глаза превращает фотоны в электрические сигналы, которые интерпретируются мозгом. При нормальных обстоятельствах, если бы мозг защитников правильно их считывал, они воспринимали бы наш истинный облик. Но я убеждаю мозг всех этих людей игнорировать поступающие импульсы. Мы видимы в формах, которые для их восприятия выбираю я.

- Некогда я совершал столь изощренный обман с одним человеком. - сказал Амон. - Но взломать нейробиологию системы убеждений стольких душ одновременно...

- Эти мужчины и женщины совершенно измотаны. После нескольких недель постоянного ужаса их умственные способности сведены почти до уровня сервиторов. Все это

облегчает манипулирование столь многими разумами, не привлекая психическое внимание сторожевых псов Внутреннего Дворца, хотя «легче» - громко сказано.

- Не каждый разум здесь настолько притуплен, - сказал Менкаура, окидывая опытным взором лица имперских солдат.

Магнус кивнул.

- Да, некоторые из них одарены сверх минимальных способностей, есть в них сокрытые искры, которые даже под малейшем присмотром можно было довести до совершенства. Насколько их подавленная чувствительность позволяет мне защитить нас, настолько и грустно осознавать, что ни один из этих разумов никогда не достигнет даже малой доли своего истинного потенциала. Это то, что мы изменим, когда все закончится, когда мы сможем создать подходящий психический геном.

Магнус уловил от Аримана вспышку воспоминаний, которую тот быстро подавил, но недостаточно для того, чтобы его сыновья могли считать, будто он не узнает.

Потрепанный «Штормовой орел», обшивка корпуса цвета тусклой охры.

Мимолетное мгновение связи ворвалось в его голову.

Исключительный ум внутри...

- **Лемюэль Гамон**, - произнес Магнус и почувствовал, как Ариман вздрогнул при упоминании человека, который как тень следовал за ними еще до восстания Воителя. - **Я тоже почувствовал его присутствие. Частица моей души побывала в его плоти. Разве нет?**

Ариман помедлил, прежде чем ответить.

- Меня беспокоит, что он здесь, милорд. Я думал, он уже умер.

Магнус покачал головой.

- Мы все так думали, но это ничего не значит, Азек. Величайший конфликт, когда-либо видимый галактикой, достигает своей кульминации, и действующие лица этой драмы должны собраться вместе. Кто еще в этой трагедии, от ведущих актеров до хора, смог бы получить более значимую роль?

- Я почти дотянулся до его мыслей, - сказал Ариман, оглядывая кишачье море имперских душ. - Даже при мысли о Лемюэле моя хватка ослабевает.

Магнус понял истинный источник тревог Аримана. Его это тоже тронуло.

- Ты чувствуешь их всех, да? - спросил Магнус, рассеянно блуждая взглядом по обреченным защитникам отцовского дворца. - **Их разумы. Все их мысли и страхи.**

- Да, - ответил Ариман. - Великодушие и убогость, и все, что между ними.

- Осознание смертности выявляет лучшее и худшее в человечестве.

Женщина, что посещает тайные сборища поклонения тому, кого они называют Святым, и мечтает о вознесении на небо на своих серебряно-золотых крыльях.

Мужчина, что спит со своим командиром в надежде на то, что его отправят на часть стены, где еще не идут бои.

Человек, убивший свою жену и отправившийся добровольцем на Западное Полушарие, ошибочно полагая, что его смерть как-то искупит содеянное им.

Мальчик, который думал, что эта битва станет великим приключением, но теперь открыл для себя истину, что война – это ложь.

Так много разумов, так много мыслей.

По правде говоря, Магнус наслаждался чистым высокомерием этого предприятия.

К тому времени, когда Промей отправил сообщение в Бастион Бхаб о вторжении Алого Короля, Бьярки уже экспроприировал транспорт. Выйдя из пункта помощи, летописец увидел, как Волк подкатил на кузове из металлических пластин, установленном на четырехгусеничном шасси, с носовой башней, оснащенной чем-то вроде роторной пушки. Виддоусин взобрался на борт, чтобы взять на себя верхнее орудие. Трое Саламандр в это время с подозрением кружили вокруг машины.

Рунный жрец спрыгнул с бронированной боковой двери и ударил оставшимся кулаком по пыльной, покрытой шрамами от пуль обшивке машины.

- Вы только посмотрите! – воскликнул он. – Человек, который отдал мне это, сказал, что оно называется «Тавроксом».

- Более уродливой штуки я не видел, – сказал Промей. – Трон, она вообще безопасна? Выглядит так, будто ее разграбили нордафриканские рад-падальщики после того, как ее бросила армия, даже не потрудившись восстановить.

- Никто из нас не красавец, – возразил Бьярки, ухмыляясь и демонстрируя отрубленную руку. – Кстати, Барек Зитос мне поведал, что таврокс – легендарный зверь их родного мира. Хороший знак, йа?

- Таврокс – смертельно опасный зверь Арридийской равнины, – сказал Зитос, закидывая молот за плечо.
- Я всегда хотел убить такого быка, но теперь уже вряд ли.

- Отдал? – обратил внимание Промей, постукивая костяшками пальцев по потрепанной обшивке. Посыпались хлопья ржавчины.

Бьярки пожал плечами.

- Он им уже не пользовался, а экипаж мертв.

- О, ну что ж, теперь я буду чувствовать себя намного лучше во время поездки.

- Это не Громовой волк, но, по крайней мере, он быстрый.

Бьярки подкинул посох и прислонил его к корпусу «Таврокса», пока Абидеми вертелся у двери кабины экипажа. Прежде чем Саламандр успел взобраться на борт, Волк окликнул:

- Аток, друг.

Абидеми обернулся, его темная кожа блестела от пота, а глаза загорелись новой целью.

Бьярки стоял перед ним, а Свафнир Раквульф кружил позади, точно член стаи, отрезающий добыче отступление. Обезображенный охотник протянул собрату свое зазубренное копьё и сложил руки на груди, как прирожденный защитник.

- Мы с тобой пришли на Терру совершенно разными путями, - начал Рунный жрец. - Как обтрепанные концы длинной старой веревки. Но теперь вюрд говорит мне, что наши нити переплетаются, становятся единым целым.

Бьярки постучал наконечником копьё по нагруднику своих доспехов, в месте, где он вырезал угловатую фигуру чего-то, похожего на голову ревущего дракона.

- Ты пролил кровь Фенриса, чтобы спасти мою жизнь, и это делает нас братьями.

Он развернул гарпун, расположив его голову чуть выше обрубка своей искалеченной руки, наконечник нацелился в сердце Абидеми.

- И чего же ты хочешь? Пролить немного моей?

Бьярки рассмеялся.

- Нет, брат, но мы связаны. Волк и Дракон, воины льда и пламени. Нельзя оставить такой символизм неотмеченным. Я вырежу символ на твоём доспехе, как вырезал на своём - Ужасающего Кромсателя, глубинного дракона края вечной жажды. Огонь - его кровь, но лед - его шкура, покрытая чешуей.

Рунный жрец направил гарпун вперед, но острие едва только не коснулось темно-зеленой пластины Абидеми, как Саламандр перехватил его и покачал головой.

- Эта пластина была возрождена в недрах горы Смертопламя, выкована сокрушающим молотом самого Т'Келла. Я не могу позволить тебе что-то высечь на нем, Бьярки.

- Даже чтобы отметить наше братство?

- Даже это, - подтвердил Абидеми. - Только мастера культа Прометея могут работать с доспехами легионера Саламандр.

Бьярки кивнул и просто вернул копьё Свафниру.

- Это не важно, - сказал он. - Вюрд показал, что мы связаны.

Он подобрал свой посох и поднялся на борт «Таврокса».

- Пойдем, - произнес Волк с усмешкой. - Дождем этого одноглазого ублюдка.

9 Живое пламя

В стратегиуме Аэронавтика Импералис их классифицировали как «Карающий огонь», но это был всего лишь универсальный термин для многочисленных моделей бомбардировщиков, модифицированных для полетов как в пустоте, так и в атмосфере. Электромагнитный импульс атомного взрыва над Западным Полушарием снес семнадцать пустотных пилонов, расположенных вдоль участка Кхат Манду и тех, что были восстановлены в Сатурнианском квартале после разрушительных последствий Зонанса Фениксийца.

Чтобы восстановить сеть «Эгиды» и залатать ее быстро разрушающуюся поверхность ремонтные

бригады Механикум подтянули саперные отряды, мобилизовали рабочих и грузчиков. Даже сейчас, после нескольких недель осады, не прекращался обстрел с орбиты и нижних слоев атмосферы. Снаряды, точно копы с золотыми наконечниками, с дымящимися черными древками продолжали решетить щиты. Образование разрывов в них было не допустимо.

Каждый день сотни тысяч обычных боеприпасов взрывались на щитах «Эгиды», каждую секунду залпы высокоскоростных макро-снарядов окрашивали ее внешний периметр. С такой плотностью огня его масса неизбежно хлынет в разрывы, чтобы обрушиться на крепость внизу.

Одна единственная боеголовка могла оставить на месте целых кварталов и строений дымящуюся воронку. Портативные пустотные генераторы, предназначенные для защиты командно-диспетчерских пунктов от подвижной артиллерии, сейчас гирляндой увивали внутренние контуры Санктум Импералис, чтобы защитить, насколько возможно, гражданских. Однако эта защита в лучшем случае была лишь временной мерой.

Брешь в покрове «Эгиды» заметили не сразу, пока спаренные двигатели имперского бомбардировщика «Мародер», который возвращался с боевого вылета над Аннапурной и разрушенными редутами Горгона, в итоге не оторвались от корпуса судна. Горящие обломки по дуге устремились вниз, и на глазах измученных жителей продолжали падать, вместо того чтобы взорваться на искрящемся силовом куполе.

Оставляя за собой черный дым и языки пламени, «Мародер» врезался в верхушку самой южной из Таксономических Башен, в шести километрах к востоку от купола Гегемона. У истребителя почти иссяк запас горючего, боеприпасы были израсходованы на лагерь противника у второй окружной стены Горгона, поэтому, верхняя часть башни, избежав детонации, обрушилась на землю лавиной искореженной стали и камня, а среди погибших оказались лишь адепты, находившиеся внутри, и беженцы, теснившиеся у основания. В некотором смысле, для тех, кто находился внутри за стенами и был свидетелем гибели штурмового корабля, это было непримечательное зрелище.

Но для наблюдателей за стенами это стало гораздо большим.

Вражеская трескотня передала о потенциальном разрыве в «Эгиде», и в считанные минуты порядка шести эскадрилий самолетов с треугольным крылом поднялись из укрепленных подземных бункеров или оторвались с низко-атмосферных авианосцев. Имперские авгуры обнаружили их почти сразу, поскольку противник даже не пытался скрыть свое приближение или запутать защитников в отношении своих целей. Оборонительные турели ближнего боя и зенитные батареи Несокрушимой и Сатурнина заполнили небо осколочными взрывами и кинжальным огнем, но присутствие электромагнитных помех означало, что обстрел велся вслепую.

Почти мгновенно «Громобои» и «Фурии», уже находившиеся в воздухе, были перенацелены, интенсивность ожесточенных воздушных атак отточила их протоколы перехвата до совершенства. Даже сейчас небо над Западным Полушарием заволочило непроницаемые клубы пыли, яростные термальные потоки, способные расплавить пласталь, и безумные вихри, достаточно мощные, чтобы разорвать надвое самый большой самолет.

Сражение велось по приборам, поскольку радиоактивная пыль, поднятая разрастающимся грибовидным облаком, создавала плохую видимость и превращала в насмешку любую попытку сражаться визуально. Пилоты уворачивались, кувыркались и ныряли сквозь непроницаемые облака, от которых забивались отверстия и засорялись воздухозаборники. Двигатели, забитые пылью, глохли, оружие под воздействием радиационных помех давало осечки. Те, кто сражались слишком долго, в конце концов умирали, попадая

в обжигающие воздушные карманы, которые расплавляли бронестекло кабины, а электромагнитные шквалы взрывали боеголовки ракетоносителей.

Взрывы оранжевым пламенем окрашивали небо, а переплетающиеся шлейфы от снарядов струились, будто гонимые ветром листья. Катапультироваться из подбитого истребителя было бы самоубийством, ни одно смертное тело не могло выжить в этой адской буре разрывов и обжигающих огненных шаров.

В разрыв «Эгиды» проскочили только три уцелевших вражеских самолета. Они шли ниже уровня радиационных облаков и полагались на товарищей, которые отвлекали имперских перехватчиков.

Только три.

Три бомбардировщика «Карающий огонь» класса «Беззаконие».

Полностью загруженные кассетными бомбами и мелта-ракетами класса воздух-земля.

Стены Западного Полушария остались в двадцати пяти километрах позади них, скрываясь за надвигающейся облачной грядой ржавого цвета, что стекала на широкие проспекты, которые бежали меж золочёных дворцов – воплощений величия Империиума. Пыль, наполненная токсинами и ядом, густой пеленой повисла над тысячами беженцев, которые жались к строениям, олицетворяющим имперские амбиции.

Несмотря на то, что Магнус задал быстрый темп, а прикрытие под видом Кровавых Ангелов гарантировало им беспрепятственный переход, было ясно, что их присутствие в конце концов будет обнаружено. В этой части Внутреннего Дворца еще не были развернуты пункты сбора, но с каждым часом все больше людей прибывали из Индомитора и Санктуса.

Колонны имперских машин пронеслись по покрытым пеплом магистралям, разделявшим их маршрут, поднимая облака пыли и блокируя проход.

Тысяча Сынов остановились, пропуская «Полководца» Легио Грифоникус, который двигался на юг, для подкрепления обороны осажденной стены Европы. От его грохочущей поступи пыль поднималась столбом, а от мощного рева боевого горна содрогался воздух. Колоссальная боевая машина прихрамывала, из-под могучего панциря валил дым. Но несломленная, она гордо шагала в сопровождении важно ступающего «Налетчика» и своры бегущих вприпрыжку «Гончих», взывающих к его невообразимой мощи.

Рыцари Дома Кадмус маршировали по флангам, их доспехи были выжжены до голого металла, а рваные знамена безвольно повисли на панцирных вокс-мачтах.

За ним тащились колонны солдат из сотни разных полков, в глазах каждого застыли ужасы нескольких недель войны, а щеки ввалились от недостатка сна и недоедания.

Как Магнус и обещал, его присутствие в Западном Полушарии побудило имперских защитников усилить оборону Стены Предела между Стеной Несокрушимой на юге и Бастионом Пограничный на самой дальней северной оконечности Дворцового кольца.

Возможно, это откроет новые возможности для участия примарха Тысячи Сынов в других операциях, но Магнуса мало заботила великая игра Пертурабо в осадную войну против Дорна. Впечатляющий провал с сатурнинским гамбитом сделал Железного Лорда осторожным и сомневающимся, теперь он с

подозрением принимал советы тех, кто обещал быструю победу. Сражение за стенами, за исключением атаки монстров Ангрона, немного ослабло – Сыны Хоруса зализывали свои раны от столь тяжелых потерь, а Дети Императора удалились с осады.

Каждая задержка, каждый отвлекающий маневр во избежание скопления войск лоялистов, раздражали Магнуса. Время было врагом, и, несмотря на возвышенные слова, обращенные к Ариману, появление Лемюэля Гамона на их пути глубоко встревожило Алого Короля.

Он сам мог бы выдать это за возможную неизбежность, случайное совпадение, но не Ариман. Его сын слишком хорошо разбирался в путях Корвидов, чтобы поверить в это. Основной принцип Братства состоял в том, что не бывает таких вещей, как совпадения, что танец Вселенной управляется невидимой музыкой, играющей за завесой понимания большинства смертных.

Одни называют ее Архитектурой Судьбы, другие – Акашей. Шаманы VI Легиона знали ее как вюрд. Провидцы Джагатая говорили о том, что оседлали поднебесную бурю.

Для Магнуса это было просто Телема, древнее слово, которое означало «воля».

Учения Корвидов стали попыткой просперрианцев услышать ноты этой незримой музыки и изучить шаги танца, который она создает. Но знание того, что бывший Практик Аримана оказался поблизости, напомнило Магнусу, что даже он не знал музыку так хорошо, как думал.

В окружении вражеских воинов эта мысль не была утешительной.

Они пробирались сквозь клубы густой пыли, следуя по пути, по которому Магнус не ходил во плоти уже более полутора столетий. Здесь были Галереи Согласия, там – Геральдический Конклав, а в болезненном мерцании «Эгиды» сверкали далекие серебряные башни Виридарииум Нобилес.

Впереди виднелись массивные очертания Зала Оружия, а за его суровыми, воинственными фасадами – и пункт назначения.

Или, по крайней мере, его часть.

Великая Обсерватория возвышалась на ступенчатом выступе темной скалы – гигантское творение, чудо Старой Земли, даже в сравнении с огромными монолитами сооружений ее далеких эпох. Отвесные стены из волакасского мрамора с пурпурными прожилками достигали в высоту две тысячи метров и были украшены скульптурными барельефами. Парящие контрфорсы невероятных размеров, вырезанные в виде крылатых ангелов, крепили Обсерваторию к горной породе, а их протянутые в мольбе руки поднимались к небу.

Дорическая колонна, когда-то возвышавшаяся в самом сердце площади Оккуллум в центре утраченной Тизки, была частью структуры Обсерватории в прошлые века, одной из многих других, окружавших ее непостижимый периметр под огромным золотым куполом. Говорили, что самые ранние колонисты Старой Земли вывезли колонну с собой по причинам, известным только им самим. Возможно, они намеревались воссоздать великолепие Обсерватории, или, может быть, просто сохранить ее как символ гордости своего древнего рода.

Старинные стихи воспевали о грандиозном куполе, затмевающим солнце, и, возможно, когда-то так оно и было, но теперь он потрескался, тут и там зияли дыры, блеск нетронутых белых стен померк под огнем и дымом, а ангелы-контрфорсы плакали кровавыми слезами.

К великолепному парадному входу вели оуслитовые ступени, шириной в триста метров, по всей длине заставленные разрастающимися фавелами из временных построек, палаток, навесов и укрытий, в которые хлынули живым потоком гражданские беженцы с Катабатических Равнин, Города Просителей и Дворцовых укреплений, которые теперь стали не более, чем грудой щебня и гряды.

Вдоль большого подъездного бульвара некогда росли серебристые березы и платаны, но сейчас на их месте было пусто – деревья выкорчевали и пустили на костры. Магнус вел своих сыновей между ямами, где каждая напоминала рану в десне, из которой вырвали гнилой зуб. Он поставил ногу на первую ступень и замер – воспоминание вонзилось в сознание, как тупой нож.

Император всматривался через эфирные линзы, Он хотел показать Магнусу тайны рождения звезд, и с восхищением рассказывал о непостижимых пустотах между ними. Вместе они прокладывали маршруты будущих крестовых походов и смеялись, представляя себе кампании, которые однажды потянутся через бездонную бездну в другие галактики.

- Нет ничего невозможного для тех, кто пытается, – возразил его отец, когда Магнус заговорил о почти невозможности выйти за пределы звездного гало. – Никто из ныне живущих не станет свидетелем этого, но, когда человечество сможет летать, как летаем мы, когда сможет мыслить, как мыслим мы, тогда величайшая из всех наград окажется в его руках.

- Что может быть лучше, чем владычество над галактикой? – спросил Магнус.

Но отец оставил его без ответа и отвернулся, чтобы скрыть разочарование.

Воспоминания столетней давности превратились в прах в сознании Магнуса, но события вызывались в памяти так, будто произошли всего несколько мгновений назад.

- **Старые раны еще свежи,** – сказал Магнус.

- Сир?

Примарх посмотрел на разбитый купол Обсерватории, на скопления беженцев, сгрудившихся у ее основания. Тысячи глаз обратились к ним.

- **Не так уж это и мало – войти в стены Санктум Импералис,** – произнес Магнус, поднимаясь по ступенькам к Обсерватории. - **Не думал, что меня это тронет. Конечно, глупо надеяться ощутить себя здесь незваным гостем после... Так много воспоминаний. Так долго Терра была центром моего существования, но больше это не дом моего отца.**

Магнус повел их выше, не отводя взора от триумфальной арки, ведущей внутрь. Он чувствовал на себе вопрошающие взгляды каждого беженца.

Почему пятеро Кровавых Ангелов взбираются на Великую Обсерваторию? Почему они не сражаются на стенах со своими братьями? Гнетущие мысли здесь трудно было заблокировать: отчаяние, страх, замешательство и ужас оцепенения от осознания факта, что это была битва, которую нельзя выиграть.

Если бы вы только знали...

Он слышал имя повелителя Ангелов и его сыновей, которые выкрикивали, будто они могли защитить.

- Сангвиний!

- Возлюбленный Ангел!

- Кровавые Ангелы!

- Слава Девятому!

Люди расступались на их пути, кланялись или падали на колени, сложив ладони вместе, слова, слетавшие с их губ, повторялись как мантры.

- Император защищает...

- Что они делают? - спросил Атрахасис.

- **Молятся**, - ответил Магнус.

- Почему?

- **Потому что в тяжелые времена люди жаждут прихода спасителей. Мой отец настолько могуществен, что с таким же успехом его можно назвать богом, а мы - Его сыновья - воплощение бога и достойны такой же преданности.**

И все же, как только слова слетели с его губ, он понял, что в них есть что-то пустое, неправильное, хотя и не мог сказать наверняка, что именно.

- Меня огорчает такое отношение, - сказал Атрахасис.

- Почему? - спросил Ариман.

- Это регрессия. Искать спасителей - значит снять с себя всякую ответственность за совершение перемен. Сделай, если что-то нужно сделать. Действуй, если нужно действовать. А не жди, когда кто-то другой сделает это за тебя.

- Ты говоришь как истинный Раптор, - заметил Менкаура.

- А тебе разве не противно? - огрызнулся советник Аримана. - Теперь мы знаем так много - технологии настолько продвинулись вперед, что нашим предкам они показались бы магией. Сейчас, когда наука и философия несут просвещение, такое сознательное принятие невежества и суеверия непростительно.

- Атрахасис, успокойся, - велел Ариман.

Советник кивнул, не отрывая взгляда от ступенек, по которым они поднимались.

Наконец Магнус ступил на широкую эспланаду перед Обсерваторией и задрал голову, чтобы осмотреть огромный купол. Верхушки колонн скрывались за клубами пепельного дыма, и только высоко вверху самый край купола подмигивал золотом.

- Это великолепно, - сказал Амон, обводя взглядом очертания искусно сделанного арочного прохода. На каждом камне, облицованном ониксом и агатом, были высечены звездные карты, большинство из которых указывали на места, куда можно добраться с Терры, а некоторые - наверняка нет. - Почти как звездные покои в пирамиде Фотепа.

- **Почти**, - усмехнулся Магнус.

- Да, великолепно, - согласился Ариман, вглядываясь в небо, испещренное следами разрывов,

электромагнитными бурями и вспышками атомных взрывов. – Но почему мы здесь? Среди этой разрухи и из-за обстрелов с низкой орбиты мы ничего не увидим за пределами атмосферы.

- Мы здесь не для того, чтобы смотреть вверх, – сказал Магнус, – а для того, чтобы пройти низом.

- Что это значит? – спросил Амон.

- Здесь есть тайное место, где еще с незапамятных времен соединились воедино прошлое и будущее. Мой отец однажды назвал это приручением одной из аномалий материума. Нить, выдернутая из ткани времени, струп на коже пространства. Там внизу, под фундаментом Обсерватории мы пройдем дорогами, которые пронизывают пространство на грани восприятия.

- У этого места есть название? – спросил Ариман.

- Да, у него было имя еще до того, как первые люди пришли сюда и вскрыли ход. Его называли Залом Ленга.

Пространство внутри Обсерватории было таким колоссальным, что в голове не укладывалось, что это часть интерьера. Купол в диаметре достигал четырех километров, его внутренняя поверхность была отделана кессонами, украшенными бронзовыми и оуслитовыми панелями. Частично это великолепие скрывалось за слоем пойманных в ловушку облаков, которые бурлили подобно океанскому водовороту. Даже Магнусу, спроектировавшему удивительно сложную конструкцию пирамиды Фотепа, казалось непостижимым, что подобный инженерный подвиг мог быть совершен смертными.

Взрывы снарядов, удары лазеров и плотный артиллерийский огонь, обрушившиеся на окружающий ландшафт, сотрясали поверхность и раскололи купол в ряде мест. Широкие столбы разноцветного света пронзали пространство и окрашивали пол террасы, словно отражения в глубокой воде. По всей окружности стены были расписаны яркими фресками, изображающими величайших первопроходцев астрономии и их многочисленные достижения.

Магнус увидел ниши и статуи, посвященные Аганисе, Заркову, Гелиоцентрическому Отступнику, Гипатии, Сканийскому Алхимику, Зулеме, Матери Комет и сотням других – без наследия их научных достижений ни один из его воинов здесь бы не стоял.

Древний артефакт в виде окуляра из серебра, дымчатого стекла и золота, воссозданный Императором для наблюдения за далекими галактиками, покачивался на разорванных цепях высоко под центром купола, как труп огромного богомола. Обсидиановое зеркало в необычно изогнутом объективе было разбито еще при первых попаданиях снарядов, а большая часть внутренностей невероятно сложного устройства свисала кишками с его разбитого корпуса.

Сердце Магнуса разрывалось при виде повреждений. Он понимал, что ничего подобного никогда не существовало и никогда больше не будет.

Когда все это закончится, будет ли стоить награда той цены, которую мы заплатим?

И все же, несмотря на чудесное убранство и научные достижения мужчин и женщин, запечатленных на стенах, сейчас Обсерватория представляла собой просто место, где можно укрыться от войны.

В свое время здесь было место для тихих раздумий, обитель для искателей мудрости и исследователей

истины, но теперь оно превратилось в зловонное сборище десятков тысяч беженцев. Они заслонили собой огромную звездную карту, высеченную в полу. Статуи тех, кто сделал существование Империи возможным, теперь взирали на бурное море перепуганных людей, которых сейчас мало заботило их наследие.

Магнус пересекал центр толпы, направляясь к статуе в отдалении, и тяжесть людских ожиданий снова накатилась на него волной.

Обман, который он творил в умах смертных, переполнявших стены Дворца, не мешал ему задаваться вопросом – догадывается ли хоть одна душа, что они находятся в присутствии бога. Его образ был затуманен, но человеческое сознание все же чувствовало, что среди них ходит существо великой силы.

Люди видели Ангелов Смерти, генетически усиленных воинов Императора, бессмертных воинов-богов. Но теперь Магнус ощутил на краю этой веры присутствие незаметно подкрадывающейся тени и понял, что за странная пустота охватила его еще на ступенях.

- Они начинают нас бояться, – прошептал он.

- И они правы, – ответил Ариман. - Ибо мы могущественны и смертельно опасны, и сила наша внушает страх.

- Нет, это другое, – сказал Магнус. **- Когда-то на нас смотрели с трепетом и восторгом, но без страха. Считалось, что долг сильного – защищать слабого. Так было всегда, так прописано в Железном Кодексе. Это было кредо, которому должны были следовать лучшие из нас.**

Он остановился перед величественной скульптурой из оникса и кварца, изображающей знаменитого Коперника, который держал в руках раскрытым первое печатное издание своего великого труда. Здесь был сокрыт путь, а дверь могли отыскать только самые блестящие умы.

Магнусу секрет показал Император, и он подозревал, что Сангвиний тоже знал о нем. Возможно, еще и Хан, ибо мало существовало тайных путей, которые он не мог найти. Малкадор и кустодии наверняка тоже знают, но более, пожалуй, никто. Он почувствовал близкое присутствие ноющей раны в реальности, которая подсказывала, что вход был рядом, и примарх поднял руки, намереваясь открыть его специальным психическим ключом.

Он оглянулся через плечо и наблюдал, как стоящие поблизости люди попятились от него и отводили глаза в сторону точно так же, как делали другие на лестнице. Но теперь он увидел истинную причину этого в самой ее сути – неведомый ранее, парализующий страх, который стучался в животах и умах смертных.

Через истории, пересказанные на Терре, этот страх распространится по тому, что останется от Империи после войны, становясь с каждым новым пересказом все глубже и мрачнее. Больше они никогда не станут нам доверять.

В момент, когда Магнус и его сыновья переступали порог Великой Обсерватории, три «Карающих Огня» класса «Беззаконие» держали курс на северо-запад, отчаянно петляя и ориентируясь только визуально, следуя Золотому Пути, который начинался от Врат Предела и устремлялся к зазору между Противосолонной Башней и Столпом Единства.

Имперские «Молнии» преследовали неприятеля ракетами воздух-воздух и огнем автопушек. «Карающие Огни» были явно более медлительными, и поймать их на прицел в небе обычно было также легко, как и в пустоте. И все же, шквальный ветер и высокая плотность застройки в Санктум Империалис делали точное наведение чрезвычайно трудным.

Боеголовка ракеты взорвалась менее чем в пяти метрах от левого борта первого «Беззакония», и он резко накренился в сторону библиотеки Кланиум. Пламя обломки бомбардировщика падали с неба и исчезали в глубине одного из каньонов, окружающих Башни Гегемона, где и взрывались.

Второй «Беззаконие» успел выпустить почти полный боекомплект над внешними стенами Бастиона Бхаб и уйти на таран на юго-восточные стены Башни Гелиана. Пустотные щиты приняли на себя основную силу удара, а ближние турели добились сам бомбардировщик, но полностью остановить такую массу и на такой скорости было невозможно.

«Карающий Огонь» врезался в башню, и она стала раскалываться на части.

Обломки самолета вонзились глубоко, как лезвие кинжала в мягкую плоть, последние боеприпасы взорвались внутри башни, она надломилась посередине и стала разваливаться, словно выпотрошенный зверь. Ее стены обрушивались неудержимой лавиной из разбитых камней и кувыркающихся тел. Стены Гелиана переполняли две тысячи адептов и гражданских служащих, которые не были созданы для того, чтобы перенести подобное попадание. Даже усиленная броня Рогала Дорна не выдержала бы удара такой разрушительной силы.

Ни единая живая душа не выжила, равно как и не уцелели техника и оборудование.

Разрешение Башни Гелиана привело к каскадному сбою вокс-сети в Бастионе Бхаб и мгновенному отключению энергии в Санктум Империалис. Стратегический анализ обороны Ликующей и Аннапурны был целиком потерян, поступление информации из военного сердца Терры прекратилось. В течение тридцати напряженных минут офицеры Дворца вели бой в слепую, пока с помощью резервных ретрансляторов не восстановили протоколы командования и управления.

Приближался третий «Беззаконие», его пилот искал цель, на которую не жаль потратить снаряды. Врата Вечности и золотое сердце Дворца были слишком хорошо защищены батареями мобильных оружейных платформ, ракетных станций и заградительных полей. С восточных ангаров под Куполом Просвещения быстро приближались свежие эскадрильи перехватчиков.

Возникла лишь одна подходящая цель, но прежде, чем бомбардировщик смог выпустить снаряды, прицельный огонь из защитных орудий Зала Оружия разрезал фюзеляж «Беззакония» на пылающие обломки.

Судно буквально развалилось на части в расширяющемся облаке перегретого пара и стальных осколков, пара боеголовок успела оторваться от пусковых устройств на вращающемся левом крыле и уйти по спирали.

Они спускались к Великой Обсерватории.

Менкаура первым ощутил ослепительный укол предвидения.

Он упал на колени, зажав руками зеркальный шлем, и мощное психическое восклицание вырвалось из

его сознания.

+ Огонь сверху, он сжигает все. Он сжигает все! +

После вынужденного психического молчания ментальный импульс был настолько мощным, что прозвучал, подобно крику в пустой комнате. Каждый почувствовал, как сила видения Менкауры обжигает его череп. Спустя несколько секунд это увидели все.

Море голодного пламени, полыхающего колдовским зеленым светом.

Невыносимый жар и сияние, выжигающее сетчатку.

Волны пламени бьются о стены Обсерватории, затопляя ее.

Воздух в легких смертных мгновенно сгорел, и крики замолкли.

Плоть тает, как снег под струей огнемета. Кости трещат и крошатся.

Магнус поднял глаза и увидел в небе пару черных точек, неуклонно увеличивающихся по мере падения. Он знал, что это. Он мог даже прочесть серийные номера на их корпусах, слова предупреждения, нанесенные по трафарету на боеголовки, и символы злобных религий, выцарапанные на обшивке когтями нерожденных.

- Марк XI, фосфоксная кассетная бомба класса «Маспелл», - сказал он.

Его сыновья также все видели, и психическое видение последствий удара распространилось по всей Обсерватории, перетекая из разума в разум, распространяясь словно ментальный вирус. Головы повернулись к небу, но среди обреченных не было слышно криков, только безропотное принятие неминуемой гибели, как у зверей, приведенных на скотобойню. Человеческие возможности противостоять ужасам не безграничны - в конце концов их притупит постоянный страх. Мужчины и женщины крепко держались друг за друга, обнимали своих детей, но ни один не поднялся, чтобы убежать.

Какой в этом смысл? Какой выбор был у них: смерть здесь, или смерть от руки равнодушного врага в другом месте? Такое покорное принятие судьбы было совершенно неприемлемо для Магнуса, но и ясность мыслей, окружавших его, невозможно было игнорировать. Да, это была смерть, но, по крайней мере, она будет быстрой, а не станет тем затянувшимся ужасом, который превращает души в пепел из-за постоянных потерь.

Яркая, мгновенная вспышка взрыва представлялась куда более светлым концом.

Но нет, Магнус не мог этого принять.

Время хитростей и интриг в этом деле подошло к концу.

Примарх снова повернулся к невидимому шраму в плоти мира и рассек его ударом посоха-хеки, который прозвучал так, словно порвался парус. Мерцающий, подводный свет полился откуда-то извне, и мимолетные воспоминания хлынули, как ножи.

Из глубин сознания поднялась пьянящая смесь эмоций, удивительных и полных надежд, но теперь безвозвратно испорченных грустью от осознания того, что те времена утеряны навсегда. Легкий порыв ветра принес запах отполированного лака, вербы и цветущей вишни из странного зала наверху.

- **У меня нет времени на воспоминания**, - произнес Магнус и шагнул обратно, устремив взгляд на падающие бомбы.

- Милорд, вы ничего не можете для них сделать! - воскликнул Ариман.

Алый Король следил за тем, как разделились боеголовки, и три тысячи фосфексных бомб выбросило веером из кассет основного боекомплекта, чтобы расширить периметр поражения.

Они падали, будто светящиеся зеленые дротики.

- **Как же мы бываем изобретательны, когда пытаемся убить друг друга**, - сказал Магнус.

Снаряды взорвались пульсирующим светом в сотне метров над полом, и Обсерватория наполнилась клубами смертоносного огня. Интенсивное излучение охватило строение, мгновенно выжигая расписные фрески на стенах и стирая изображения многочисленных исследователей, чьи имена больше никогда не будут произнесены.

Воздух под куполом с громким хлопком испарился, беженцы обнаружили, что ужасы все еще не закончились, и начались крики.

Но они быстро прекратились и переросли в возгласы изумления.

Мерцающий изумрудным огнем океан завис в воздухе, волны пламени бурлили в сполохах убийственного света. Огонь гудел и бушевал, будто голодный монстр, пойманный в ловушку и разъяренный тем, что ему отказали в пиршестве из обожженного мяса и почерневших костей. Словно живое существо, он царапался и скользил по невидимому барьеру, который удерживал его от беженцев. И напоминал взбешенного хищника, отчаянно стремящегося добраться до своей добычи.

Внизу стоял Магнус с поднятыми руками, его сыновья собрались вокруг него.

От примарха исходила психическая мощь, над головой переплетались мощные силы, недоступные обычному человеку. Поддерживать визуальный обман в разумах тех, кто его видел, он больше не мог и теперь предстал во всей своей славе: титан из золота и багрянца, красная грива, рог цвета слоновой кости. Единственный глаз Магнуса горел ярким светом, в тон зелени фосфекса. Сила, таившаяся в этом глазу, поглощала свет и бросала ему вызов.

Магнус был великим магистром братств Просперо. Формулы Рапторов давались ему так же легко, как дыхание смертным, но кайн-щит, который он удерживал над людьми, был мощнее, чем мастера этого братства могли себе представить. Самые сокровенные силы Рапторов были в его власти, так же и силы Пирридов, ткачей пламени. Магнусу вспомнился Калофис во время битвы за Просперо - шагающий в битву внутри бога-машины Канис Вертекс. Он мог повелевать всем огнем мира, но даже он не осмелился бы укротить столь свирепый пожар.

Магнус стиснул кулак и выбросил вверх.

Свод из фосфекса слегка потускнел. Его колдовское зеленое свечение было светом мертвых, столь же неестественным, сколь и смертоносным. Магнус исчерпал весь свой резерв силы, но не стал прибегать к помощи нерожденного.

Он мог просто приказать. Все, что нужно было сделать примарху - это принять его - невероятную, неудержимую силу, взывающую из самых темных глубин имматериума.

Но такой мощью владели падшие принцы абсолютной тьмы, и Магнус не мог прикоснуться к ней, не будучи немедленно изгнанным из Дворца. Телэфирная защита была направлена на недопущение проникновения подобных противоестественных энергий и до сих пор не позволяла Красному Ангелу, Бледному Королю и Фениксийцу переступить его пределы. Чтобы преодолеть щиты Дворца, формы примархов-отступников были слишком испорчены новообретенными дарами. По этой причине Магнус черпал силу только из собственных источников – великую и грозную, но она не была беспредельной.

- Сыны мои! – воскликнул он, когда тошнотворно-зеленый огонь скользнул по стенам, щупальца пламени корчились и извивались, ища слабое место в барьере. **- В седьмое исчисление, пошлите мне свою силу!**

Легионеры окружили своего примарха, образовав мандалу, и их сила полилась в него.

Магнус не мог сказать, как долго он стоял с вытянутыми руками и поглощал свет.

- Время работает против взрыва! – выкрикнул он, черпая силу в непокорности. **- Нужно отрезать его от источников питания, и он неизбежно обернется против самого себя.**

С каждой секундой его сыновья делились силой со своим примархом, и с каждой секундой их объединенная мощь противостояла напору атакующего оружия. Сначала медленно, потом все быстрее бурлящий зеленый огонь начал блекнуть, и без топлива, которое должно было поддерживать его рост, затухающий свет обратился на себя.

Последовала цепь жутких химических реакций, которые могли быть разработаны только безумцем, и фосфекс, в отчаянной попытке цепляясь за жизнь, начал пожирать свою собственную чудовищную структуру. Наконец химические связи разорвались, и последние языки пламени фосфекса погасли.

Магнус вздохнул и отпустил хватку кайн-щита.

Остатки соединений падали на пол Обсерватории безвредным вязким дождем, и тотчас растворялись в лужах инертного желе. По мере того, как слабые искры надежды разгорались в сердце каждого беженца, по залу проносились недоверчивые возгласы облегчения.

Магнус опустился на одно колено и крепко оперся растопыренной рукой о пол, покрытый мозаикой из драгоценных камней. Его пальцы остановились на изображении двух ихтиокентавров, выносящих Венеру Анадиомену из океана.

- Афрос и Бифос.

Он вспомнил, как Хорус показывал ему тот же образ в астрологическом сборнике, подаренном отцом. Двадцать знаков, соответствующих двадцати Его сыновьям. Магнус подавил свое умиление примитивной природой книги, но наслаждался чистотой памяти.

Он улыбнулся, рассматривая рисунок мозаики. Игра бликов света из прорехи, проделанной им в реальности, навевала мысли, что морские звери вот-вот оживут и снова понесут новорожденную богиню.

Чья-то рука коснулась его плеча.

- Нам пора, – напомнил Ариман.

Магнус кивнул и выпрямился во весь свой величественный рост.

Море лиц упивалось светом его медной плоти, нечеловеческой природы его существа. Но теперь они видели не чудовище, которого велено бояться, а просто одного из сыновей Императора, воина, спасшего их жизни.

- Мой господин, - настаивал Ариман. - Наши враги узнают, что мы здесь. Мы должны идти.

Магнус еще раз кивнул, приходя в себя после такого стремительного и поглощающего расхода усилий.

- **Да. Идем**, - сказал он и повернулся в сторону потайного хода.

Под звуки изумленных возгласов беженцев Амон, Менкаура и Атрахасис двинулись вперед, но Ариман задержался.

- Почему? - спросил он.

- **Что «почему»?**

- Почему вы спасли этих людей?

- **А ты бы оставил их умирать?**

- Вероятно, они все равно умрут, когда Луперкаль захватит Дворец, - ответил Ариман.

- **Может быть, а может и нет. Все, что я знаю - это то что не мог позволить им погибнуть в огне, когда мог бы их спасти. По правде говоря, я не знал, что буду делать, пока не вернулся в эти стены.**

- Возможно, близость к первому осколку твоей души влияет на тебя больше, чем можно было предположить, - рискнул поделиться мыслями Ариман.

- **Возможно**, - согласился Магнус с обнадеживающей улыбкой. - **Это первая и лучшая часть меня.**

Вместе с Ариманом Магнус ступил на Низкие Дороги.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ: ПОД ДВОРЦОМ

10 Хищники и добыча

Свет струился сквозь воды темного озера по усеянному сталактитами своду необъятной пещеры, обращаясь в мягкие тени. Каменный потолок, пронизанный кристальными рубцами, сверкал, подобно звездному небу, которым теперь не могла похвастаться Терра. Сначала Аливия подумала, что Малкадор привел ее к одному из подземных водохранилищ Дворца, но, увидев на берегу виллы из светлого камня, поняла, что это место служило для другой цели.

Что-то в них показалось женщине странным, но только когда они проходили между ними в сторону круглой площади, она поняла, что ее тревожило. Каждая из них была рассчитана на существ гораздо больших, чем обычные смертные, даже больших, чем воины Легионес Астартес. Она насчитала двадцать - конечно, это не могло быть совпадением. Сама площадь была покрыта разноцветной мозаикой, изображающей нечто геометрически абстрактное, напоминающее росписи, популярные у знати Ахеменидов.

- Эти виллы были построены для примархов, не так ли? - спросила она.

Малкадор кивнул.

- Император полагал, что они вырастут здесь, освоят знания и навыки, прежде чем начнется покорение галактики.

- Но этого не произошло, не так ли?

- Нет, она об этом позаботилась.

Аливию не нужно было спрашивать, кто такая «она». Если генетическим отцом примархов был Император, то их матерью с определенной долей вероятности могла бы быть Эрда.

Язвительная, изворотливая сучка, и все же...

- Ими когда-нибудь пользовались?

- Не совсем, - сказал Малкадор. - По крайней мере, не для той цели, для которой они предназначались.

- Наверху тысячи беженцев, которые могли бы укрыться здесь, внизу.

- И Хан, и Ангел предлагали тоже самое, но Вальдор не позволил.

- Я подозреваю, куда бы мы не сунулись, это будет слишком близко к Нему, по мнению Константина.

- Это лишь одна причина из целого ряда других.

- Но здесь кто-то был, в том числе совсем недавно, - проговорила Аливия, обходя площадь и ощущая присутствие тени прошлого. - Нечто могущественное, нечто сломленное.

- Твои способности становятся сильнее.

Аливия покачала головой.

- Нет, я почти ничего не чувствую с тех пор, как мы прибыли на Терру. Даже в глубинах Молеха я ощущала присутствие Императора, но теперь... как будто Его здесь уже нет.

- Не сомневайся, Он здесь. Но, как я уже говорил, осада ведется на большем количестве фронтов, чем ты можешь себе представить, - возразил Малкадор. - Луперкаль уже мог сидеть на троне, если бы Император не вел Свою собственную войну.

- Так что мы с тобой здесь делаем?

- Помнишь, перед тем как отправиться в путь, я говорил об искуплении?

- Ты сказал, что это лишит врага одного из самых мощных видов оружия.

- Может и так, но сначала позволь спросить тебя кое о чем.

Аливия прищурилась.

- Почему у меня такое чувство, что мне это не понравится?

- Я полагаю, никому не понравится. Быть честным всегда тяжело.

- Не всегда честность была моей сильной стороной, но спрашивай.

- Аливия Сурека, ты хороший человек? Можешь ли ты посмотреть в себя как в зеркало, сквозь множество масок, что ты носила на протяжении долгих тысячелетий, заглянуть в самую суть своего существа и сказать начистоту - ты хороший человек?

Аливия опешила. Она не знала, чего ожидать, но, несомненно, не этого. Она думала, что возможно последуют какие-либо разъяснения или указания - но нет.

Она подошла к краю озера, опустив взгляд на черную гладь воды.

- Хороший ли я человек? - спросила она. - Это довольно абстрактный вопрос.

- На самом деле это не так. И ты попросту тянешь время.

- Конечно, я тяну время. Я прожила очень долгую жизнь, мало кто может прожить так долго и не совершить поступки, за которые будет стыдно. Я убивала людей, много людей, я предавала друзей и любовников, лгала, подставляла -

- совершала кражи, - продолжил Малкадор с едва заметным намеком на улыбку. - Сборник рассказов, что прячется в кармане твоего пальто, тот, со старыми сказками. Ты украла его из церкви.

- Без тебя знаю, - огрызнулась Аливия и наклонилась, рисуя пальцами узоры в воде. - К чему ты клонишь? Ты сам хороший человек?

- По любым общепринятым меркам - нет. Как и ты, я предавал самых близких мне людей и, хотя много лет не забирал чужие жизни, поощрял других на ужасные убийства.

- Значит, мы оба совершали плохие поступки.

- Ужасные вещи. Будь они, теоретически, представлены на суждение некой высшей силы, мы были бы обречены гореть в аду, как сказали бы в древности.

- Не понимаю, к чему все это, но мне это не нравится.

- Я хочу сказать, Аливия, что, несмотря на все ужасные поступки, которые мы совершили сами или сподвигли других, мы находимся в стенах Императорского Дворца.

- Подожди, это какой-то запутанный способ спровадить меня?

Малкадор слабо рассмеялся:

- Нет, я просто хочу сказать, что несмотря ни на что, все наши многочисленные грехи были совершены во имя чего-то хорошего.

- Зло во имя добра все равно остается злом.

- Верно, - Малкадор поднял взгляд на озеро, словно ожидая, как нечто поднимется из его глубин. - Но, боюсь, у нас нет такой роскоши, как время, чтобы погрузиться в эту дискуссию так глубоко, как хотелось бы. Ты была права.

- По поводу чего? - спросила Аливия, оглядываясь по сторонам.

- Кто-то могущественный действительно жил здесь какое-то время. Или, по крайней мере, часть его.

- Кто?

- До недавнего времени Магнус.

- Магнус? Который Красный? Примарх?

- Да. И по моим подсчетам он будет здесь очень скоро.

Двигатель почтенного «Таврокса» вышел из строя на верхнем ярусе Инвестиария. В любом случае он не мог пройти дальше – въезд был завален щебнем, и Плачущие Фонтаны больше не проливали слез.

- Ты уверен, что это то самое место? – спросил Бьярки, слезая с «Таврокса», мотор бронетранспортера задрожал, напоминая предсмертный хрип своего тезки с Ноктюрна. – Даже ослепленный вюрдом готи увидит, что эта сила исходит не отсюда.

Они все ее почувствовали – холодный укол невероятного психического события глубоко в сердце Санктум Импералис – ощущали с каждым пройденным километром.

- Уверен, – сказал Промей. – Послание Малкадора было ясным. Отправляйтесь в центр Инвестиария и ждите.

- Ждать чего? – спросил Аток Абидеми, обнажая громадный цепной меч.

- Он не сказал.

Легионерам потребовалось два часа, чтобы спуститься по разрушенным ступеням к основанию амфитеатра, где в беспорядке были разбросаны останки разрушенных взрывом огромных статуй сыновей Императора. Только двое из восемнадцати с чьего-то позволения остались стоять.

В одной из статуй можно было безошибочно узнать мужественного непоколебимого Дорна, но только разглядев под слоем пыли цифру XX на пьедестале статуи напротив – некогда скрытую покровом фигуру таинственного Альфария.

Пол Инвестиария, как и широкий пандус, ведущий к нему, был завален огромными кусками сероватого с прожилками мрамора, когда-то добытого в горах Аттики, недалеко от места великой победы Мильтиада. Обломки можно было принять за последствия схода лавины, если бы не ручная обработка камня. Промей увидел разбитое лицо, возможно когда-то принадлежавшее Жиллиману, руку, насмешливо сжатую в кулак, а на одном постаменте – две огромные ноги, разрубленные на середине голени. Меч с рукоятью в виде крыльев некой хищной птицы покоился под обломком шлема, словно уставившись в измученное небо, но кому он когда-то принадлежал, сложно было сказать.

Печаль тронула Промея при виде низвергнутых сыновей Императора.

Он повернулся, чтобы поговорить с Бьярки, но Рунный жрец и его братья уже удалились, оставив летописца одного.

Саламандры также целеустремленно двигались через завалы к разрушенному цоколю на дальней стороне арены.

Сначала он не понимал, что они делают, пока не увидел, к каким постаментам приближаются. В безмолвном созерцании Абидеми опустился на колени перед пьедесталом, на котором некогда

возвышался генетический отец XVIII Легиона. От Вулкана осталась только одна нога, обутая в сапог, остальная часть его тела лежала в песке, разбитая вдребезги.

Волки с гневным видом стояли перед разбитыми останками Лемана Русса – его тело было разрезано в талии пополам. Бъярки запрокинул голову и издал протяжный вой, от которого у Промея волосы на затылке встали дыбом. Виддоусин и Свафнир добавили свои голоса, и благодаря усиленной акустике Инвестиария их песнь возмездия вознеслась к небесам, пронзив даже постоянную барабанную дробь войны.

По старой привычке летописца Промей хотел запечатлеть в памяти этот ритуал, но если он что и узнал о VI Легионе за время своего пребывания в качестве их заложника, так это то, что их горе было глубоко личным. Вторгаться без приглашения в эти переживания было смертельно неразумным.

Вместо этого он присел на обломок камня в надежде, что не оскверняет останки примарха, и стал ждать. Он опустил голову на руки, одну – теплую и липкую, другую – холодную и гладкую.

Он припоминал слухи, будто лазутчики уничтожили статуи в Инвестиарии, но тактический смысл этого мероприятия ускользал от него. Проникнуть так глубоко во Дворец только для того, чтобы совершить символический погром казалось... таким мелочным.

Мог ли он быть посланием? Или провокацией?

Он полагал, что уже никогда этого не узнает. Несмотря на возобновившийся грохот ожесточенной артиллерийской дуэли в нескольких километрах к северу от Стены Предела, Промей почувствовал, как его веки тяжелеют, а дыхание становится глубже.

Хрустящий звук шагов вывел его из дрёмы.

- Они должны были снести его, – сказал Свафнир, глядя на Альфария.

- Почему бы и нет? – согласился Виддоусин.

- Это просто статуя, – заключил Аток Абидеми, ведя своих Саламандр, чтобы присоединиться к Волкам. – Достаточно того, что предатели уже разрушили во Дворце и без нашей помощи. Придет время, когда на стенах понадобится каждый патрон. Будет досадно потерять укрепления из-за пустой траты боеприпасов сейчас.

Бъярки пожал плечами.

- Саламандры и их прагматизм, – сказал он с усмешкой.

- И что теперь? – спросил Иген Гарго. – Аток? Ты завел нас так далеко. Куда теперь?

Абидеми кивнул и опустился на колени рядом с Промеем.

- Ты сказал, что можешь идти по следу Красных Колдунов. Так они здесь?

- Нет, – ответил тот.

- Тогда что мы здесь делаем? – спросил Барек Зитос, обращаясь как к Абидеми, так и к их проводнику.

Промей позволил вопросам свободно плыть, прислушиваясь к слабым звукам отдаленных голосов на ветру, которые проникали через разбитую каменную кладку и преодолевали акустический барьер,

создаваемый верхними ярусами амфитеатра. Шум битвы, изолированный от сражений на стенах, здесь внизу был приглушен, но голоса звучали так ясно, будто говорящие стояли рядом.

- *Подожгите этот аванпост. «Богомолы» в развалинах!*

- *Башня Гелиан разрушена! Повторяю, башня Гелиан разрушена!*

- *Направить туда Семнадцатый Пан-Пацифик. Держать врата любой ценой!*

- *УБЕЙТЕ ИХ ВСЕХ!*

Множество других голосов вторгались в его мысли, случайные отрывки переговоров воинов Терры эхом отражались в стенах Инвестиария и скреблись на границе его разума. Он потер виски, чувствуя, как за глазами нарастает давление, и во рту появляется привкус олова.

Промей поднялся, узнавая это ощущение.

Он почувствовал его на Камити Соне за мгновение до того, как Азек Ариман и его колдуны прорвали пси-врата и возникли из красной дымки из останков тела безумца.

Он обвел взглядом арену, и его нарастающий страх отступил, когда в центре амфитеатра он увидел мерцающий золотой свет. Лучи танцевали, словно повторяющееся бесконечное число раз изображение молнии, запечатленное на сломанном пиктере в момент своего рождения.

- Вы видите это? - спросил он.

- Что видим? - голос Бьярки донесся до летописца как из глубокой пропасти.

- Молнию, - сказал Промей, пробираясь через обломки.

Едва ли он ощущал, что легионеры следуют за ним. Его внимание было приковано исключительно к молнии. Она влекла его, как свет мотылька, это была самая красивая вещь, которую он когда-либо видел. Она трепетала в поле зрения, как царапина на стекле реальности - слишком яркая, чтобы смотреть прямо, и слишком слабая, чтобы уловить ее взглядом, разве что краем глаза.

Это был призыв - зов, на который невозможно было не откликнуться.

Он обошел массивную глыбу - расколотую грудь какого-то примарха - и даже сквозь непрозрачный камень видел мерцающую игру света.

Наконец Промей добрался до центра амфитеатра и остановился перед обломками вытянутой руки. Там, где могучую конечность взрывом оторвало от тела, будто порванные сухожилия, свисали нити ржавой арматуры.

Покалеченную руку усеяли осколки того, что могло быть каменным плащом, и по резной чешуе на нем стало ясно, кто был когда-то его владельцем.

- Лорд Вулкан, - промолвил Абидеми, в его голосе слышался едва сдерживаемый гнев.

Скульптурное изваяние громадного черепа огненного дракона Кесара, убитого примархом в юности и украшающего наплечник его доспеха, теперь было отколото. Скульптор сотворил чудеса с мрамором, и, хотя масштабы композиции были крайне преувеличены, Промей содрогнулся при мысли о размерах животного в жизни.

Череп отделился от мраморной брони вероятно при ударе о землю и теперь лежал, словно останки древнего окаменелого ящера. И вот Промей увидел источник света – мерцающее золотое сияние, струящееся из широко раскрытой челюсти.

Трещина в мире, приоткрытая на мгновение.

- Проход в Вышнеземье, – вымолвил Бьярки, увидев, наконец, своими психическими чувствами свет.

Промей покачал головой.

- Нет. Вовсе нет.

- Тогда куда?

- На что вы оба смотрите? – спросил Абидеми, проследив за их взглядом в огромную пасть дракона. Его красные глаза сузились, и Промей догадался, что даже флегматичный Саламандра почувствовал – что-то происходит.

- Это вход, – пояснил Промей, – но не в твое Вышнеземье.

- О чем вы двое говорите? – рявкнул Барек Зитос. – Мы не можем бездействовать, когда судьба планеты решается в другом месте.

- Что ты видишь? – настаивал Абидеми.

Промей протянул руку с изображением лица Малкадора и посланием к свету. В ответ их окутало сияние.

Он упал на колени, слезы потекли по щекам.

И один за другим Астартес в благоговении преклонили колени, откликнувшись на свет своего генетического прародителя.

Путешествие по Низким Дорогам стало проверкой для всех них.

Было ясно, что туннели не являлись естественной геологией. Никакие земные орогенные процессы или тектонические сдвиги не могли создать под Дворцом этот необычный лабиринт.

- Не Император строил эти проходы, – сказал Ариман.

- **Нет, не строил,** – ответил Магнус. - **Я так не думаю. Возможно, Он расширил их, но не был их создателем.**

- Тогда чье же это творение? – спросил Амон, проводя рукой по странно блестящим кафельным стенам и оставляя на них слабый биолюминесцентный след.

- **Мой отец часто рассказывал о Людях Ленга и их любопытных науках, с помощью которых они пытались распутать ткань вселенной. Вероятно, эти туннели принадлежат им.**

Атрахасис не проронил ни слова с тех пор, как они вышли из-под купола Великой Обсерватории, но теперь решил заговорить.

- Ходить по таким местам противоречит законам мироздания.

Менкаура усмехнулся.

- Это все равно, что бродить за кулисами Театрика Импералис и увидеть, что реальность, представленная миру, не более чем дешевый фасад из гипсолита.

Это было сказано легко, но Магнус чувствовал беспокойство, скрытое за словами, и отчасти разделял его.

Для воинов братств смотреть за завесу мира без своей психической силы было, мягко говоря, нервирующим. Неизвестно, как далеко распространяется телэфирный щит Императора, и следовать такими тайными путями и без защиты было для них проклятием.

Магнус потянулся разумом, на мгновение коснувшись сознания своих сыновей, чтобы облегчить их тревоги.

Он чувствовал растущий страх Аримана перед переменами, происходящими в легионе. Изменения плоти всегда пугали главного библиария. Неудивительно, ведь он потерял своего брата-близнеца из-за неконтролируемых гипермутаций. Страх, что их выбранный курс неизбежно приведет к такой судьбе весь Легион, почти поглотил Аримана, хотя он хорошо его скрывал.

Сознание Менкауры было крепостью с воротами, открытыми лишь для Магнуса. Разум провидца полыхал от мыслей о предательстве и страхе перед расплатой. Примарха мало заботили измены Менкауры, он видел лишь бесконечные мучения в грядущем и море парящих глаз.

Печаль коснулась его, когда он скользнул разумом по сознанию Амона и Атрахасиса.

Он видел их смерти, но не видел в них смысла.

Магнус не стал погружаться в мысли своих сыновей, так как знал - проникнув в их сердца, он только разочаруется. Даже слегка прикоснувшись к их разумам, он обнаружил мелочную зависть, обиды и неуверенность, которые должны были стереть генетические улучшения и тренировки.

И все же он их любил.

Они - его сыновья, и даже после всего, что пережили ради него, оставались верными. Эта мысль утешала его.

По мере того как они продвигались в глубь, предвидение неминуемого наполняло примарха, как предчувствие надвигающейся бури.

Оказавшись заключенным в эти неестественные туннели, Магнус понятия не имел, сколько времени им потребуется, чтобы добраться до места назначения - места, в котором он никогда не бывал, но знал так хорошо, будто сам его построил.

С каждым прошедшим шагом в его разум вторгались воспоминания, которые были не его воспоминаниями, и переживаниями, принадлежащими другому.

Другой его части, но не ему.

Воспоминания об умиротворении во время прогулок по берегам холодного озера, об удовольствии от просмотра книг, считавшихся давно утерянными, о простой радости от бесед со старыми друзьями. Осознание того, что существует часть его собственной жизни, которую он не прожил, глубоко ранило

душу Алого Короля. Это была совершенно другая жизнь, но все же часть ее он переживал в этот самый момент.

Путешествие по Великому Океану раскрыло Магнусу истину о воображаемой пространственной решетке времени и ее многогранной природе. Смотреть лишь на один срез спирального течения энтропии и перемен означало отказывать душе в созерцании чуда всех остальных.

И все же была некая непосредственность в том, чтобы оказаться потерянным в настоящем настолько, чтобы все остальное просто исчезло...

Словно откликнувшись на не-воспоминания Магнуса, туннель расширился, и мягкое сияние невозможного звездного света озарило его стены.

- **Мы на месте**, - примарх почувствовал облегчение своих сыновей от того, что они могут сойти с Низких Дорог.

Послышался шум ледяной воды, плещущейся о покрытый галькой берег, и Магнус ощутил впереди открытое воздушное пространство. Смешанное чувство волнения и трепета наполнило его, но он подавил чувство эйфории от предвкушения воссоединения с последней и лучшей частью себя.

В конце концов, они находились в недрах крепости его отца.

Любая живая душа, которую они могли встретить в ее пределах, была врагом.

Кто знает, что ждет их здесь? Сатурнианский гамбит показал, что защитники Дворца могут быть чрезвычайно хитры, и Луперкаль, и Повелитель Железа теперь это понимали.

Магнус полагал, что их вполне мог поджидать целый орден Сестер Безмолвия со щитовым воинством Кустодиев Вальдора.

Он не собирался об этом думать, но сознание само наполнилось образом первого капитана Сынов Хоруса, распластанного в луже собственной крови после катастрофического штурма Сатурнианской стены. От некогда гордого воина теперь осталась растерзанная оболочка. Иезекииль Абаддон был окончательно разбит, и его душа, несчастная и отрешенная, теперь дрейфовала по океану отчаяния.

Так много надменных воинов, уверенных в своей великой победе.

И все теперь мертвы.

Он вспомнил, как насмеялся над их самоуверенностью, когда они уходили в бой.

А чем он был лучше них?

Магнус вошел в пещеру, вдыхая крайне терпкий запах озера, мокрого камня и обжигающе холодный воздух. На каменном своде мерцали неровным светом кристаллы, а ряд вилл размерами слишком большими для смертных располагался почти у самой воды.

Он узнал их, хотя никогда не бывал внутри.

Убедившись, что в засаде их не поджидает целая армия, страх перед возможной встречей с Легио Кустодес и нуль-девами испарился.

За столиком у озера сидели две фигуры: мужчина в черном и женщина в камуфляже. Последняя была

незнакома Магнусу, но в лабиринте путей ее оберегаемого разума он видел отголоски огромного промежутка времени, свидетелем которого она была.

Будь у него было время, он с интересом изучил бы ее ум.

Человек в черном был ему знаком - друг, брат, у Магнуса с ним было больше общего, чем с генетическими братьями. Они объединяли разумы, плыли тайными течениями Великого Океана и вместе постигали удивительные тайны его бездонных глубин.

Когда-то их объединяли узы более глубокие и сокровенные, чем любые кровные связи, но время и обстоятельства расставили их по разные стороны великого раскола, который теперь разделял Империум.

Женщина помогла мужчине подняться на ноги, они вышли навстречу. Но усилия по поддержанию внешней уязвимости были такими же иллюзорными, как природа времени в Великом Океане.

Он чувствовал их страх, их благоговение, их... что... надежду?

Мужчина в черном приветственно улыбнулся.

- Добро пожаловать домой, Магнус, - произнес Малкадор.

11 Мат слепого

Домой.

Это слово больно ранило Магнуса.

Для существа, стоящего выше законов материальной вселенной, оно почти не имело смысла, или Магнус так думал, пока оно не слетело с губ Малкадора и пронзило в самое сердце.

С тех пор как примархов еще в младенчестве раскидало по галактике, для Алого Короля домом всегда был Просперо. Располагаясь в изоляции от колыбели человечества, этот далекий мир стал приютом для закрытой группы ученых и провидцев, которые посвятили свои жизни развитию зарождающегося психического потенциала.

Даже будучи сиротой, брошенным на произвол судьбы, Магнус обладал силой большей, чем другие.

Просперо был мечтой, местом радости и света, где он вырос, чтобы стать самым лучшим и блистательным из всех.

Но теперь он увидел, чем был его мир на самом деле - убежищем.

Там он мог расти и развиваться, не опасаясь лишиться блеска славы, в месте, где его никогда не будут пытаться вытеснить на второй план и не сочтут его достижения ничтожными перед лицом величия другого.

Одно только слово привело к пониманию этого. Одно простое слово.

Малкадор был достаточно мудр, чтобы понимать, какой эффект оно произведет на Магнуса, которому было неприятно осознавать, как легко оно обошло его бдительность и насколько глубоко задело его. Даже сейчас Сигиллит играл в игры разума.

Магнус отогнал тягостные мысли о Просперо и зашагал по черному песку.

Как похоже на Истваан V.

Он не участвовал в первых сражениях молниеносной войны Луперкаля, но пережил их события через психометрию других. Он проходил по залитым кровью полям Ургалльской низины, обозревая картины более яркие, чем даже те, кто сражался там и погиб.

- Это же Сигиллит, - недоверчиво сказал Атрахасис. - Его нужно убить.

- **Нет**, - повелел Магнус. - **Ни никаких убийств, кроме как по моему слову.**

Тысяча Сынов рассредоточились - отряд из четырех воинов, их болтеры были нацелены на Малкадора, хотя Сигиллита, казалось, не беспокоили вражеские легионеры, которые брали его в окружение. От женщины исходило только удивление, но не страх, которого Магнус был готов ожидать. Столик между людьми был накрыт и сервирован: серебряный кувшин, блюдо с фруктами, обычная круглая доска для регицида. Простой набор с самыми простыми деревянными фигурами.

Магнус за доли секунды скользнул взглядом по доске, просчитал бесчисленные комбинации будущих ходов и вероятных контрнаступлений.

- **Ты в шаге от поражения**, - заявил он.

Аливия смотрела, как примарх Тысячи Сынов приближается гордой походкой, и чувствовала, как бешено колотится сердце в груди. За свою долгую жизнь она встретила четырех сыновей Императора: Хоруса Луперкаля, Жиллимана, Коракса и того, чье имя она поклялась никогда не произносить.

Ни один из них не поразил ее так, как Магнус.

Смотреть на подобных существ - она отказывалась называть их полубогами или прочими нелепыми именами - означало быть свидетелем ужасающего слияния науки и магии, свободного от оков нравственности и благоразумия. Примархи были созданы при помощи силы, способной порождать монстров.

Их способности потрясали Аливию, но при этом она всегда понимала, насколько эти создания обросли мифами. Да, примархи были могущественны, но не бессмертны. Их можно убить.

Магнус был совсем другим.

Его тело уже давно стало результатом его деяний - уже не полностью из плоти и крови, но еще и не целиком из имматериума. С конечностей, похожих на раскаленные слитки, только что извлеченные из печи, струилась янтарная дымка, красные волосы горели так ярко, что было больно смотреть. Литые пластины доспеха отражали свет, не имеющий источника, а по гладкой поверхности рогатого нагрудника плыли призрачные образы.

Аливия почувствовала, как по ней скользнул его бездонный взгляд, и ощущение, что за этим зловещим взором скрывается жестокая правда, вызвало у нее приступ тошноты. Она помнила, с каким вызовом встретила взгляд Хоруса на Молехе, но там, где Воитель воплощал грубую силу, Магнус представлял собой океан безграничной ярости, сдерживаемой одной единственной, готовой треснуть по швам плотиной человечности, которая еще оставалась в нем.

- **Ты в шаге от поражения**, - повторил Магнус, и даже его голос был полон тяжести ощущения, что только благодаря сдержанности, он не уничтожил ее своим злобным слогом. - **Я полагаю, она хочет выставить своего дивинитарха против мата слепого.**

- Похоже на то, - согласился Малкадор, - но мой тетрарх готов к гамбиту предателя.

- **Рискованно. Очень рискованно.**

Малкадор улыбнулся.

- Действительно. И против более безжалостного противника я бы не стал применять такой ход. Не обижайся, Аливия.

- Ничего, - сказала она, изо всех сил стараясь, чтобы голос звучал ровно. - Я все равно предпочитаю карты. Гораздо проще обмануть.

- **Тебя зовут Аливия?** - спросил Магнус, обращая на нее свое внимание. Она вздрогнула под его пристальным взглядом, но лишь слегка, чувствуя себя, будто скованная ужасом газель перед охотящимся львом.

Она кивнула и сказала:

- Аливия Сурека. Мне не нужно спрашивать, кто ты.

- **Что за странная судьба привела тебя сюда, на спокойные берега этого озера, где ты играешь в регицид с Сигиллитом Терры, в то время как мои братья ведут осаду наверху?**

- Это он попросил меня прийти.

- **Почему?**

- Понятия не имею, - ответила Аливия. - Он не мастер давать прямые ответы.

Магнус усмехнулся.

- **Нет, действительно, не мастер.**

Малкадор присел за столик и воткнул свой посох в песок, будто древко знамени. Он протянул другую руку, предлагая Магнусу присесть напротив.

- Что скажешь, если мы завершим игру? - спросил Малкадор.

- **Она почти закончена**, - ответил Магнус.

- Конец игры не предопределен.

- **Кое-что предопределено**, - сказал Магнус, переводя взгляд на стул напротив Малкадора. Он растягивался в размерах со стоном скручивающегося железа, чтобы приспособиться к его нечеловеческим пропорциям. - **Кроме того, я не хочу снова играть с тобой. Твои ходы и уловки мне известны, и наши партии всегда заканчивались ничьей.**

- Тогда сыграй с Аливией, - предложил регент, поднимаясь из-за стола.

Женщина перевела взгляд с Малкадора на доску и обратно. До прибытия Магнуса она терпела

поражение, а теперь ей предлагали преимущество в игре. С позиций Сигиллита победа была почти в кармане, но против примарха...

- **Со смертной?** - фыркнул Магнус. - **Какой в этом смысл?**

- Аливия может тебя удивить, она весьма талантлива.

Их высокомерие раззадорило женщину, и она заняла место Малкадора.

- Конечно, почему бы и нет? Тебе часто выпадает такая возможность?

Магнус посмотрел на нее более внимательно. Без сомнения, он с подозрением относился к мотивам Малкадора. Она не винила его, поскольку была настроена столь же скептически.

- **Ну что ж, не смею отказать вам в последнем желании.**

Малкадор встал позади Аливии и сказал:

- Ты изучал мою партию против Дума?

- Ты играл против Нартана Дума? - спросила Аливия, вытягивая шею, чтобы увидеть лицо Малкадора.

- Однажды, в те упоительные времена, когда он еще не превратился в тирана.

Магнус кивнул.

- **Месяцами я проигрывал в уме ту партию, чтобы понять, как он победил Дума. И в конце концов был вынужден прийти к заключению, что к моменту, когда Нартан совершил последний отчаянный гамбит со своей императрицей, он тронулся умом. Теперь я буду играть в вашу игру. Но достаточно символизма и уклонений, вы знаете, зачем я здесь.**

- Напрашивается ряд предположений, - сказал Малкадор.

- **Например?**

Аливия протянула руку, чтобы переместить своего гражданина вперед - незначительный ход, попытка затянуть время.

- Месть за Просперо? - предположила она.

Магнус передвинул свою последнюю уцелевшую крепость с одного края доски на другой, чтобы выставить ее против примарха Аливии. Еще один ничего незначащий шаг в маловажной части доски. Изучив расположение фигур, она увидела, что только передвижение епископа и короля в секторе видершинса имело какое-либо значение.

- **Разве этот мотив не оправдан?** - спросил Магнус. - **Я не сделал ничего плохого, но мой мир был разрушен, моих сыновей вырезали псы Русса, а богатство знаний превратилось в пепел.**

- Это не входило в мои намерения, - вымолвил Малкадор. Его печаль была искренней. - И не в Его.

- **Это уже не имеет смысла,** - отрезал Магнус. - **Ты все еще несешь ответственность. Ты послал Русса и кустодиев в мой мир с обнаженными клинками. И что, по-твоему, они собирались сделать?**

- Возможно, об этом нужно спросить Хоруса, - произнес Малкадор. - Его руки запятнаны кровью твоих сыновей так же, как и мои. Я говорю об этом не для того, чтобы снять с себя ответственность. Это мое решение, и гибель Просперо лежит на моей совести. Я послал Волков. Я отдавал им приказы, но не предвидел, что цель их миссии может быть изменена с помощью одного только слова.

Магнус покачал головой.

- Небольшие отклонения, которые мы упускаем или не замечаем, мельчайшие недостатки, которые считаем несущественными... они имеют далеко идущие последствия. Разве не ты учил меня этому?

- Да, - печально сказал Малкадор. - Если бы ты действительно понимал, что это значит.

Он предостерегающе поднял ладонь, чтобы остановить готовый вырваться гнев Магнуса.

- Не пойми меня неправильно, - продолжил Сигиллит. - Мы тебя подвели. Мы не сказали всего, что тебе нужно было знать. Мы дали тебе инструменты для создания твоей собственной реальности, но не уточнили, какова будет цена за пересечение определенных границ. Неудача полностью наша, моя и Императора, а не твоя. Но это не меняет того, где мы сейчас находимся. Важно то, что происходит здесь, прямо сейчас, в этот момент.

- В чем смысл этого признания, Малкадор? Ты хочешь моего прощения, не так ли? Мой Легион почти уничтожен, и злоеущие силы, которые даже сейчас опустошают Хоруса, как изнуряющая болезнь, собираются, точно стервятники, вокруг моих сыновей. Вокруг меня.

- Мои слова не были признанием.

- Тогда что же это было?

С тяжелым вздохом Малкадор оперся на свой посох, и Аливия увидела подлинную суть этого человека. Несмотря на всю власть, которой он обладал, несмотря на все грандиозные замыслы, воплощаемые в течение тысячелетий, он устал.

Его долгая жизнь подходила к концу, и он знал это.

- Это последняя попытка поговорить с Магнусом, которого я знал до тех пор, пока не наступила эта эпоха безумия. Ты всегда был лучшим из нас во многих вещах. Ты обладал проницательностью, с которой ни один из твоих братьев даже близко не мог сравниться. Каждый из них воплощает величие по-своему, но никто не смог стать настолько дальновидным или представить себе безграничные возможности существования, как ты. Даже я не мог вообразить себе того, о чем ты мечтал.

- И все же мы здесь, - произнес Магнус. - Как враги.

Малкадор покачал головой.

- Эти отношения, как мягкая глина, которая еще не обрела форму, а жар печи еще не сделал любое преобразование безвозвратным.

Магнус вернулся к игре. Аливия сделала то же самое и с удивлением увидела, как меняется расстановка фигур на доске. Игроки передвигали их интуитивно, не осознавая полностью своих действий и выбранных стратегий.

Гамбит предателя больше не был возможен, как и мат слепого. Необходимые для этих комбинаций фигуры были рассеяны и разбросаны, а части доски, которые Магнус ранее не принимал в расчет как несущественные, теперь приобрели гораздо большее значение.

В новой расстановке белый примарх противостоял черному императору, а все остальные фигуры отошли на задний план, словно массовка, растворившись в тени кулис и оставив в центре внимания только главных действующих лиц.

- Следующий ход примарха решит исход игры, - сказала она.

- Ты прав, она талантлива, - сказал Магнус. - Все решится в последней партии.

Аливия затаила дыхание.

- Тебе ходить, - произнесла она.

- Как вы думаете, - Магнус обхватил пальцами своего примарха, - все это что-нибудь значит? Вы оба понимаете, что эта игра бессмысленна. Она затеяна лишь для того, чтобы вызвать глупые ассоциации, способные запустить мои мыслительные процессы, определенные синаптические связи в моем мозгу и не очень тонко нажать на рычаги в моем сознании, чтобы вы смогли достичь свои цели.

- Я признаю некоторую театральность, - сказал Малкадор. - Но это не меняет смысл послания.

- И что за послание?

- Что еще не поздно изменить ход игры, - продолжила Аливия, опустив кончик пальца на голову своего императора. - Что следующий шаг, который ты сделаешь, определит, падет этот император или возвратит свои позиции.

Магнус кивнул и убрал руку от примарха. Он откинулся на спинку стула, устремив на Аливию холодный взгляд. Женщина оставила его без внимания, рассматривая вооруженных воинов за его спиной. Она чувствовала их нетерпение, когда они наблюдали, как их генетический отец ведет переговоры со своим заклятым врагом, словно они старые друзья.

- Ты сказал, что есть ряд версий, почему я пришел сюда, - внезапно Магнус вернулся к началу разговора.

- Да.

- Аливия предположила, что месть за Просперо одна из них, какие есть еще?

- Утерянный осколок твоей души.

Магнус щелкнул пальцами.

- Вот оно! Да, утерянный осколок моей души - последняя и лучшая часть меня. Когда Русс сокрушил меня, я воззвал к своим сыновьям, и мы вместе бросились в Великий Океан в поисках убежища. Я уже заплатил высокую цену, когда пытался предупредить отца о предательстве Хоруса, но защитить своих сыновей стоило мне всего.

- Я знаю, чего это стоило тебе, - сказал Малкадор. - Но знаешь ли ты, чего это стоило твоему отцу?

- **Скажи мне**, - с горечью произнес Магнус. - **Что же Он потерял?**

- Все.

- **После Просперо моя душа была разбита, как стекло о камень...** - начал Магнус.

- Я знаю, - прервал Сигиллит. - Я провел много времени в беседах с осколком души, который здесь обитал. В эти мгновения я почти мог забыть об ужасах войны, бушующей наверху.

- **Он был здесь?**

- Да, на той вилле, - Малкадор указал на неприметное строение из светлого камня, с застекленным атриумом и просторной террасой с видом на озеро.

- **Я помню...** - произнес Магнус и напомнил Аливии старика, растерявшего остатки разума и позабывшего лица своих близких. - **Я прочитал там восемь томов «Пирроновых рассуждений» Энесидема.**

- Мы обсуждали с ним многие вещи, но более всего - природу его существования. Он задавался вопросом, был ли он настоящим Магнусом, или же отдельной самостоятельной сущностью, как любой из многих других осколков, присутствие которых он ощущал во времени и пространстве. Он сказал, что чувствует себя настоящим, и я верю, что таким он и был. Но даже он понимал, что являлся чем-то, отделенным от большего целого.

- **Он лучше, что было во мне**, - Магнус потянулся к большому гримуару на поясе, и Аливия почувствовала болезненное отвращение к силе, которая исходила от него, силе, порожденной планетарным геноцидом.

Моргенштерн...

Значение этого имени было утрачено, на память приходило только упоминание его в старых религиозных текстах, но Аливия чувствовала, что для Магнуса оно было как ужасным проклятием, так и ... оружием?

- **И это лучше снова будет со мной**, - пообещал он.

- Ты ошибаешься, - возразил Малкадор. - Ошибаешься в том, что он был твоей хорошей стороной. Он был просто частью тебя, не лучше и не хуже любой другой. Каждый осколок цеплялся за память о тебе, но все они по отдельности - просто микромиры великой души, которой ты всегда был.

Недоверие отразилось на лице Магнуса, внутри него разгорался пожар, когда вся уверенность, с которой он явился в эту пещеру, рухнула перед истиной слов Малкадора.

- **Нет... Я чувствовал его великодушие, его чистоту. Даже через бездну космоса, даже в Великом Океане я чувствовал это. Он откололся еще до предательства Хоруса. Это лучшая часть меня, не испорченная... всем этим.**

- Прости, Магнус, но ты ошибаешься, - сказал Малкадор. - И ты опоздал. Его больше нет.

Примарх вскочил на ноги, опрокинув стол, доска разлетелась на части. Аливию отшвырнуло назад, внезапность движений Магнуса была более шокирующей, чем боль от того, что край стола врезался ей в грудь. Она перевернулась в воздухе и приземлилась метрах в десяти лицом в песок.

Аливия закашляла и сплюнула – кровь смешалась с песком. Она вскрикнула, почувствовав, как в груди зашевелились сломанные ребра. По вспененной крови на губах она поняла, что осколок кости, должно быть, проткнул мягкую ткань легкого. Она выкашляла красный сгусток вязкой жидкости и с мучительной болью перевернулась на бок в то время, когда Магнус сжал в кулаке горло Малкадора.

Он держал человека в трех метрах от земли. Жизнь Сигиллита была в его руках.

Воины, которых Алый Король привел во Дворец, попятились от своего господина, опасаясь его ярости, как и Аливия.

- Он нужен мне! – взревел Магнус. **- Кто я без него? Зверь - не лучше Ангрона? Раб желания, как Фулгрим? Если между нами нет различий, и я не большее и не меньшее, чем он, тогда все, что я сделал, это...**

- Это часть того, кем ты уже стал, – закончила Аливия, и ближайший воин в красной броне направил на нее свой болтер. Она заставила себя выпрямиться, подавив крик боли, дыхание с хрипом вырвалось из горла, а острый осколок кости вонзился в сердце.

- Я не буду таким, как мои падшие братья, не буду! – воскликнул Магнус. **- Скажи, где найти последний осколок моей души, или я прикончу тебя прямо сейчас.**

- Его нет, – Малкадор с трудом выдавливал слова – железная хватка Алого Короля сковала дыхание. – Даже тебе до него не дотянуться.

- Что ты сделал? – требовал Магнус.

- То, что нужно было сделать... – выдохнул Малкадор, – ...чтобы спасти последнего сына Просперо.

С кожи примарха поднимались струйки дыма, клубились в темноте и кружились вокруг него, как живые существа. Аливия почувствовала исходящий от него жар и поняла, что всякая надежда Малкадора образумить Магнуса исчезла.

Она заковыляла обратно к виллам, не надеясь избежать преследования, но продолжая двигаться, повинаясь животному инстинкту – бежать, чтобы выжить. Она переносила и более серьезные раны, чем эта, и выжила. Но никогда ее не ранило существо столь могущественное, как Магнус.

Аливия упала на одно колено, рукой загребла песок, у нее перехватило дыхание. В левой части груди она почувствовала неприятную сосущую пустоту. Боль наполнила ее, но бывало и хуже.

За спиной раздался хруст шагов, и женщина заставила себя подняться на ноги.

Боковое зрение затуманилось, она выкашляла еще один комок кровавой мокроты.

- Повернись, – произнес чей-то голос: резкий, требовательный, не привыкший к отказу.

И она почти подчинилась, почти отреагировала на этот повелительный тон.

- Да пошел. Ты... – прохрипела Аливия между мучительными вдохами.

Она продолжала идти. Разноцветную мозаику на площади едва можно было различить среди стен из светлого мрамора. Если бы только она смогла добраться до строений, там, по крайней мере, она будет вне поля зрения Магнуса и его колдунов. Но виллы казались такими далекими, и с каждым пошатывающимся шагом становились все дальше.

Если бы только она смогла...

Масс-реактивный снаряд ударил Аливии между лопаток и взорвался глубоко в грудной полости.

Огонь. Боль. Пустота.

Магнус позволил вырваться наружу ярости – огню, что полыхал в нем с тех пор, как он впервые появился на свет несколько веков назад и взглянул на мир, столь же прекрасный, сколь и пугающий, с сознанием, не похожим ни на чье другое.

Все, что он сделал, было служением своему отцу, и теперь последний шанс искупить свое прошлое, получить отпущение грехов, был отнят.

Он обрушил рев на свод пещеры, сотрясая камень силой своей ярости.

Послышались крики, одиночный выстрел болтера.

Казалось, огонь пылал целую вечность, хотя прошло всего несколько секунд.

Ярость начала стихать, и Магнус упал на колени. Высвободившаяся сила стекала с его конечностей, к зрению вернулась четкость. Он почувствовал зловонный запах горелого мяса и увидел, как от его огненно-медной кожи поднимается дым.

Нарастал звук падающих с потолка пещеры огромных кусков камней и кристаллических образований. Сотрясаемые мощью, порожденной яростью примарха, они падали, словно в замедленной съемке пикт-камеры, и когда, наконец, коснулись поверхности воды, на берег обрушились темные волны.

Магнус смотрел, как регицидная доска вместе с фигурами погрузились в глубины подземного водоема – исход последней партии навсегда останется неопределенным.

Он поискал глазами женщину и увидел, что она лежит на песке лицом вниз.

Большая часть туловища отсутствовала, лишь торчали осколки раздробленных ребер и спекшиеся грудные позвонки, кровь растеклась по плиткам площади. Атрахасис вернулся к ним, из ствола оружия струился дым.

- Я сказал не убивать без моего разрешения.

- Она ... - начал Атрахасис, но примарх не дал ему закончить.

Одной только мыслью он взорвал каждый атом в теле воина, не оставив ничего, кроме инертной пыли внутри боевого доспеха, который развалился на части и с грохотом упал на песок.

Остальные отшатнулись при виде смертельного взрыва Атрахасиса, опасаясь, что их тоже затронет гнев примарха. Но в нем осталось только горе, и он, закрыв глаза, застыл в неподвижности, словно статуя.

Магнус не мог сказать, как долго оставался в таком состоянии, но все же сквозь туман, окутавший его разум, проник чей-то осторожный голос.

- Милорд.

- Азек...

- Милорд, - позвал Ариман с большей решимостью. - Мы должны отступить.

- **Отступить?** - переспросил Магнус. - **Нет...**

- Мы должны, - повторил Ариман. - Вы не нашли здесь того, что искали, но мы нанесли сильный удар нашим врагам. Тот, который переломит ход войны.

- **Сильный удар?.. Я не понимаю...**

И тут Магнус увидел.

Он все еще сжимал Сигиллита в руках железными тисками. Больше никогда тот не будет играть в регицид, никогда не будет стоять в присутствии полубогов и говорить с ними как с равными.

Больше никогда...

Труп Малкадора представлял собой обугленный скелет из оплавленных костей и жареного мяса. Лишенный плоти череп свисал на остатках рваных сухожилий и отростках спинного мозга, а то, что некогда быломестилищем великого разума, сочилось из трещин в расплавленной кости.

- **Нет!** - закричал Магнус, поднимаясь на ноги.

Останки Сигиллита выпали из его ослабленной хватки на берег озера, где накатывающие волны подхватывали их и перекачивали по песку. Посох, символ власти, более служил не флагштоком, а скорее надгробным столбом.

Еще две смерти можно добавить к постоянно растущему счету.

- Сир, - обратился Амон. - Азек прав. Мы должны уходить, пока не явились кустодии. Чудо, что они еще не здесь. Смерть Сигиллита почувствуют, и золотые воины Императора будут мстить за него.

- **Это никогда не входило в мои намерения,** - прошептал Магнус, и собственные слова словно в насмешку эхом отозвались в его голове.

Это уже не имеет смысла. Ты все еще несешь ответственность.

- Как мы могли не увидеть этого, мы величайшие провидцы Корвидов? - удивился Менкаура. - Смерть столь значительной души, как регент Терры - и никто не видел этот момент в своих видениях, даже намек на такой вариант будущего?

- **Мы не отступим, мы направимся в самое сердце Терры,** - сказал Магнус. - **Ничто из того, что здесь произошло, не имеет значения. Через Малкадора я увидел все секреты, все скрытые пути и кордоны во Дворце. И я знаю, что теперь делать.**

- Сир?

- **Мы находимся в самом сердце Санктум Импералис,** - в Алом Короле зародилась исключительная цель. - **На расстоянии вытянутой руки от того, что Альфарий не в состоянии себе представить, а Хорус Луперкаль не смеет даже мечтать.**

- Что вы намерены предпринять, милорд? - спросил Ариман.

- **Убить Императора.**

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Ярость_Магнуса_/_Fury_of_Magnus_\(новелла\)&oldid=17333](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Ярость_Магнуса_/_Fury_of_Magnus_(новелла)&oldid=17333)

Эта страница в последний раз была отредактирована 12 июля 2021 в 21:53.